ИСТОРИЯ РЕЛИГИЙ ВО ВЛАДИМИРСКОМ КРАЕ (советский период)

Монография

Владимир
Издательство «Шерлок – Пресс»
2018

УДК 2
ББК 86.3
И89

Рецензенты:
доктор исторических наук, профессор А. К. Тихонов;
доктор педагогических наук, доцент Е. А. Плеханов

Редакционная коллегия:
доктор философских наук, профессор Е. И. Аринин (ответственный редактор);
кандидат философских наук Л. А. Февралева (научный редактор)

Авторский коллектив:
Е. И. Аринин, О. В. Арсенина, иеромонах Варфоломей (С. Н. Минин),
Н. В. Зин, М. А. Киселева, С. Г. Козлов-Струтинский, С. С. Михайлов,
О. А. Монякова, А. В. Торопов, И. К. Чистякова, Л. А. Февралева

Работа издана
при финансовой поддержке администрации Владимирской области

И89 История религий во Владимирском крае (советский период) : монография / Е. И. Аринин [и др.] ; отв. ред. : Е. И. Аринин. – Владимир : Издательство «Шерлок-пресс», 2018. – 200 с.
ISBN 978-5-6041042-4-8

На обширном архивном и краеведческом материале освещается советский период истории основных религиозных конфессий на территории Владимирского края, характеризуются различные периоды в государственно-церковных отношениях на региональном уровне.

Адресована ученым, работникам региональных и муниципальных органов управления, представителям религиозных и национальных организаций, учителям и преподавателям общественных дисциплин, учащейся молодежи.

УДК 2
ББК 86.3

ISBN 978-5-6041042-4-8

© ООО «Издательство «Шерлок – Пресс»,
оформление, 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

От редакции 4

Введение 6

Глава 1. Земля Владимирская и политика «государственного атеизма» 10
1. Власть и религия во Владимирском крае: начало советского периода 10
2. Взаимоотношения Русской Православной Церкви и местных органов власти во Владимирском крае в 1943–1953 гг. 33
3. Государственное регулирование деятельности религиозных объединений: от гонений к тотальному контролю 47

Глава 2. Владимирская епархия Русской православной церкви 63
1. Историография истории Владимирской епархии в 1917–1991 гг. 63
2. Владимирская епархия в начале XX века и первой половине 40-х гг. XX в. 73
3. Приходы и монастыри Владимирская епархия в начале XX века и первой половине 40-х гг. XX в. 78
4. Владимирская епархия во второй половине 40-х – начале 90-х гг. XX в. 93

Глава 3. Старообрядческие согласия Владимирского региона 117
1. Владимирское старообрядчество в период 1917–1991 гг. 117
2. Единоверческое старообрядчество, поморцы и калагуры в религиозной традиции Владимирского края 129
3. Ковровское старообрядчество в советское время 134

Глава 4. Религиозные меньшинства Владимирского края 144
1. Католики на Владимирской земле после 1917 года 144
2. «Время тяжелых испытаний или печать разорения» (владимирские лютеране и их потомки в годы Советской власти) ... 153
3. Евангельские христиане-баптисты во Владимире и области 156
4. Владимирские ассирийцы 160
5. Езиды во Владимирском крае в советское время 165

Заключение 168

Приложения 170

ОТ РЕДАКЦИИ

Обращение к изучению советского этапа региональной истории религиозных конфессий представляется особенно важным по целому ряду причин. Прежде всего, историческое наследие продолжает оказывать хотя и косвенное, но до конца не преодоленное воздействие на отношение к религии, на ценностное самоопределение людей и формирующиеся социальные практики. Несмотря на легализацию положения церкви и ее правовую реабилитацию в сфере государственно-конфессиональных отношений продолжается сохраняться инерция советского времени.

Вместе с тем, идеологические шаблоны, широко тиражируемые либеральными средствами массовой информации, культивируют в общественном сознании ложные стереотипы, далекие от исторической реальности. К их числу относится представление о Советском Союзе как о безбожном атеистическом государстве, полностью подавлявшем религиозную жизнь людей и жестко контролировавшем деятельность конфессиональных сообществ. При этом забывается, что, несмотря на доминирование коммунистической идеологии и многолетнюю антирелигиозную политику, государство признавало вероисповедание частным делом граждан, которые имели право объединяться в формальные и неформальные религиозные организации. Сегодня недостаточно ограничиваться общими сведениями о государственной политике, проводившейся по отношению к религии о церкви. От религиоведческой науки требуется воссоздание конкретной, основанной на проверенных фактах и архивных материалах, картины религиозной жизни в различных регионах страны. Только в этом случае возможно противостоять как нигилизму и очернительству прошлого, так его идеализации.

Основная сложность исследования заключается в том, что деятельность конфессий в СССР долгое время оставалась и еще продолжает оставаться закрытой для ученых. Кроме того, в 40–50-е годы почти все материалы, касающиеся религиозных организаций, имели гриф «секретно» и в соответствии с действующим порядком часть из них уничтожалась в ходе работы уполномоченных как Совета по делам РПЦ, так и Совета по делам религий. Так, в фонде Совета по делам религий при Совете министров СССР (Ф. 6991) Государственного архива Российской Федерации встречаются дела с надписями на обложке: «Материалы по республикам, краям и областям, изъятые из уничтоженных дел за 1947 г.». Документы уничтожались и при кадровых перестановках на местах. Многие дела были утеряны или уничтожены в период демонтажа

советской системы. Поэтому имеющаяся источниковедческая база не позволила детально осветить некоторые аспекты заявленной темы.

В реализации настоящего проекта приняли участие не только ученые, но и руководители тех религиозных организаций, которые в советское время осуществляли свою деятельность в регионе. Взгляд «изнутри» позволяет лучше понять условия, в которых протекала церковная жизнь, глубже почувствовать атмосферу, в которой люди стремились сохранить религиозную веру, этнические традиции и обычаи. Однако в условиях государственного прессинга значительный пласт религиозности вытеснялся из институциональной сферы в повседневную жизнь, в бытовую культуру и поэтому не поддается документальной и статистической фиксации. Этим объясняется отсутствие в книге сведений о таких религиях как иудаизм, ислам.

Издание подготовлено авторским коллективом в составе: д-р филос. наук, проф. Е. А. Аринин – введение, глава IV, 4.3, заключение; канд. филос. наук Л. А. Февралева – глава I, 1.1, 1.3; канд. ист. наук, доцент Н. В. Зин – глава I, 1.2; канд. ист. наук, д-р теологии, доцент иеромонах Варфоломей (С. Н. Минин) – глава II; канд. филос. наук, доцент О. В. Арсенина – глава III, 3.1; канд. филол. наук А. В. Торопов – глава III, 3.2; д-р ист. наук О. А. Монякова – глава III, 3.3; С. Г. Козлов-Струтинский – глава IV, 4.1; И. К. Чистякова – глава IV, 4.2; С. С. Михайлов – глава IV, 4.4; М. А. Киселева – глава IV, 4.5.

Авторы выражают искреннюю признательность работникам Государственного архива Владимирской области, Владимирской областной универсальной научной библиотеки им. М.Горького, Центральной городской библиотеки г. Владимира и лично Л. С. Сметаниной, руководителям религиозных и национальных организаций, предоставившим материалы об истории своих конфессий в советское время.

Выполненное исследование является продолжением грантового проекта «История религий во Владимирском крае», реализуемого при финансовой поддержке администрации Владимирской области. Посвященная советскому периоду истории нашей страны, книга восполняет значительный пробел, существующий в региональном религиоведении. Непредвзятый анализ недавнего опыта государственно-конфессиональных отношений будет содействовать утверждению атмосферы доверия между властью и религиозными сообществами, гармонизации межконфессиональных отношений и укреплению гражданского общества в России.

ВВЕДЕНИЕ

Предлагаемая вниманию читателей вторая книга из серии «История религий во Владимирском крае» посвящена советскому периоду в истории нашей страны. Эпохальное событие, столетие которого мы отмечали в 2017 году, оказалось поворотным пунктом для всех без исключения вероисповеданий и конфессий. Сегодня у нас есть возможность создать более объективную и разностороннюю картину религиозной жизни в условиях атеистического государства. Для этого авторский коллектив попытался дополнить научно – религиоведческий анализ положения религиозных сообществ, оценкой советского периода представителями самих этих сообществ.

Две революции 1917 года положили начало радикальной трансформации региональной культуры, восходящей к «роусьскаѧ землѧ» династии Рюриковичей, «Суздальской земле» Андрея Боголюбского, «Великого княжения Владимирского» Александра Невского и Российской империи династии Романовых. Политика «штурма небес», обосновываемая тезисом об «отмирании религии», стала попыткой отменить складывавшиеся более 1000 лет «традиции истинного благочестия» Владимирского края, 90,3% населения которого, согласно данным переписи 1897 года, были «крестьянами», т.е., согласно словарю В.Даля, «крещеными людьми», «землепашцами» и «сельскими обывателями» [2]. Перепись показала, что «почти все население Владимирской губернии православное (97,22 %) или принадлежит к старообрядцам и уклоняющимся от православия (2,52 %)», а «в этнографическом отношении Владимирская губерния является одной из самых коренных русских губерний», где «русские составляют... 99,74 %, в состав их входят... почти все православные, все старообрядцы и некоторые из иноверцев (римско-католики, немцы, иудеи и др.) [9, с. 10].

Через 100 лет, согласно данным последней в СССР всесоюзной переписи населения (1989), численность населения области почти не изменилась, составив 1654489 человек, которые, согласно данным Уполномоченного Совета по делам религий на 01.01.1990 г., объединялись в 80 религиозных организаций четырех конфессий, имевших церковные здания или молитвенные дома: православие (67), старообрядцы (1), евангельские христиане-баптисты (10), Адвентисты Седьмого Дня (2) [10, с. 4–9]. В 1988 году опрос работников Владимирского тракторного завода показал, что из 1452 мужчин и 1121 женщин оказалось верящих в Бога, соответственно, 6,9% и 15,1%, атеистов – 24,9% и 15,3%,

а безразличных к религии – 68,2% и 69,6%, при этом к участвующим в религиозных обрядах отнесли себя 25,1% мужчин и 38,6% женщин, а крестили своих детей 51,1% беспартийных, четверть комсомольцев (24,8%) и членов КПСС (27,4%) [4].

За годы советской власти наш регион испытал три административно – территориальных трансформации. В 1929 году Владимирская губерния вошла в качестве округа в состав новообразованной Ивановской Промышленной области, затем, с 1936 года – Ивановской области и только с 1944 года утвердился современный статус Владимирской области.

Можно утверждать, что между 1917 и 1991 годами, несколько раз изменялось само понимание достойных норм социальной солидарности. Так, 1917 год начался с восторженного отношения «граждан Российской Республики» к новым вероисповедальным свободам, утвержденным Временным правительством и советской властью, когда прежние деления на приверженцев «господствующей веры империи» и «терпимых вероисповеданий», включая «сибирское шаманство», противопоставляемых «еретикам», «сектантам», «отщепенцам», «лжеучителям» или «церковным мятежникам», сменяется мощной энергетикой краткого «золотого века» отделившихся от государства самоопределяющихся религиозных братств, в том числе самой Российской Церкви, восстановившей патриаршество в 1917 году [1].

Эта «гражданская солидарность», так или иначе, присутствовала в обществе до перехода к новой нормативности радикального «штурма небес» в контексте сталинской линии на «великий перелом». В 1929 году «Постановление Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров «О религиозных объединениях» (от 08.04.1929)» закрепило понятие «религиозное объединение верующих граждан всех культов», после чего слово «верующий» вошло в официальный лексикон, обозначая приверженцев «веры в сверхъестественное» и последователей «культов» (православного, католического, иудейского, сектантского, шаманистского и т.п.), активно или пассивно сопротивляющихся «построению коммунизма» [3].

В духе идеологии «великого перелома» в 1930 году А. В. Луначарский утверждал, что «до настоящего времени шаманы (жрецы, муллы, попы) являются теми же колдунами, которые якобы отличаются от всех прочих людей тем, что они умеют молиться, т. е. умеют добиваться от духов и богов, которые распоряжаются природой и жизнью людей, таких поступков, которые нужны им или молящимся» [5]. Публикуются сотни пропагандистских изданий «Союза воинствующих

безбожников» (1925–1947). Формируется новое поколение академической литературы, оценивающей историю религии и церкви с классовых позиций. Так, в «Истории русской церкви» Н. М. Никольский (1930), полагал, что «конец империи был концом и синодской православной церкви» [7, с. 164].

Новые нормы столкнулись с сохраняющимися в культурной памяти населения изначальными смыслами латинского слова «religio», которое 2500 лет обозначало отнюдь не «веру в сверхъестественное», но древний идеал «общежительства» как вечной «республики» («respublica», «общего дела») в «Pax Deorum» («божий мир», «мир божеств» и «мир с богами») [8]. Эта традиция символического обозначения непосредственной причастности личности к высшему единству «Красоты, Истины и Блага», т.е. к универсальной, величественной, сильной и яркой форме подлинного бытия, должна была отступить перед натиском мобилизующей семантики «идеалов строителей коммунизма», революционная солидарность которых, как предполагалось, вытеснит все другие формы человеческого «общежительства», включая и «отмирающую» религию.

Результаты печально известной переписи 1937 года инициировали поиски властью новых форм отношений с «верующими» согражданами путем «освоения волшебного» в первых фильмах – сказках (начиная с ленты Александра Роу «По Щучьему веленью, по моему хотенью» (1938), а в годы Великой Отечественной войны, «освоения вечного» путем пересмотра отношений с Русской Православной Церковью и рядом других вероисповеданий (1943).

Наряду с этим в середине XX века формируется нормативность «людей доброй воли», идея которой восходит к евангельскому «…на земле мир, в человеках благоволение» (Лк. 2:14). К приверженцам этой нормативности стали относить всех тех, кто в условиях опасной для всего человечества конфронтации ядерных держав, стремился не «освоить вечное», но руководствоваться добрыми, искренними и чистыми намерениями. Идея свободно принимаемой и выстраданной нормативности искреннего смирения людей доброй воли для сплочениях их в «respublica» («общее дело») и вечный «Pax Deorum» получила потрясающее художественное воплощение в фильме Андрея Тарковского «Андрей Рублев» («Страсти по Андрею», 1966). В этом талантливом кинематографическом произведении нашли глубокое выражение подлинная сила религии и суровая мощь человеческого духа, способные преодолевать трагизм социального бытия и духовно преображать личность.

В том же 1966 году во Владимире была опубликована брошюра «О состоянии религиозных организаций и религиозности населения Владимирской области», автор которой делил все «религиозные организации» на две категории – «православно-христианское вероисповедание», с одной стороны, и, «сектантов», с другой, включая в их число не только «бактистов» (лексика оригинала сохранена), «старообрядцев» и «адвентистов седьмого дня», но «еврейскую» и «римско-католическую» общины [6, с. 20, 26]. Верующих в СССР принято было классифицировать не столько по конфессиям, сколько по трем степеням «силы веры» и, соответственно, потенциальной опасности для идеологии, выделяя среди них «фанатиков», «обрядоверов» и «колеблющихся» [6, С.20–21]. Сегодня странно читать такие документы, но эти и многие другие противоречия советского периода нуждаются в детальном изучении на богатом фактическом региональном материале, во многом еще не введенном в научный оборот и заслуживающем дальнейших исследований.

Библиография

1. *Беглов А. Л.* Русская Церковь в 1917 году: путь к восстановлению патриаршества. – URL: http://www.pravmir.ru/russkaya-tserkov-v-1917-godu-put-k-vosstanovleniyu-patriarshestva/.

2. *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка / В. Даль. – М. : Гос. изд-во иностран. и национал.словарей, 1955. – Т. 2. С. 192.

3. Диспут Луначарского с митрополитом Введенским: Христианство или коммунизм. 20.09.1925 //http://www.runivers.ru/philosophy/chronograph/436128/

4. *Иванов А. И.* Религиозность населения Владимирской области периода «завершения советского периода» // Религия и религиозность во Владимирском регионе : коллективная монография / Под ред. Е. И. Аринина. – Владимир : Изд-во Владим. гос. ун-та, 2013.2013. – Т. 2. – С. 114–115, 126.

5. *Луначарский А. В.* Искусство и религия. – URL: http://lunacharsky.new-god.su/lib/religia – i – prosvesenie/iskusstvo – i – religia

6. *Мухин А. Н.* О состоянии религиозных организаций и религиозности населения Владимирской области. – Владимир : Знание, 1966.

7. *Никольский Н. М.* История русской церкви. – Рязань : Атеист, 1930. – С.164.

8. *Сини Ф.* Право и pax deorum в Древнем Риме // Древнее право. Ivs Antiqvvm. – 2007. – № 1 (19). – М. : Спарк, 2007. – С. 10–11.

9. *Тройницкий Н. А.* (ред.) Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Владимирская губерния. – СПб. : Изд-во Центрального статистического комитета МВД, 1904. – Т. VI. Тетрадь II (Последняя)

10. *Февралева Л. А.* Конфессиональный состав и динамика религиозности современного населения Владимирской области // Религия и религиозность во Владимирском регионе : коллективная монография / Под ред. Е. И. Аринина. – Владимир : Изд-во Владим. гос. ун-та, 2013. – Т. 1. – С. 58.

Глава 1

ЗЕМЛЯ ВЛАДИМИРСКАЯ И ПОЛИТИКА «ГОСУДАРСТВЕННОГО АТЕИЗМА»

1. Власть и религия во Владимирском крае: начало советского периода

В данном исследовании отношения власти и конфессий, действовавших во Владимирском крае в советское время (1917–1991 гг.), рассматриваются преимущественно в соответствии с периодизацией государственной политики СССР в отношении религии, которая была предложена О. Ю. Васильевой, выделяющей шесть крупных периодов: I (1917–1929), II (1929–1943), III (1943–1953), IV (1953–1958), V (1958–1964) и VI (1965–1991) [1]. Другой известный историк М. В. Шкаровский полагает, что таких периодов было значительно больше [2, с. 8–9]. Мы не ставим себе целью представить все многообразие точек зрения, существующих в религиоведческой литературе. Однако, как показывают материалы данного издания, отношение власти к религиозным объединениям во многом зависело от их конфессиональной принадлежности. Так, РПЦ пользовалась большим доверием, чем РКЦ, ЕХБ или, к примеру, «поморцы». Разными могли быть и отношения конфессий с местными органами власти.

Владимирская губерния начала XX века. Регион представлял собой административно-территориальную единицу Российской империи, включавшую 13 уездов, где, согласно данным на 01.01.1916 года, проживало 2091053 чел. Из них 82,3% – сельское население [3]. Среди всех крестьянских хозяйств Владимирской губернии 55% составляли безлошадные, 40% – бескоровные и 39% – беспосевные. Но и такое скудное сельское хозяйство облагалось непосильными налогами. В отчете правительства указано, что в 1913 году во Владимирской губернии взыскано налогов к чистому доходу: с крестьянской земли – 58%; с дворянской – 24%; с казенных, церковных и торгово – промышленных – 17–19%. [4, с. 16].

Следует отметить двойственную социальную природу крестьянства. С одной стороны, крестьяне отличались повышенной религиозностью, что впоследствии вылилось в массовые выступления против новой власти, вступившей в борьбу с религией, как многовековой си-

стемой ценностей и устоев. С другой стороны, крестьянство поддерживало захват и передел всех некрестьянских земель, в том числе монастырских. В целом, отмечалась высокая степень религиозности населения: во Владимирской губернии один православный храм приходился на 840 жителей, в Московской – на 1200 человек, в Воронежской – на 2500 жителей. На службе в церквях состояло 4742 церковнослужителей разных рангов. Во Владимирской епархии действовали 608 церковных школ, 5 духовных училищ и духовная семинария. При церквях имелось около тысячи библиотек [4, с. 1–2].

Согласно данным первой переписи населения Российской империи (1897) «почти все население Владимирской губернии православное (97,22 %) или принадлежит к старообрядцам и уклоняющимся от православия (2,52 %)» [5, с. 10]. Такая специфика и большее, чем в целом по Российской империи, присутствие старообрядцев, объясняется тем, что еще со второй половины XVII века лесистые восточные районы Владимирского края (прежде всего Вязниковский уезд) служили прибежищем для приверженцев «древнего благочестия» [6].

Другие религиозные сообщества тоже присутствовали в социокультурном пространстве Владимирской земли. Согласно данным 1925 года в дореволюционное время и первые годы советской власти на территории Владимирской губернии действовали религиозные организации, которые в литературе того периода именовались «сектами» [4, с. 29].

Таблица 1

Наименование сект	Количество организаций	Количество людей в сектах
Старообрядцы	36	4530
Евангелисты	14	860
Баптисты	6	313
Еврейские	4	229
Римско-католические	1	50
ИТОГО	61	5982

Географически картина выглядела следующим образом: старообрядцы размещались во Владимирском, Вязниковском, Ковровском, Меленковском, Муромском уездах. Наибольшее количество евангелистов проживало в Меленковском уезде, а также в Муромском, Юрьев-Польском, Александровском. Баптисты расселились по Владимирскому, Муромскому, Меленковскому, Судогодскому, Александровскому уездам. Еврейские организации действовали во Владимирском, Ковровском, Муромском уездах. Единственная римско-католическая община существо-

вала во Владимире. Социальной базой евангелистов и баптистов до революций 1917 года выступало мещанство, зажиточные городские и сельские слои, что и сказалось на их распространении в районах с относительно развитыми капиталистическими отношениями [4, с. 26–29].

В целом же, именно православие было определяющей формой религиозности населения Владимирского края и важнейшим конститутивным основанием всех элементов культурной жизни. Поэтому основу государственно – конфессиональных отношений в регионе составляли взаимоотношения новой власти с Владимирской епархией, объединявшей приверженцев «Православной Российской Церкви» (современное название принято с 1943 года – Русская Православная Церковь, Московский Патриархат, далее – РПЦ) [7].

Курс на строительство «государства свободы совести» и «великий поворот» (1917–1929–1943 гг.). Революции 1917 года продолжили попытки властей привести вероисповедальную политику в соответствие с назревшими внутренними проблемами и утверждавшимися международными нормами. Временное правительство в первой «Декларации Временного правительства о его составе и задачах» (03.03.1917) отменило все «сословные, вероисповедные и национальные ограничения» (п.3) [8]. Эти решения были подтверждены постановлениями «Об отмене вероисповедных и национальных ограничений» (04.04.1917) [9] и «О свободе совести» (14.07.1917) [10]. Было учреждено Министерство исповеданий (05.08.1917), которое возглавил А. В. Карташев. Однако ни одной из этих инициатив не было суждено осуществиться.

С первых дней нового «государства Советов» (07.11.1917) власть приступила к созданию законодательной базы, регламентирующей отношения церкви и государства во всех сферах жизнедеятельности. Так, уже на следующий день после свержения Временного правительства был принят Декрет о земле (08.11.1917), в соответствии с которым монастыри и церкви лишались своих земель [11, с. 17–20]. Они отчуждались в распоряжение волостных земельных комитетов и уездных Советов крестьянских депутатов. Вскоре постановлением Комиссариата по народному просвещению (11.12.1917) учебные заведения духовного ведомства передавались в ведение Наркомпроса [11, с. 129]. Передаче подлежали все церковно – приходские школы, учительские семинарии, духовные училища, академии и другие синодальные учреждения. При этом их движимое и недвижимое имущество также уходило в ведение государства.

В течение ноября-декабря 1917 г. Совет народных комиссаров (Совнарком) неоднократно обращался к вопросу об отделении Церкви

от государства. Курс на строительство светского государства был подтвержден в последовавших декретах, таких как «О расторжении брака» [12, с. 237] и «О гражданском браке, о детях и о ведении актов гражданского состояния» [12, с. 247], которые лишали церковный брак юридической силы, а взаимоотношения между супругами регулировались государственными законами.

Следует заметить, что большевики в значительной степени были зависимы от настроения масс, которые в продолжение реформ Временного правительства настойчиво требовали «полной свободы совести» [13, с. 48]. В этих условиях курс РПЦ, изложенный в Определении Поместного собора декабря 1917 года, оказался неприемлем для советской власти, поскольку предполагал возвращение к прежней системе управления Церковью и восстановление ее монополии в духовной сфере. Ответом государства стал декрет Совнаркома «О свободе совести, церковных и религиозных обществах» (20.01.1918), получивший в литературе второе название «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» [11, с. 373–374].

Декрет стал первым правовым актом, регулировавшим взаимоотношения государства и религиозных организаций в новых исторических условиях. Он объявлял народным достоянием все имущество церковных и религиозных обществ и лишал их права на преимущества и субсидии от государства. Церковь теряла право юридического лица. Все здания и предметы, предназначенные специально для богослужебных целей, отдавались по особым постановлениям местной или центральной власти в бесплатное пользование соответствующих религиозных обществ. Декрет устранял любое вмешательство духовенства в школьную жизнь. Преподавание религиозных вероучений в учебных заведениях запрещалось. Одновременно декрет, развивая положение Декларации прав народов России (02.11.1917), провозгласивших свободу вероисповеданий [11, с. 39–41], объявлял о свободе совести: граждане могли исповедовать любую религию или не исповедовать никакой. Запрещалось издавать какие-либо местные законы, которые устанавливали бы преимущества и привилегии одного вероисповедания перед другим. Кроме того, в декрете содержалось указание на то, что свободное исполнение религиозных обрядов обеспечивается постольку, «поскольку они не нарушают общественного порядка и не сопровождаются посягательством на права граждан и Советской Республики» (пп.1п.5). Местным властям давалось право «принимать все необходимые меры для обеспечения в этих случаях общественного порядка и безопасности» (пп.2 п.5) [11, с. 373–374].

Отношение к декрету в обществе было неоднозначным. Протест вызвало даже не собственно «отделение» церкви от государства, ибо эта идея имела много сторонников и ее практическая реализация ожидалась. Основной отпор в церковной и околоцерковной сфере был направлен против статей декрета о национализации церковной собственности (п.13) и об отказе признать за религиозными объединениями прав юридического лица (п.12). Утверждалось особое понимание «советской светскости», поскольку оба эти нововведения (национализация собственности и отказ в правах юридического лица) превращали свободные исповедальные объединения граждан в полностью зависимые от государства сообщества, приводя их не к декларируемому освобождению, а к равенству в бесправии, составившему радикальное отличие «Страны Советов» от мировой законодательной практики. Национализируя церковную собственность, новая власть считала необходимым «советоваться» и налаживать отношения, в первую очередь, не с органами административно – церковного управления, а с гражданами – членами религиозных объединений. Поэтому местным объединениям верующих передавалась бесплатно и в бессрочное пользование бывшая церковная (прежде всего приходская) собственность [13, с. 53].

10 июля 1918 года была принята Конституция «Республики Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов» (далее – РСФСР), которая содержала статью о свободе совести (ст. 13): «В целях обеспечения за трудящимися действительной свободы совести, церковь отделяется от государства и школа от церкви, а свобода религиозной и антирелигиозной пропаганды признается за всеми гражданами» [14, с. 133]. Кроме того, в Конституции предусматривалась возможность предоставлять «право убежища» иностранным гражданам, преследуемым за религиозные убеждения (ст. 12), в то же время вводились ограничения политических прав в отношении монашествующих и служителей культа (ст. 65). С принятием Конституции РСФСР основные положения декрета об отделении церкви от государства стали нормой конституционного права.

Первоначально обязанности координации действий в центре и на местах по реализации норм и положений декрета были возложены на образованную в апреле 1918 г. межведомственную комиссию при Наркомюсте. В ее состав вошли представители комиссариатов внутренних дел, просвещения, призрения, а также от православной, старообрядческой, римско-католической, греко-католической и других церквей [15, с. 29–71].

Несколько позже, 8 мая 1918 г., по поручению Совнаркома Наркомюст образовал специальный VIII отдел (1918–1924 гг.) по проведению декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви в жизнь. За ним закрепилось и иное название – «ликвидационный отдел». Подразумевалась не «ликвидация религий и церквей», а традиционных для царской России правоотношений между церковными сообществами и государством. Разъяснения и указания отдела вплоть до сентября 1918 г. были единственными правовыми документами, регламентировавшими порядок разрешения практических вопросов, связанных с отделением церковных и религиозных обществ от государства. На отдел также возлагалась задача по борьбе с нарушениями законодательства о культах со стороны как духовенства и церковных организаций, так и местных органов власти [13, с. 63–64].

По решению Коллегии ВЧК еще в феврале 1919 г. был организован специальный секретный отдел (СО), основной задачей которого являлась борьба с «антисоветской деятельностью буржуазных и мелкобуржуазных партий и групп», а также «церковников и сектантов». А несколько позже, в январе 1921 г., борьба с «контрреволюционной деятельностью духовенства» выделяется в отдельное направление в работе Секретного отдела в рамках 6 – го отделения СО ВЧК [13, с. 80]. Эти решения были предопределены тем, что в новой Российской республике в вопросах о характере государственно – конфессиональных отношений выявилось противостояние новой власти и власти церковной. Особенно остро оно наблюдалось на местах, где реализация декрета встретила существенные трудности, поскольку в 1918–1920 годы была предпринята первая открытая попытка наступления на Церковь. Уже 23 января 1918 г. Владимирский губисполком получил определение НКВД о необходимости принять имущество Церкви «под строжайший контроль». В 1918–1919 гг. все храмы Владимирской епархии были переданы в ведение городских или уездных исполкомов или милиции. В августе 1918 г. закрылись Духовная семинария, женское епархиальное училище во Владимире, в 1920 г. – епархиальное управление [16].

С 1918 года во Владимирской епархии, как и в целом по стране, начали закрываться монастыри. В 1920 прекратили деятельность 28 монастырей [17 д. 3, л.675], а в начале 1923 года все остальные монастыри Владимирской губернии [18]. В 1923 году Спасо-Евфимиев монастырь в Суздале, из которого были изгнаны последние 15 монахов, получил статус тюрьмы, как в царские времена. В 1923–1939 годах монастырская тюрьма в Суздале была превращена в политизолятор (с 1935 года –

в тюрьму особого назначения). Здесь содержались и священнослужители, в частности: митрополит Петр Крутицкий, епископ Александр Боярский, экономисты Николай Кондратьев, Леонид Юровский [19].

Политика новой власти вызвала массовые протесты. С 8 по 10 июля 1918 года произошло восстание в Муроме, получившее благословение епископа Муромского Митрофана (Загорского). 9 июля после захвата города восставшими «состоялся крестный ход, и в соборе был отслужен благодарственный молебен по случаю освобождения города от большевиков» [20, с. 263]. Восстание было подавлено. В Муроме прошли расстрелы. 8 августа Л. Троцкий «отдал распоряжение о создании в Муроме, Арзамасе и Свияжске концентрационных лагерей. В Муроме это заведение предположительно разместилось в Спасском монастыре» [21, с. 4].

О волнениях населения, вызванных недовольством советской властью неоднократно писала владимирская пресса тех лет. К примеру, «Известия исполкомов владимирских губернских и уездных советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов» в 1918 г. писали: «Вчера, 19 июня, в 7 часов утра было контрреволюционное выступление близлежащих к г. Владимиру волостей. Со стороны населения была стрельба по красноармейцам. Восстание подавлено военкомом. Город на военном положении» [22, с. 4].

Подобные выступления в 1918 году проходили на Владимирщине повсеместно: в Судогодском уезде против советской власти выступило около 500 человек» [23, с. 4]. 21 мая было крупное выступление в с. Черкутиново [24, с. 4]. В Меленковском уезде 21 июня выступило около 1000 человек. Город Меленки объявлен на военном положении [23, с. 4]. Крупное восстание произошло в с. Юже Вязниковского уезда. В дальнейшем руководители этого восстания были расстреляны ЧК [25, с. 4]. Мятеж произошел в Мошенской волости Судогодского уезда [26, с. 4].

В политическую борьбу включились духовенство и активные миряне, о чем, например, свидетельствуют еженедельные сводки ВЧК, представлявшиеся непосредственно высшему партийному руководству, членам правительства. В них был предусмотрен специальный раздел «Духовенство», в котором сообщалось о настроениях в церковной среде, об отношении к Декрету об отделении церкви от государства, к другим актам советской власти. В одной из таких Сводок за 1919 г., в частности, сообщалось: «г. Владимир. Отношение духовенства к власти враждебное, открыто выступать не решается, но частенько в “религиозных беседах”, критикуя Советскую власть, ударяет

по натянутым струнам населения – о продовольственном и других вопросах хлебной монополии, свободной торговле» [27, с. 23].

Новые власти признавали наличие напряженности во Владимирской губернии, однако ответственность перекладывалась на священнослужителей. Так, еще в декабре 1917 г. на губернском Съезде крестьянских депутатов был поставлен вопрос – присоединится ли крестьянский Съезд к Совету рабочих и солдатских депутатов? Голоса крестьянских депутатов разделились пополам, при повторном голосовании положительное решение было принято с перевесом в 1 голос. Новый орган власти губернии – Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов – был создан 11 декабря 1917 г. Вскоре крестьяне получили запрет на торговлю своим же хлебом, против которого они боролись весь 1916 и 1917 годы. В результате, в марте 1918 г. ГИК (губернский исполнительный комитет) в здании Присутственных мест (ныне «Палаты») был разгромлен местными крестьянами; в этом погроме участвовало и немало горожан [28].

Конфликты политические усугублялись природными катаклизмами, обрушившимися на регион в 1918–1919 гг. Газета «Известия Владимирских исполкомов» от 2 июля 1918 года рассказывала о повреждениях градом и червем посевов в восьми уездах Владимирской губернии, при этом град бывал величиной с «куриный желток». Тем не менее, V Владимирский губернский съезд Советов, состоявшийся в июле 1918 года, посчитал «единственным средством изъятия хлеба – подавление сопротивления кулачества». Зажиточная часть деревни были объявлены врагами народа, подлежащими «расстрелу на месте за оказание вооруженного сопротивления изъятию хлеба» [29].

В 1919 году Владимирскую губернию постигло новое бедствие. В течение всего лета, практически не переставая, лил дождь, от которого погиб урожай картофеля. Для жителей губернии это было катастрофой, т.к. губерния всегда была бедна хлебом, который ввозился из более плодородных мест. Картофель с сороковых годов XIX столетия считался здесь вторым хлебом [30, с. 250–251]. Несмотря на это, в августе 1919 года Владимирский губком РКП(б) призвал к «ущемлению» кулака, а в ноябре Владимирский губернский съезд Советов поручил Губчека беспощадно подавлять сопротивляющихся властям. Все эти меры вызывали недовольство многих крестьян, привели к народным выступлениям в Судогодском, Вязниковском, Гороховецком уездах, подавление которых сопровождалось арестами [31, с. 7–8].

Серьезным потрясением для Церкви стало повсеместное вскрытие мощей, широко развернувшееся с 1919 года. Специальное постановление

по этому поводу было издано Наркоматом юстиции в феврале 1919 года. Вместе с тем, именно Владимирская губерния стала одной из первых, где еще до издания упомянутого постановления начали проводиться вскрытия мощей святых. Еще в середине февраля 1917 года в течение десяти дней были вскрыты мощи святых благоверных князей Андрея Боголюбского, Глеба и Георгия, находившиеся в Успенском кафедральном соборе во Владимире, святых Петра и Февронии в Муроме, преподобных Евфимия и Ефросинии в Суздале, святого мученика Авраамия Болгарского в здании Успенского Княгинина монастыря во Владимире [32]. Вскрытия производили особые комиссии в присутствии священнослужителей. В ходе операции составлялись протоколы. Если в результате вскрытия обнаруживалось, что мощи не сохранились в целостном виде, это обстоятельство использовалось для антирелигиозной пропаганды и выдавалось за сознательный обман и подделку.

Поводом для развязывания масштабной антицерковной кампании явился голод 1921 года. Однако своей кульминации борьба с РПЦ достигла в 1922 году, когда был принят декрет ВЦИК об изъятии церковных ценностей, находящихся в пользовании групп верующих и начались массовые судебные процессы над духовенством, оказывавшим противодействие ограблению церквей [33]. В ходе кампании В. И. Ленин в своем секретном письме членам Политбюро от 19 марта 1922 г. определил позицию государства по отношению к Церкви как «беспощадное сражение черносотенному духовенству» [34].

Новым социальным феноменом эпохи стала тактика органов власти, направленная на дискредитацию и криминализацию духовенства РПЦ. Так, к примеру, весной 1922 г. во Владимире начинается следствие, связанное с хищением из ризницы Спасо-Евфимиевского Суздальского монастыря. Причем «так называемое суздальское дело состояло в том, что в 1918 г. при взятии на учет группой верующих имущества Спасо-Евфимиевского монастыря в г. Суздале была обнаружена кража из ризницы. Настоятель монастыря епископ Павел (Борисовский) назначил комиссию по проверке, которая выявила, что расхищено 48 золотых и серебряных предметов. Возможно, что ценности были просто спрятаны от властей. Несколько епископов были объявлены укрывателями и в марте 1922 г. арестованы. После показательного суда во Владимире епископ был приговорен к годичному заключению, но по амнистии на другой день освобожден» [35]. Различные попытки верующих и духовенства оказывать сопротивление властям заканчивались, как правило, арестами, судами и высылками. С 1918-го

по 1940 годы во Владимире был арестован 51 священнослужитель, а всего по области – 756 представителей церковного сословия [36].

Следует заметить, что до 1922 года у власти не было цельной программы борьбы с Церковью, как основным политическим противником, поскольку она сосредоточилась на таких первостепенных задачах как окончание войны и борьба с экономической разрухой. Но с 1922 г. борьба с Церковью определилась по двум направлениям – видимому (силами атеистов и «воинствующих безбожников») и невидимому (силами ВЧК – ГПУ – ОГПУ – НКВД – МГБ – КГБ) [1].

Так, 13 октября 1922 г. Секретариат ЦК РКП(б) рассмотрел вопрос о создании комиссии по антирелигиозной пропаганде (антирелигиозной комиссии), состоящей из 100 постоянных членов, которая выработала правила ввоза в страну религиозной литературы, установила порядок регистрации религиозных обществ [37, с. 319–320]. Во исполнение решений антирелигиозной комиссии в 1923 году Владимирский губисполком издал распоряжение горисполкомам о необходимости обязательной регистрации религиозных обществ [16].

В 1924 году антирелигиозная комиссия приняла решение о создании Союза воинствующих безбожников СССР и антирелигиозная пропаганда стала официальной государственной политикой [38]. Эти вопросы были предметом специального обсуждения еще на XII съезде РКП(б) в апреле 1923 г., когда в резолюции «О постановке антирелигиозной агитации и пропаганды» предусматривалось проведение «углубленной систематической пропаганды», избежание оскорбления чувств верующих, «ведущего к закреплению религиозного фанатизма» [37, с. 407–408]. К этому времени сформировались основные формы антирелигиозной работы, включая первомайские демонстрации вместо крестных ходов, «октябрины» вместо крестин и т. п.

Смысл большинства положений Декрета 1918 года, как законодательного акта, закладывавшего основы светского государства, был перечеркнут Постановлением ВЦИК СНК РСФСР от 8 апреля 1929 г. «О религиозных объединениях» [39, с. 83–97]. Религиозные общества и группы верующих были лишены прав на статус юридического лица. Каждое религиозное общество или группа верующих могли пользоваться только одним молитвенным помещением. Число учредителей религиозного общества должно было составлять не менее 20 человек. Духовенство было лишено избирательных прав. Все предписания Постановления были направлены на взятие под контроль власти любых религиозных проявлений. Православие с его духовно-нравственными

ценностями объявляется извращенным миропониманием, а его носители – духовенство и верующие – классовыми врагами системы [1].

В целях законодательного ограничения религиозной пропаганды в 1929 году в Конституцию РСФСР (в редакции 1925 года) была внесена поправка статьи 4, которая ограничивала религиозную деятельность церковными стенами, хотя право на антирелигиозную пропаганду было оставлено в силе. Центральный совет Союза воинствующих безбожников дал разъяснение, как необходимо толковать данное конституционное изменение (см. приложение 2) [40, с. 46–48].

Новыми государственными институциями, которые инициировали разработку законопроектов о религиозных организациях или принятие нормативных актов по конкретным вопросам их деятельности, были Комиссия по вопросам культов при Президиуме ВЦИК (1929–1934 гг.) [41, с. 79об] и Комиссия по культовым вопросам при Президиуме ЦИК СССР (1934–1938 гг.) [42, с. 55об].

После упразднения в 1930 году союзного и республиканских Наркоматов внутренних дел комиссия по вопросам культов оставалась единственным государственным органом, на который возлагалась обязанность общего руководства и наблюдения за проведением в жизнь законов о культах на всей территории страны. В своей деятельности центральная и местные комиссии по вопросам культов руководствовались инструкцией «О порядке проведения в жизнь законодательства о культах» (утверждена Президиумом ВЦИК 30.01.1931 г.) [39 с. 181–199], в которой были определены их права и обязанности. Так, им предоставлялось право давать советским органам разъяснения по религиозным вопросам, рассматривать жалобы верующих и вести общий учет религиозных объединений, требовать от них различные отчеты и статистические данные. С этого периода началась «безбожная пятилетка» (1932–1937), для которой была поставлена ясная цель: к 1 мая 1937 года «имя Бога должно быть забыто на территории страны» [43].

В апреле 1938 г. специальным постановлением Президиума Верховного Совета СССР Комиссия по делам культов в числе других комиссий Президиума ЦИК СССР была ликвидирована. Защита Комиссией интересов верующих носила единичный характер, но при этом ее деятельность создавала нужный образ верховной власти, представляя все перегибы в антирелигиозной политике виной исключительно местных властей [44, с. 216].

Окончательный переход к идеям «атеистического государства» совершился в конце 20-х годов под воздействием «теории» об обострении

классовой борьбы в процессе социалистического строительства в отдельно взятой стране. По логике партийных идеологов общество было расколото на два непримиримых лагеря: пролетариат и крестьянство с одной стороны и «буржуазно-капиталистические слои» – с другой. Религиозные организации объявлялись «проводниками» буржуазного влияния, духовенство и верующие были отнесены к «кулацко-нэпманской агентуре». Всех вместе их обвиняли в противодействии коллективизации и строительству социализма, идеологическим установкам партии [45]. В связи с этим Александровская газета «Голос труда», например, призывала «Бить по религии – бить по кулаку» [46].

В 1929 г. началась новая волна гонений советской власти на РПЦ. Антирелигиозная политика государства включала в себя пять основных направлений: ликвидация культовых зданий, работа с жалобами верующих на незаконные действия местных властей, организация и поддержка обновленческого раскола, репрессивная деятельность, воинственно – атеистическая пропаганда.

Продолжился курс на ликвидацию церковных зданий. Всего с 1918 по 1941 годы во Владимирской епархии закрылось 330 храмов [47, с. 161]. Причем одним изъятием церковных ценностей власть не ограничилась. Начался процесс разрушения храмовых зданий, который облегчался тем, что согласно декрету СНК никакие церковные и религиозные организации в России не имели права владеть собственностью. Поэтому местные органы власти «по желанию трудящихся» могли легко отобрать у Церкви то или иное здание, перепрофилировав его или просто уничтожив.

На рубеже 1929–1930 г. массовое закрытие храмов было связано с коллективизацией. Ликвидация церкви нередко воспринималась как первоочередное мероприятие при организации колхоза и проводилась административно. В частности, в 1931 году Владимирским окрисполкомом были приняты решения о закрытии церквей в с. Ставрово, Беренцах Гороховецкого района, поставлен вопрос о закрытии Никольской церкви в г. Владимире [48, д. 23, л. 7, 12, 103, 104], закрыта церковь в с. Косунове [48, д. 69, л. 7].

В Коврове за закрытие церкви велась большая борьба. Постановления Владимирского губисполкома от 16 ноября 1928 года и Ковровского уисполкома от 20 апреля 1929 года о закрытии Спасо-Преображенской церкви в г. Коврове было отменено постановлением Президиума ВЦИК от 20 марта 1930 года. Однако местная власть проявила

настойчивость и добилась, что постановлением ВЦИК от 20 июня 1931 года, храм был закрыт [48, д. 40. л. 4, 12].

Следует заметить, что в арсенале органов власти имелся большой набор причин, по которым происходило закрытие церквей. Можно выделить три основные категории: 1) наложение на общину верующих непосильного финансового бремени (налоговые платежи, дорогостоящий ремонт храма, требование возместить недостающее имущество); 2) отсутствие священника (особо распространено после репрессий 1937–1938 гг., когда количество находившихся на свободе священников было минимальным); 3) «просьбы трудящихся».

Закрытия сопровождались множественными нарушениями законности, превышением местными органами власти своих полномочий. В связи с этим обладмуправлением, который занимался подготовкой соответствующих дел на утверждение Президиума облисполкома, был выпущен циркуляр от 10.12.1930, который ограничивал власть райисполкомов в вопросе закрытия церковных зданий, указывая на допущенные грубые искажения постановлений ВЦИК и СНК от 8 апреля 1929 года [48, д. 27]. Массовое недовольство верующих в 1930 году злоупотреблениями местных властей стало причиной вмешательства ВЦИК. Полному обследованию подвергся Александровский округ (по причине очень большого количества жалоб верующих), а во Владимирском и Муромском округах работа проводилась только по отдельным церквам [49].

Практика показала, что попытки советского правительства уничтожить Российскую Православную Церковь с помощью одной грубой силы оказались неудачными. Тогда власть прибегла к организации внутрицерковного раскола и дальнейшей поддержке его различных форм. Оказывая помощь обновленческим группировкам духовенства, власть предполагала, что обновленчество в кратчайшие сроки сумеет подорвать веру и отвратить народ от религии [50, с. 15].

Регион стал одним из центров зарождения обновленческого движения. 16 июня 1922 года правящие архиереи Владимирский Сергий (Страгородский), Нижегородский Евдоким (Мещерский) и Костромской Серафим (Мещеряков) напечатали в «Живой Церкви» (особом печатном органе этого движения) воззвание, в котором признавали каноничность обновленческого Высшего Церковного Управления (ВЦУ) и призвали свою паству и всю Церковь подчиниться ему [там же].

27 марта 1923 году состоялся I Владимирский обновленческий епархиальный съезд духовенства и мирян, который постановил одоб-

рить кампанию по вскрытию мощей, изъять мощи из мест их церковного хранения и передать для музейного использования. Кроме того, съезд постановил «закрыть храмы историко-археологического и художественного значения через местную власть и срочно передать их в ведение Главмузея как памятники исторического прошлого»[16]. Во Владимирской губернии были созданы общины обновленцев и перезаключены договоры на пользование церковным имуществом и храмами. Обновленческие сообщества повели ожесточенную борьбу против «тихоновцев». Председателем епархиального комитета «живой церкви» был избран протоиерей Михаил Тихонравов [16].

О церковных перипетиях и деятельности органов власти по поддержке церковного раскола свидетельствует множество фактов перехода авторитетных священнослужителей «тихоновской» Церкви в обновленчество. Многие из них, покаявшись, позднее вернулись в лоно «староцерковничества», как, к примеру, правящий архиерей Владимирский Сергий (Страгородский), который в 1922 году был членом обновленческого Высшего Церковного Управления (ВЦУ). После принесенного покаяния он был избран в 1943 году Патриархом Московским и всея Руси [51].

Вплоть до 1936 года во Владимирском крае параллельно со «староцерковнической» действовала обновленческая Владимирская епархия. О количественном соотношении этих общин имеются следующие данные.

Таблица 2

Храмы, действующие во Владимирском крае в 1931 году

Районы современной области	Количество староцерковнических общин	Количество обновленческих общин
Александровский	26	11
Киржачский	23	4
Ковровский	51	1
Кольчугинский	18	1
Собинский	38	1
Муромский	24	1

Не было ни одной обновленческой общины в Гороховецком, Гусевском, Селивановском, Судогодском, Суздальском, Юрьев-Польском районах Ивановской области, Муроме. Во Владимирском районе единственная община к 1931 г. была ликвидирована [52, д. 690, л. 1–191, д. 453, л. 293, д. 454, л. 1–12, 165–170]. Кроме того, в 1936 году в г. Покрове и с. Гора Орехово-Зуевского района Московской области (сейчас Петушинский район Владимирской области) и в с. Новый Спас

Петушинского района имелось по одному обновленческому храму [52, д. 1149, л. 16, 26].

Симпатии местных властей находились на стороне обновленцев. По любому доносу обновленцев священники-староцерковники подвергались репрессиям. Так, 26 апреля 1936 г. во Владимире были арестованы архиепископ Сергий (А. И. Гришин), епископ (митрополит) Ювеналий (В. К. Машковский) и еще 16 человек [53, с. 36].

Другим подтверждением этих симпатий были постоянные передачи в пользование обновленцев дополнительных храмов. Например, в 1932 г. зданием Екатерининского собора в Судогде стали пользоваться сразу 2 общины: староцерковническая и обновленческая [52, д. 760, л. 11, 43]. В феврале 1932 г. власти передали староцерковнический Троицкий храм г. Владимира в совместное ведение с обновленцами. Обновленческий приход повел себя так, что сам ускорил закрытие храма: в 1936 г. обновленцы отказались от храма, в 1937 г. храм был закрыт [54, с. 55].

В 1933 г. был проведен переучет храмов Ивановской промышленной области (куда в 1929 году был включен Владимирский край): к 1 декабря 1933 г. на территории всей области действовало 2190 староцерковнических и 144 обновленческих храма. К 1931 году закрыли 502 староцерковнических храма и 28 обновленческих, за 1931–1933 г. количество первых сократилось на 43, к 1 декабря 1933 г. на территории всей области действовало 2190 староцерковнических и 144 обновленческих храмов [44, с. 76].

Комиссии по делам культов при Президиуме ВЦИК нередко приходилось вставать на сторону староцерковников, защищая их от произвола местных властей. Однако на местах фактически игнорировались решения вышестоящих органов власти. Так, 30 мая 1933 г. Владимирский горсовет передал обновленческой общине «тихоновскую» Николо- Кремлевскую церковь. 4 июня вышло распоряжение облисполкома о неправильности передачи, но в пользовании обновленцев церковь находилась до сентября того же года, когда те от нее отказались. Община староцерковников просила вернуть церковь себе. Горсовет тянул с решением, наконец, в марте 1934 г. на дверях церкви появилось объявление о сдаче последней в аренду верующим. Староцерковники начали сбор подписей. Тогда горсовет выдвинул требование о проведении ремонта на сумму 80 тысяч рублей. Верующие написали жалобу во ВЦИК. 23 июня 1934 г. ВЦИК постановил возвратить церковь верующим, не требовать дорогостоящего ремонта, виновных

местных работников наказать. Вместо этого облисполком ликвидировал Николо-Кремлевскую церковь, т. к. от обновленцев обжалования не поступило, «заявлений от других общин, желающих взять в пользование культовое здание и имущество, не поступало, за исключением вновь реорганизовавшейся общины тихоновского направления, заявление от которой поступило после срока» [52, д. 692, л. 37–42].

В 1935–37 гг. разгорелась ожесточенная борьба между обновленцами и «староцерковниками» в Киржаче, Гусь-Хрустальном и Александрове [53, с. 35–38]. Однако постепенно интерес к обновленцам утратили как верующие, которым зачастую были непонятны эти распри, так и изначально поддержавшие их органы власти. В 1937 г. гонениям со стороны государственной власти подверглись уже и обновленцы. Обвинения в контрреволюционной деятельности предъявлялись как индивидуальные, так и групповые. Например, священник обновленческой церкви села Иваново-Павловское Эсинского сельсовета Ковровского района Н. В. Кротков был арестован 5 ноября 1937 года за то, что «на протяжении длительного времени среди населения проводил контрреволюционную агитацию, направленную на срыв мероприятий партии и Советской власти», а в декабре был осужден к высшей мере наказания и расстрелян [55, с. 76].

В том же году в Ивановской области была «выявлена контрреволюционная группа» обновленческих епископов (всего 17 человек), которую возглавлял обновленческий архиепископ Ивановской митрополии Александр Адвентов, бывший архиепископ Владимирский; впоследствии он был расстрелян [55, с. 119–120]. Также был расстрелян Софоний Яскевич, бывший архиепископ Александровский, позднее – Владимирский. Проходил по делу епископ Палладий Селецкий (с. Смолино Ковровского района). В январе 1938 года в г. Иваново было возбуждено дело против нелегальной контрреволюционной организации церковников, т.н. «Автокефальной черной церкви». Эта организация, якобы, была создана обновленческим духовенством, филиалом во Владимире руководил заштатный священник Петр Щукин, в г. Александрове – заштатный протоиерей Михаил Тархов; оба также расстреляны [55, с. 121]. Был расстрелян и А. П. Введенский, бывший архиепископ Александровский, проходил по делу управляющий Ивановской митрополией архиепископ Александровский Н. П. Автономов [56, д. № 7199 – П, л. 80–81.].

Местные владимирские власти продолжали относиться с большим доверием не к «тихоновцам», а именно к обновленцам, несмотря на

их малочисленность. В результате, в начале Великой Отечественной войны во Владимире и Коврове действовало по обновленческому храму при отсутствии храмов других сообществ, в Покрове дольше других действовал также обновленческий храм, в Киржаче, хотя формально и было 2 общины, но именно обновленцы занимали почти весь храм, а староцерковники теснились в приделе; в Александрове на некоторое время не оставалось храмов староцерковнической ориентации [53, с. 37].

Следует подчеркнуть, что репрессии против духовенства в указанный исторический период не прекращались, но их характер различался. В годы первой пятилетки (1928–1932 гг.) священники повсеместно подвергались раскулачиванию [49]. Их жалобы на тяжелое материальное положение рассматривались как антисоветская агитация, воспоминания о дореволюционной жизни – как призывы к свержению существующего строя. В это время создавался стереотип о духовенстве как о классовом враге. Этим объяснялись частые упоминания в СМИ об антицерковных судебных процессах на территории современной Владимирской области (Собинка, Ковров, Владимир) [49].

Период 1937–1938 годов называют «большим террором», когда используемые прежде ссылки и тюремные заключения на 2–3 года сменились 8–10-летними тюремными заключениями и приговорами к высшей мере наказания [49]. Одним из ключевых событий тридцатых годов стала проведенная в январе 1937 г. всесоюзная перепись населения, которая показала, что верующих среди лиц в возрасте 16 лет и старше оказалось больше, чем неверующих: 56,7% от всех выразивших свое отношение к религии [57, с. 48].

В рамках подготовки к переписи Академией наук СССР и Государственной академией материальной культуры был разработан «Систематический указатель вероучений (религий) и антирелигиозных группировок». Согласно данному указателю, по результатам переписи 1937 г., в Ивановской промышленной области (включавшей Владимирский край), помимо православных христиан и старообрядцев-поповцев, использующих православное духовенство (спасовцы, спасово согласие, староспасовцы, глухая нетовщина, козьминщина), имелось разнообразное представительство «христиан прочих направлений: сектантство, секты, возникшие на почве православия и протестантства:

– Беспоповцы-неперекрещенцы 1. Спасовцы, управляющие настоятелями: спасовцы, спасово согласие, новоспасовцы, поющая нетовщина [58, с. 120].

– Странники; синонимы: странствующие, бегуны, скрытники, безденежники, антипово согласие, статейники, иерархиты, противостатейники, красносмерты (красносмертенцы), душители, голбежники, подпольники, лучинковцы [58, с. 121].

– Беспоповцы разных мелких течений – Белоризцы; (следует отличать от белоризцев-хлыстов) [58, с. 122].

– Баптисты, баптизм (входят во Всемирный Союз Баптистов) Синонимы: катабаптисты, анабаптисты, крещеные христиане, сухие баптисты, баптисты – модерн [58, с. 123].

– Хлысты; синонимы: люди божии, Христы, постники, мироносцы, шалопуты, серые голуби, белые голуби, божии голуби, голубцы, голубчики, беседники, мормоны паниашковцы, марьяновцы, еленушкина секта, дурмановщина, калиновцы, серафимовцы (не смешивать с православными серафимовцами), стефановцы, белоризцы, род израильский, зеленый виноградник, стадо христово, птицы христовы (соловьи, соколы, лебеди, голуби, пташечки), молоканы, шкапцы, аттитуи, стригуны, шаплычники [58, с. 125].

– Скакуны (отделились от лютеран из Финляндии); синонимы: хихулиты, веселящиеся, телеши, нагиши, голыши, купидоны, ползуны [58, с. 126].

– Трезвенники (переходят к толстовцам и трясунам); синонимы: братцы, чуриковцы, колосковцы» [58, с. 126].

Осенью вышло постановление Совнаркома от 25 сентября 1937 г., в котором говорилось о том, что всесоюзная перепись 1937 г. проводилась «с грубейшим нарушением элементарных основ статистической науки, а также с нарушением утвержденных правительством инструкций» [59, с. 6], а потому в 1939 г. была проведена новая перепись, где вопрос о религиозной принадлежности отсутствовал. Все результаты переписи 1937 года были признаны недействительными, ее материалы засекречены и лишь в конце 90-х годов XX в. ученые смогли приступить к их изучению [60]. Говоря о разнообразии религиозных групп на Владимирщине, следует принять во внимание, что печатные СМИ в своих заметках 40-х годов так же отмечали деятельность баптистов, евангелистов и скрытников [61].

Для объяснения необходимости проведения жесткой политики советская власть широко использовала свой пропагандистский механизм, ведущее место в котором занимали средства массовой информации. СМИ декларировали необходимость вести энергично антирелигиозную работу. Например, александровская газета «Голос труда» 30 января 1930 г. призывала перейти в решительное наступление на кулака

и вырвать из-под влияния церкви бедняков и середняков, активнее вступать в Союз безбожников (см. приложение 3) [62].

СМИ можно считать своеобразным зеркалом общественной жизни, а анализ публикаций владимирской газеты «Призыв» – одного из главных пропагандистских рупоров советской власти [63], – позволяет выявить как «болевые точки» в антирелигиозной борьбе, так и тенденции в развитии отношений власти и Церкви в 1930–1940 гг. во Владимирском крае (см. приложение 4). Можно выделить следующие 4 периода:

1-й период – до начала марта 1930 г. Его отличают – снос и закрытие церквей и часовен, переплавка колоколов, сожжение икон.

2-й период – с апреля 1930 г. по май 1931 г. – апогей «народной» борьбы с религией, характеризующейся разнообразием форм и направлений.

3-й период – с июня 1931 по 1936 г. – период угасания «народной» борьбы.

4-й период – 1937–1940 гг. – новый период усиления антирелигиозной борьбы.

Несмотря на то, что в закрытых циркулярах различных административных органов в конце 30-х годов стали появляться указания проявлять сдержанность в ликвидации храмов [2, с. 95], во Владимирском регионе закрытие храмов продолжалось вплоть до самой Великой Отечественной войны. В 1941 году постановлением Ивоблисполкома был закрыт целый ряд церквей: в селе Приклон Меленковского района, в селе Иваново-Шуйское Суздальского района, в г. Суздаль, в селе Красное Суздальского района, причем часть церковных зданий было разрешено использовать не в культурно-просветительских, а чисто в хозяйственных целях [64, д. 156, 150, 141, 49, 48, л. 1, 7, 13].

Начавшаяся Великая Отечественная война показала всю мощь духовного потенциала Русской Церкви. Руководствуясь гражданскими чувствами, иерархи, священники и верующие не ограничивались только молебнами о даровании победы Красной Армии, а с первых дней войны участвовали в оказании материальной помощи фронту и тылу. Церковь не только помогала фронту морально и материально. Многие священники солдатами и офицерами прошли дорогами войны. Так, священник Владимирской епархии Сергей Фестинатов (с 1944 года – епископ Владимирский и Суздальский Онисим) был призван в 1942 году на защиту Родины. За заслуги в рядах армии и в тылу он был награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» [65]. Многие священнослужители прошли через тюремное заключение и ссылку, но, несмотря на это, мужественно встали на защиту Родины.

Например, таким образом поступил клирик Владимирской епархии протоиерей Николай Сергеевич Сушко [66, с. 35].

Участниками Великой Отечественной войны были священнослужители Владимирской епархии: архимандрит Максим (Абрамов Н. Г.), протоиерей Соколов И. И., протоиерей Федоров А. М., протоиерей Румянцев В. Н., свящ. Устинов Б. Е., Ковригин Б. В., Сидоров В. В., протоиерей Бородачев А. П., протодиакон Лях П. Т., протоиерей Новоселов П. Ф., протоиерей Гусев И. А., свящ. Орлов А. К.[67]. Члены церковных советов Владимирской области также активно учавствовали в защите Отечества. Это: Сергеев И. Е. (с. Заястребье), Галибин Я. М. (с. Палищи), Ефимова А. Г. (с. Флорищи), Змейков М. Ф. (с. Заколпье), Петров П. К. (с. Санино), Хименков И. Ф. (с. Дуброво), Соловьева А. С. (п. Костерево), Тутуев В. Ф. (п. Никологоры), Лезова П. С. (с. Эдемское), Алаева А. П. (с. Приклон), Еремин Е. И. (Влад епарх. управл.) [67].

Давая характеристику церковно – государственным отношениям в 1929–1943 годы, отметим, что антирелигиозные репрессии, начавшиеся в 1918 и обострившиеся в конце 20-х годов, продолжались вплоть до начала 40-х годов, когда испытания Великой Отечественной войны, изменили направление государственной политики в отношении религиозных объединений, особенно Русской Православной Церкви.

Библиография

1. *Васильева О. Ю.* Церковь и власть в XX веке // Меневские чтения (2006). – URL: http://sergievhram. ru/men-readings/men-readings-2006/vasilyeva/.

2. *Шкаровский М. В.* Русская православная Церковь при Сталине и Хрущеве (Государственно-церковные отношения в СССР в 1939–1964 годах). – М. : Изд-во Крутицкого подворья. Общество любителей церковной истории, 2005.

3. Владимирский календарь и памятная книжка Владимирской губернии на 1917 г. – URL:/http://istmat.info/files/uploads/54221/vladimirskiy_kalendar_i_pamyatnaya_knizhka_na_1917_god. pdf

4. *Мухин А.* О состоянии религиозных организаций и религиозности населения Владимирской области. – Владимир : ВООО «Знание» РСФСР, 1966. Владоблархив. Ф. I. ОП 14, д. 2276.

5. *Тройницкий Н. А.* (ред.) Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Владимирская губерния. – Т. VI. – Тетрадь II. – СПб. : Изд-во Центрального статистического комитета МВД, 1904.

6. *Тихонов А. В.* Сравнительный анализ религиозного состава населения Владимирского края (по материалам переписи 1897 г. и современному состоянию) // XVI Рождественские чтения Ковров, 2009. – URL: http://www.kovrov-museum. ru/rsb16. htm.

7. Воззваніе Священнаго Собора Православной Русской Церкви 1918 года. – URL: http://slovo.russportal.ru/index.php?id=alphabet.t.tychon01_003/

8. Декларация Временного правительства о его составе и задачах 1917 г., Марта 3 // сайт Конституции Российской Федерации. – URL: http://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/5201/.

9. Об отмене вероисповедных и национальных ограничений : постановление Временного Правительства от 22 марта 1917 г. // сайт Конституции Российской Федерации. – URL: http://constitution.garant.ru/h URListory/act1600 – 1918/5413/

10. О свободе совести : постановление Временного Правительства от 14 июля 1917 г. // сайт Конституции Российской Федерации. – URL: http://constitution.garant.ru/history/act1600 – 1918/5412/

11. Декреты Советской власти. – М. : Гос. изд-во полит. Литературы, 1957. – Т. I.

12. Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. Управление делами Совнаркома СССР. – М., 1942.

13. *Одинцов М. И.* Русская Православная Церковь накануне и в эпоху сталинского национализма 1917–1953 гг. – М. : Изд-во РОССПЭН, 2014.

14. Советские Конституции : справочник. – М., 1963.

15. *Одинцов М. И.* Путь длиною в семь десятилетий: от конфронтации к сотрудничеству (государственно – церковные отношения в истории советского общества) // На пути к свободе совести. – М., 1989.

16. Владимирская Епархия в начале XX века – перв. пол 1940-х гг. – URL: http://lubovbezusl. ru/publ/istorija/vladimir/r/37-1-0-3540.

17. Государственный архив Владимирской области (ГАВО). Ф. 24, оп. 3.

18. *Монахиня Сергия (Каламкарова)*. Судьбы насельников монастырей в годы гонений // XXV Международные Рождественские образовательные чтения. Региональный этап. «1917–2017. Монастыри и монашество: уроки столетия». – URL: http://monasterium.ru/publikatsii/25-rch-reg/sudby-naselnikov-monastyrey-v-gody-goneniy/.

19. Спасо-Евфимиев монастырь // Википедия. – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki.

20. *Владимирова В.* Год службы социалистов капиталистам. – М., 1927.

21. Муромский историко-краеведческий музей. Контрреволюционное восстание в Муроме летом 1918 г.

22. Известия исполкомов владимирских губернских и уездных советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. – 1918. – № 3.

23. Известия исполкомов владимирских губернских и уездных советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. – 1918. – № 8.

24. Известия исполкомов владимирских губернских и уездных советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. – 1918. – № 9.

25. Известия исполкомов владимирских губернских и уездных советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. – 1918. – № 12.

26. Известия исполкомов владимирских губернских и уездных советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. – 1918. – № 45.

27. *Одинцов М. И.* Государство и церковь (История взаимоотношений. 1917–1938 гг.). – М, 1991.

28. Владимирская губерния 1918–1929 гг. – URL: http://lubovbezusl. ru/publ/-istorija/vladimirskaja_gubernija/r/83-1-0-3170.

29. *Павлов И. П.* История репрессий во Владимирской области. – URL: https://bessmertnybarak.ru/article/istoriya_repressiy_vo_vladimirskoy_oblasti/

30. *Священник Аркадий Гоглов.* Владимирское лихолетье. Православная церковь на Владимирщине в годы безбожной смуты. – М. : Приход храма Святага духа сошествия, 2008.

31. *Солдатов А*. Время осудило политический террор // Книга памяти жертв политических репрессий Владимирской области «Боль и память». – Владимир : Фолиант, 2001. – Т. 1.

32. Владимирская епархия: история и современность // Журнал Московской патриархии. 06.2008. – URL: http://www. srcc. msu. su/bib_roc/jmp/08/06-08/05.htm.

33. Декрет ВЦИК об изъятии церковных ценностей. 23 февраля 1922 г. // Исторические материалы.– URL: http://istmat. info/node/33977.

34. Письмо В. И. Ленина членам Политбюро о событиях в г. Шуе и политике в отношении церкви. 19 марта 1922 г. // Исторические материалы. – URL: http://istmat.info/node/27230.

35. *Косик О. В.* «Страдающая за нас и молящаяся за нас любовь» // «Какое великое утешение – Вера наша!…». Избранные письма свт. Афанасия Ковровского. – М. : Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, 2012 // Библиотека электронной литературы. – URL: http://litresp. ru/chitat/ru/%D0%95/-episkop-afanasij-saharov/kakoe-velikoe-uteshenie-vera-nasha/1.

36. *Закурдаев И. В.* Владимирский Централ. История Владимирской тюрьмы. – URL:http://www.kniga.com/books/preview_txt.asp?sku=ebooks336803.

37. Архивы Кремля. В 2-х кн. / Кн. 1. Политбюро и церковь. 1922–1925 гг. – М.; Новосибирск : «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН); «Сибирский хронограф», 1997.

38. *Рогоза В.* Как советская власть боролась с церковью в послереволюционные годы? – URL: https://shkolazhizni.ru/culture/articles/12704/

39. Законодательство о религиозных культах : сборник материалов и документов. – М., 1971.

40. *Орлеанский Н* Закон о религиозных объединениях РСФСР и действующие законы, инструкции, циркуляры с отдельными комментариями по вопросам, связанным с отделением церкви от государства и школы от церкви в Союзе ССР. – М. : Безбожник, 1930.

41. О создании Постоянной Комиссии по вопросам культов : постановление ВЦИК от 8 апр. 1929 г. // ГАРФ. Ф. 5263, оп. 2. Д. 1.

42. Проект положения о постоянной Комиссии ЦИК СССР по вопросам культов // ГАРФ. Ф. 3316, оп. 27. Д. 386.

43. *Самохвалов С.* «Безбожная пятилетка» Сталина. – URL : http://newsland.-com/user/4294968565/content/bezbozhnaia-piatiletka-stalina/1344675.

44. *Ершов А. Л.* Церковь на земле Владимирской в 1930-е годы. – Владимир : Изд-во «Калейдоскоп», 2011.

45. *Одинцов М. И.* Государственно – церковные отношения в России (на материалах отечественной истории XX века) : автореф. д-ра ист. наук. – М., 1996.

46. Голос труда (газета г. Александров). 1930. 21 янв.

47. *Федотов А. А.* Реформа приходского управления и закрытие храмов в 60-е годы // Исторический вестник. Научный журнал. – 2001. – № 1(12).

48. Государственный архив Ивановской области (ГАИО). Ф. р-2953, оп. 3.

49. *Ершов А. Л.* Взаимоотношения Русской православной церкви и светских властей в 1929–1941 гг. : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. – Владимир, 2012. – 239 с. – URL: http://www.dissercat.com/content/vzaimootnosheniya-russkoi-pravoslavnoi-tserkvi-i-svetskikh-vlastei-v-1929-1941-gg.

50. Федотов А. А. Русская Православная Церковь в 1943–2000 гг.: внутрицерковная жизнь, взаимоотношения с государством и обществом (по материалам Центральной России). – Иваново. 2005.

51. Сергий (патриарх Московский) // Википедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/ Сергий_(патриарх_Московский).

52. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-5263 (Комиссия по делам культов при Президиуме ВЦИК). Оп. 1.

53. *Ершов А. Л.* Взаимоотношения староцерковников и обновленцев во Владимирской епархии в 1930–1938 гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов : Грамота, 2011. № 7 (13): в 3-х ч. – Ч. I.

54. *Минин С. Н.* Очерки по истории Владимирской епархии (X-XX века). – Владимир, 2004.

55. *Федотов А. А.* Из истории Русской Православной Церкви в XX веке: церковно-исторические сочинения. – Иваново, 2002.

56. Архив УФСБ России по Ивановской области.

57. *Жиромская В. Б.* Религиозность народа в 1937 году (По материалам Всесоюзной переписи населения) // Исторический вестник. – 2000. – № 5.

58. *Чумакова Т.* «Карта религий» для неудавшейся Всесоюзной переписи 1937 г.: забытая страница советского религиоведения // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. – М. : Издательский дом «Дело», 2012.

59. *Волков А. Г.* Перепись населения 1937 года: вымыслы и правда // Перепись населения СССР 1937 года. История и материалы. Экспресс – информация. Выпуск 3–5 (часть II). – М. : Информцентр, 1990.

60. *Жиромская В. Б., Киселев И. Н., Поляков Ю. А.* Полвека под грифом «секретно». Всесоюзная перепись населения 1937 года. – М. : Наука, 1996.

61. Призыв. 1938. 5 янв.; 1940. 8 февр., 16 авг., 24 сент., 22 окт., 23 нояб.); 1941. 20 февр.).

62. Голос труда (газета г. Александрова). – 1930. – 30 янв.

63. Призыв. 1930–1940 гг., № 3022–6025.

64. ГАИО. Ф. р-2953, оп. 1.

65. Журнал Московской Патриархии. 1970. № 12.

66. Журнал Московской Патриархии. 1990. № 10.

67. Архив уполномоченного Совета по делам РПЦ по Владимирской области.

2. Взаимоотношения Русской Православной Церкви и местных органов власти во Владимирском крае в 1943–1953 гг.

В период трагических испытаний Великой Отечественной войны советское государство было вынуждено свернуть антирелигиозную пропаганду. В экстремальных условиях власть осознала необходимость использования патриотических чувств религиозной части населения страны. Одной из причин, побудивших И. В. Сталина изменить политику в отношении Русской Православной Церкви во время Великой Отечественной войны стали договоренности глав государств антигитлеровской коалиции в Тегеране (1943). Среди руководителей зарубежных организаций, активно помогающих СССР, выделялся крупный деятель англиканской церкви, настоятель Кентерберийского собора Хьюлетт Джонсон. Его влиянием в стране, где церковь является государственной, Сталин дорожил. Поэтому когда осенью 1943 г. руководство англиканской церкви через посольство СССР в Великобритании обратилось к Советскому правительству с просьбой разрешить визит своей делегации в Москву, это было признано И. В. Сталиным желательным и полезным. Главу делегации – архиепископа Йоркского – должно было принимать высшее руководство Русской православной церкви во главе с Патриархом [1].

Среди других причин нормализации отношений с Русской Православной Церковью было опасение власти вызвать недовольство населения западных территорий, включенных в состав Советского Союза в 1939–40 годах [2]. Кроме того, необходимо было противостоять политике оккупационных властей, которые на занятых территориях поощряли массовое открытие церквей [3]. Всего немецкими администрациями было открыто около 10 тыс. православных храмов и 60 монастырей [4].

Весной-летом 1943 г. в руководстве страны обсуждался вопрос о том, какому органу поручить проведение новой религиозной политики. В результате, возобладало мнение, что при Совнаркоме следует образовать специальный орган, который осуществлял бы связь правительства с Русской Православной Церковью. Однако главные перемены произошли после 4 сентября 1943 г., когда состоялась встреча трех оставшихся на свободе митрополитов Сергия (Страгородского), Алексия (Симанского) и Николая (Ярушевича) с И. В. Сталиным, на которой обсуждался вопрос о создании специального государственного органа, осуществляющего связь между правительством и руководством Русской православной церкви. Было принято решение об избрании нового патриарха, открытию

духовных учебных заведений и ряду других вопросов. Фактически была признана несбыточность планов полного разгрома церкви и устранения ее из жизни народа. Результатом стал своего рода «конкордат», который государственная власть в основном соблюдала вплоть до начала хрущевских гонений [5].

Нормализация государственно-церковных отношений не обошла и Владимирский край. С этого времени во Владимирской епархии началось активное возрождение церковной жизни, хотя и под строгим контролем уполномоченных Совета по делам РПЦ, партийных и государственных органов.

Связующим звеном между государственными органами и церковью стали уполномоченные Совета по делам РПЦ, в том числе в областях и краях, которые должны были курировать работу на местах. Как правило, уполномоченным давался подробный инструктаж для проведения работы, поскольку они плохо разбирались в своих обязанностях и забрасывали Совет массой вопросов о выполнении своих функций. Усиленная работа с уполномоченными объяснялась также и тем, что в первые годы в ряде областей, в том числе и во Владимирской, происходила довольно частая их смена. Дело в том, что на местах они обычно рассматривались как штатные работники облисполкома и нагружались несвойственной им работой.

Так, первый уполномоченный по Владимирской области П. А. Сергиевский в течение значительной части октября 1947 г. находился в командировке по заданию облисполкома, а по возвращении должен был совмещать свою должность с работой в другом отделе [42]. В ноябре 1947 г. он был отстранен от дел по причинам, указанным в письме от 31 октября 1947 г. секретарю Владимирского обкома ВКП (б) П. Н. Алферову от Г. Г. Карпова: «Уполномоченный Совета по делам РПЦ при Владимирском облисполкоме тов. Сергиевский, вследствие политически неправильного понимания своей роли, допускает существенного характера ошибки в своей практической работе, что видно из его отчетно-информационных документов. Так, например, Совету не понятно, почему тов. Сергиевский берет на себя задачу глубокой и всесторонней опеки над церковью, заботясь о нравственности, квалификации духовенства, их проповеднической деятельности и т. д. Он также неправильно реагирует на непорядки во внутрицерковной жизни, а при изучении и освещении вопроса о положении церкви и религиозного состояния в области, вольно или невольно, сходит с принципиальных партийно-политических позиций на церковные…» [43].

25 ноября 1947 г. на должность уполномоченного по Владимирской области был утвержден К. М. Тупиков [44], проработавший до четвертого квартала 1952 г. Причины освобождения его от должности изложены в следующем письме: «Работа К. М. Тупикова никогда не удовлетворяла Совет и, будучи назначенным в ноябре 1947 г., в 1948 г. Совет уже ставил вопрос об его освобождении. Уполномоченный Совета назначается для осуществления связи с епископом и епархиальным управлением. Тов. Тупиков давно скомпрометировал себя своими неправильными действиями и, по существу, этой связи не осуществляет» [45]. С четвертого квартала 1952 г. на должности уполномоченного по Владимирской области находился И. И. Мирский.

Работа уполномоченного осуществлялась в соответствии с планом мероприятий. Так, в план И. И. Мирского на четвертый квартал 1952 г. входило: изучение влияния духовенства на разные слои населения; контроль за воздействием церкви на общественную и производственную жизнь; проверка функционирующих церквей; патриотическая работа; изучение состава духовенства; взаимоотношения между духовенством и верующими; наличие сектантства; установление нарушений советского законодательства и др.[46].

Работа уполномоченных осуществлялась в тесном взаимодействии с органами Министерства государственной безопасности (МГБ). Письмом Совета от 17 мая 1947 г. на уполномоченных возлагалась обязанность наблюдения за строгим осуществлением советских законов в отношении церкви и принятия мер к устранению ненормальных взаимоотношений между церковными общинами и местными органами. Информация уполномоченного регулярно доводилась до секретарей обкома партии.

Положение уполномоченных Совета по делам РПЦ было довольно сложным. Формально они не имели права вмешиваться в дела церкви, но в то же время должны были проводить политику ограничения ее деятельности. При этом работа уполномоченных, их отношения с церковными органами, священнослужителями и верующими носила строго секретный характер [47].

Всего с августа 1945 г. по февраль 1947 г. уполномоченным РПЦ по Владимирской области было принято: в 1945 г. – 193 человека, в 1946 г. – 493 человека и в 1947 г. на 24 февраля – 191 человек [48].

Первоочередные вопросы, которые с первых же дней пришлось решать уполномоченному Совета по делам РПЦ, были связаны со значительным числом заявлений верующих с просьбой об открытии церк-

вей. Несмотря на сокращение населения за годы Великой Отечественной войны Владимирская область продолжала оставаться густонаселенной. В 1939 г. в ее границах проживало 1 млн. 344 тыс. человек [7]. На фронт с территории нашего края было мобилизовано 300 тыс. человек, из них погибло 134 тыс. человек [8]. Таким образом, к концу войны население области насчитывало около 1230 тысяч человек [9]. Большая часть населения оставалась верующей. Поэтому руководство епархии, возглавляемое с 1944 года епископом Онисимом (Фестинатовым), основное внимание уделяло восстановление православных храмов.

Одними из первых ходатайство об открытии прихода подали 26 ноября 1943 г. верующие города Владимира. Оно было направлено Ивановскому облисполкому об открытии Успенского собора для совершения в нем богослужений. Ответ председателя горсовета г. Владимира В.В. Сыроватченко был отрицательный. Главное возражение: «Успенский собор – исторический памятник древнерусской архитектуры XII века и состоит на учете памятников при комитете по охране исторических памятников. Исходя из вышеизложенного, исполком горсовета разрешения на открытие собора не дал, и просит Вас при постановке вопроса в Облисполкоме со стороны Патриарха или обращении верующих также разрешения на открытие не давать» [49]. 28 января 1944 г. было подано повторное ходатайство, но его вновь отклонили [50].

Пик активности во взаимодействии уполномоченных с верующими и РПЦ пришелся на период 1944–1946 гг. В это время уполномоченный нередко выезжал на места, где открывались новые храмы. Так, в 1946 г. по 6 церквам заявления об их открытии были проверены уполномоченным П. А. Сергиевским на месте. В информационном отчете уполномоченного Совета по делам РПЦ по Владимирской области К. М. Тупикова за второй квартал 1950 г. сообщалось, что с 1940 по 1944 г., (т.е. до восстановления Владимирской области) было открыто 25 церквей, в 1945 г. начали работать еще 16 церквей, в 1946 г. – 10 церквей, в 1947 г. – 5 церквей [6]. После 1947 г. в области уже не открылось ни одного храма.

По районам функционирующие церкви распределялись следующим образом: Курловский район – 8 церквей; Гусь-Хрустальный и Камешковский районы – по 5 церквей; Владимирский, Петушинский, Селивановский, Собинский, Ставровский, Судогодский, Суздальский районы – по 4 церкви; Вязниковский, Гороховецкий, Кольчугинский, Киржачский, Меленковский, Покровский районы – по 3 церкви; Ковровский, Муромский, Юрьев-Польский районы – по 2 церкви; Александровский, Ляховский, Небыловский, Никологорский, Струнинский

районы – по 1 церкви. Ни одной открытой церкви не было в Фоминском районе [10]. Всего на 1 апреля 1947 г. во Владимирской области функционировало 75 церквей (см. приложение 5). Действующих монастырей на территории области с 1943 по 1953 г. не было ни одного[14]. В условиях послевоенной разрухи и голода религиозные потребности отступали на второй план. Об этом свидетельствует отсутствие ходатайств от населения области. Внимание заслуживает лишь просьба гражданки Л. Гориной в 1949 г. учредить религиозно-производственную общину на базе церкви погоста Багаево Петушинского района, т.е. фактически открыть женский монастырь [15].

В послевоенные годы движение за открытие новых церквей со стороны верующих значительно активизировалось. С просьбами прихожане обращались к И. В. Сталину, Н. М. Швернику, Г. Г. Карпову – в Совет по делам РПЦ, к депутатам Верховных Советов, ходатайствуя об открытии 93 церквей, в том числе в Гороховецком районе – 5 церквей, в Селивановском – также 5 церквей, в Меленковском – 6 церквей. Однако положительные ответы от органов власти были получены лишь в середине 1947 г. После этого все обращения религиозных общин либо отклонялись властями, либо оставались без ответа. В дальнейшем происходило уменьшение действующих церквей с 75 в 1947 г. до 72 – в 1953 г.

Распределение работающих церквей было крайне неравномерным. Одни приходы объединяли территории в радиусе 5–10 км, другие 15–20 км, а иногда и 30 км. Большая часть работающих церквей концентрировалась в Курловском районе, самом южном во Владимирской области. Во многом это связано с его удаленностью и труднодоступностью. Проверяющие и контролирующие инстанции туда не всегда добирались, а основное число функционирующих церквей приходилось на отдаленные села района. Из районных центров не имели церквей Гусь-Хрустальный, Кольчугино, Селиваново, Собинка, Ставрово, Струнино, Фоминки, Юрьев-Польский [11]. В городах и рабочих поселках находилось 11 действующих церквей, 61 церковь располагалась в селах и деревнях. Недействующих церквей числилось на учете 523, из них свободных оставалось 117 и занятых 314 [16]. Из общего количества действующих и недействующих церквей на учете исторических памятников архитектуры и искусства состояло 185, из них 5 церквей в числе действующих и 181 церковь в числе недействующих [17].

Инициаторами открытия приходов и церквей выступали верующие. Причины, которыми они руководствовались (по частоте упоминаний) следующие: 1) для удовлетворения религиозных потребностей [32]; 2)

необходимость ремонта храма [33]; 3) малая вместимость функционирующей поблизости церкви [34]; 4) уплата верующими налогов, страховки и содержание за их счет церковного сторожа [35]; 5) наличие в том или ином селе «сект» [36]; например, хлыстов, баптистов, молокан, Евангелистов и т. п. [37]; 6) наличие при церкви кладбища и братских могил на нем [38]; 7) значительное расстояние до ближайшей действующей церкви [39]; 8) здание церкви пригодно для богослужения [40].

Иногда такие инициативы объясняются корыстными мотивами, поскольку некоторым ходатаям выгодно было ездить во Владимир. Так, приехавший весной 1952 г. ходатай из с. Бавлены Кольчугинского района рассказал уполномоченному К. М. Тупикову, что ему дали на дорогу всего 300 рублей, тогда как предыдущему ходатаю выделили 500 рублей: «… вот приеду и скажу, пусть кого хотят посылают, а за 300 рублей я не поеду»[41].

Особый интерес для уяснения позиции местных властей имеет анализ их реакции на ходатайства населения об открытии новых церквей (см. приложение 6). Динамика ходатайств показывает, что во Владимирской области их пик пришелся на 1945–1947 гг. В этот период многие просьбы удовлетворялись властями. С 1948 г. наступает резкий спад, и в начале 1950-х гг. уполномоченному поступают только отдельные обращения. Известно только о трех просьбах об открытии церквей: Благовещенской в г. Вязники, с. Черсево Курловского района, с. Каменево Камешковского района.

Причины затухания движения за открытие новых церквей различны. Сказались последствиями денежной реформы 1947 г., носившей, по сути, конфискационный характер. Большая часть населения страны, особенно жители сельской местности, в одночасье лишились и без того скудных сбережений. Согласно же действующему порядку приходская община должна была иметь средства на ремонт и содержание церкви и священника. Часто этих средств у населения не было. Давала о себе знать атеистическая пропаганда. Все меньшее число людей решались открыто проявлять религиозные убеждения. Однако главной причиной являлось ясно обозначившееся нежелание властей идти навстречу верующим.

Архивные документы свидетельствуют, что основания отказа ходатайствам могли быть самыми разными: 1) наличие поблизости других действующих церквей [19]; 2) плохое техническое состояние здания (например, характеристика Покровской церкви г. Юрьев-Польский − пола нет, балки и перекрытия погнили, в стенах и сводах много трещин,

проемы не заполнены, отсутствует отопление) [20]; 3) занятость церковного здания на момент подачи ходатайства (под хранение колхозного зерна, под столовую и магазин лесоучастка, молокозавод, сенной склад, склады МВД, кинотеатр (например, Казанская церковь г. Владимира на Ямской улице), деревообделочную мастерскую, конюшни, свинарники, краеведческий музей и др.) [21]; 4) отсутствие полномочий заявителей от группы верующих [22]; 5) отсутствие культового имущества для богослужения [23]; 6) рядом с церковью размещены учебные и культурные учреждения (например, церковь в с. Ворша Собинского района) [24]; 7) низкий процент населения, желающих открытия церкви [25]; 8) отсутствие «двадцатки» верующих [26]; 9) неправильное оформление ходатайства по открытию церкви [27]; 10) отсутствие средств на ремонт церковного здания у верующих [28]; 11) храм снят с учета действующих церквей [29]; 12) церковь состояла на балансе отдела архитектуры [30]; 13) не уплата верующими налогов за храм [31] и другие.

Однако действительные причины резкого охлаждения отношения руководства страны к церкви лежали гораздо глубже. Определенную роль сыграла не оправдавшая надежды попытка провести с помощью РПЦ в Москве Всеправославный собор, с которым советское руководство связывало планы расширения своего международного влияния. Но самое главное – значительное усиление религиозного влияния на население страны. В тех населенных пунктах, где не было школ, просветительских и досуговых учреждений, открывающиеся церкви автоматически становились центрами местной жизни. В информационном сообщении уполномоченного Совета по делам РПЦ И.И. Мирского в 1953 г. отмечалось, что «при внимательном взгляде на карту дислокации церквей, об открытии которых ходатайствуют верующие, невольно обращает на себя внимание следующее обстоятельство, что в Камешковском районе большая часть этих церквей располагается вблизи фабрик…» [12]. Таким образом, влияние церкви распространялось не только на колхозников, но и фабричных рабочих [13].

В связи с оживлением религиозной жизни снова встал вопрос о сокращении количества церквей. Для ускорения и упрощения процедуры закрытия храмов 19 января 1949 г. Совет по делам РПЦ дал право всем уполномоченным без согласия облисполкома снимать с регистрации церкви и молитвенные дома, не функционирующие более года. 16 ноября 1950 г. Совет уточнил этот срок – от 6 до 12 месяцев. При этом уполномоченным предлагалось не ставить в известность как приходскую общину, так и епископа, по причине того, чтобы «не возбуждать

религиозную активность» [51]. Справедливости ради, отметим, что, несмотря на ужесточение политики по отношению к церкви, с 1948 г. по 1953 г. во Владимирской области не было закрыто по требованию власти ни одного храма. Однако открытие новых церквей запрещалось по любому поводу.

Основным направлением борьбы государства с церковью стала антирелигиозная работа и, прежде всего, атеистическая пропаганда, осуществлявшаяся под непосредственным контролем партийных органов. В сентябре 1944 г. вышло специальное постановление ЦК ВКП (б) «Об организации научно-просветительской пропаганды», в котором подчеркивалась необходимость более глубокой и убедительной работы по преодолению «пережитков бескультурья, суеверий и предрассудков». В 1947 г. был упразднен «Союз воинствующих безбожников» и антирелигиозная работа приняла форму научно-атеистической и идейно-политической деятельности, что отчетливо выразилось в позиции центральных периодических изданий. Так, «Комсомольская правда» заявила, что членство в комсомоле несовместимо с верой в Бога, а «Учительская газета» писала о несовместимости профессиональной деятельности учителя с религиозными убеждениями, о недопустимости влияния церкви на советскую школу и систему коммунистического воспитания[52]. Главный идеологический орган КПСС журнал «Большевик» провозгласил, что борьба против религии – это борьба против реакционной буржуазной идеологии [53]. Том Большой Советской Энциклопедии в статье «СССР» вышел с утверждением о непримиримости КПСС по отношению к любой религии.

27 мая 1948 г. бюро обкома ВКП(б) принимает постановление «О состоянии и мерах по усилению пропаганды политических и научных знаний среди населения». Партийные организации Владимирской области усилили борьбу с религиозными предрассудками, наблюдавшимися среди некоторых членов партии. Так, по Владимирской области за свою религиозность лишились партийного билета в 1947 г. – 13 человек, в 1948 г. – до 60 человек, в 1949 г. – 47 человек, за 10 месяцев 1950 г. – 18 человек [54].

С конца 1940-х гг. религиозные убеждения становятся ограничением для членства не только в партийных и советских органах, но профсоюзных организациях. Так, в информационном отчете о работе уполномоченного за второй квартал 1949 г. отмечается: «Было несколько посещений служащих собора – уборщиц, сторожей и других о возможности

вступления их в профсоюз. По этому поводу он консультировался в областном отделе профсоюзов, где ему разъяснили, что сторожа и уборщицы, служащие в церквах, в профсоюзе состоять не могут» [55].

Важное место в антирелигиозной пропаганде занимала дискредитация религиозных сообществ, особенно христианских движений, не связанных с РПЦ. Все христианские религиозные меньшинства, включая старообрядцев, объявлялись «сектами» и беспощадно ликвидировались. В информационном отчете за первый квартал 1947 г. уполномоченный Совета по делам РПЦ по Владимирской области предлагал в порядке повышения собственной деловой квалификации освежение церковно-исторических знаний, включая проблемы, связанные с историей сектантства и раскола, современным состоянием сектантства и православной церкви. Источниками являлась «История Русской Церкви» Знаменского, «Учебное руководство по истории раскола и сектантства» Плотникова, «Руководство для священнослужителей» Нечаева, «Журнал Московской Патриархии», «Братский вестник» (орган Всесоюзного Совета евангельских христиан-баптистов), историко-географические материалы по бывшей Владимирской губернии [56].

В информационном отчете за второй квартал 1949 г. уполномоченный Совета по делам РПЦ К. М. Тупиков сообщал: «В с. Перово Вязниковского района располагалась группа старообрядцев, которая занималась вредительством: писала на бумажке, что Вас постигнет страшное несчастье и прочие кары от Бога за ваши грехи и т.д., а затем в эту записку завертывали шерсть какого – либо домашнего животного и подбрасывали это одному из колхозников. Колхозник же, найдя в своем доме записку с шерстью домашнего животного, должен был заколоть это животное, чтобы страшное несчастье миновало его дом. По рассказу секретаря Вязниковского райисполкома Г. Гусева, такие случаи были не единичны и соответствующие органы проверяли эти случаи и принимали меры» [57].

В 1947 г. учреждается Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний (общество «Знание»), а 20 июня 1949 г. принимается постановление ЦК ВКП(б) «О состоянии и мерах по улучшению работы Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний», в котором обществу было предложено «усилить лекционную пропаганду по вопросам коммунистического воспитания трудящихся, борьбы с различными проявлениями буржуазной идеологии, с пережитками капитализма в сознании людей» и обращалось внимание на чтение лекций по вопросам «материалистического объяснения

явлений природы и общественной жизни» [61]. Тематика лекций была разнообразной: «О так называемых «священных книгах», «Происхождение христианства и его политическая сущность», «О происхождении христианских праздников», «Что такое религия?», «Что говорит наука о происхождении человека?», «Как химия разоблачает чудеса?», «Происхождение религиозных праздников и обрядов», «В чем вред религиозных праздников?», «Религия и дети», «Разоблачение знахарства достижениями медицины», «Научное предвидение и религиозные пророчества», «Религиозное сектантство и его идеология» и т. д. Их объединяла общая задача – противопоставление научных знаний христианскому вероучению и таким образом доказательство ее несостоятельности.

Владимирское областное отделение приступило к деятельности в декабре 1948 г. и к концу 1950-х гг. насчитывало более 4 860 человек [58]. Большое внимание уделялось подготовке молодых специалистов по атеизму. Во Владимирской области работала школа атеистов, организованная Ковровским горкомом КПСС и городским отделением общества по распространению политических и научных знаний [62]. Открывались районные отделения общества, где просветительская работа, проводимая при поддержке местных комитетов партии, включала в себя чтение лекций на естественнонаучные темы, тематические вечера, вечера вопросов и ответов, читательские конференции, киносеансы, пропаганду атеистического мировоззрения в средствах массовой информации. Так, в Покровском районе за 10 месяцев 1952 г. было прочитано 25 лекций на естественнонаучные и атеистические темы [59]. За 9 месяцев 1954 г. во Владимирской области было проведено 337 лекций на научно-атеистические темы [60]. В Камешковском районе в 1952 г. докладчиками райкома КПСС было прочитано более 200 лекций и докладов на темы: «Наука и религия», «Сон и сновидения», «О происхождении Земли» и т. д. Агитаторами и пропагандистами проведено около 500 различных бесед [65].

Значительную роль в проведении научно-атеистической пропаганды выполняла местная пресса. Во владимирской газете «Призыв», например, была специальная рубрика, в которой регулярно печатались статьи по научно-популярной тематике: «Первые люди на Земле», «Возможна ли жизнь на других планетах», «О происхождении звезд», «О происхождении человека», «Возникновение жизни на Земле» и др. Авторы пытались доказать ложность религиозных представлений о происхождении мира и человека, противопоставляя им научные знания. В камешковской районной газете «Знамя» и многотиражках «Свердловка» и «В бой за

торф» в 1952 г. вышло 15 статей на антирелигиозные темы, а на радио было проведено 4 передачи на темы о вреде религии [65].

Накануне православных праздников Рождества и Пасхи в газетах появлялись публикации, в которых говорилось о них как о «пережитках прошлого», «вредных явлениях, подрывающих у народа веру в свои силы». Вред Пасхи авторы статей видели еще и в том, что этот праздник отвлекает людей от сельскохозяйственных работ и наносит ущерб экономике страны.

Особые опасения у властей вызывало состояние религиозности среди интеллигенции. Так, уполномоченный К. М. Тупиков в своем докладе секретарю Владимирского обкома ВКП (б) за третий квартал 1950 г. отмечает: «Очень сильно влияет на религиозность масс наша интеллигенция, т.к. некоторые врачи, педагоги, инженеры, агрономы и другие представители интеллигенции посещают церковь. А ведь интеллигенция у нас имеет большой авторитет, и когда разговоришься с простыми малограмотными людьми из деревень, они прямо ссылаются на такие ихние авторитеты, как учитель, врач, агроном и другие ходят в церковь, а они люди грамотные, не нам чета, значит верят в Бога, значит Бог есть. Следовательно, авторитет, созданный правительством и партией нашей интеллигенции, такие ее представители, как Архангельский, Алексеев и др., употребляют во вред партии и Советскому государству и своим посещением и даже своим непосредственным участием невольно агитируют за церковь, толкают наш простой русский народ в темноту и мракобесие. Среди некоторых работников просвещения до сего времени еще существуют взгляды: «что религия сама собой отомрет», «что религия не такое уже большое зло, чтобы на нее обращать внимание». А некоторые даже считают ниже своего достоинства вести антирелигиозную пропаганду, какую-либо борьбу с религиозными предрассудками или даже разговаривать на эту тему, в общем устранились от этого» [63]. Таким образом, уполномоченного беспокоили как чрезмерная религиозность части интеллигенции, так и полная безучастность другой ее части по отношению к критике религии. Именно такое «расслоение» интеллигенции было типичным для послевоенного времени во Владимирской области. Итогом могли быть партийные взыскания как за симпатии к религии, так и за безразличие в делах веры.

Бюро обкома ВКП(б) в 1950 г. постановило обратить внимание секретарей райкомов на совершенно неудовлетворительную постановку научно-просветительской пропаганды и антирелигиозной ра-

боты в Камешковском районе. В своем докладе уполномоченный Совета по делам РПЦ К. М. Тупиков предлагает работникам просвещения пересмотреть методы преподавания основ марксизма-ленинизма и материалистической философии в учебных заведениях области, не в коем случае не допуская отрыва теории от практики, чтобы исключить такие казусы, как принятие сана священника людьми, обучавшимися в университете марксизма-ленинизма [64].

В конце 1940-х гг. серьезное внимание стало уделяться борьбе с нелегальной религиозной деятельностью местных «святых» и с паломничеством к «святым» местам. Так, в г. Меленки на «святом ключе» проводил молитвенные собрания Митя Правдин, в д. Горохово Меленковского района известностью пользовался 70-летний подвижник Костя Зайцев, более двенадцати лет носивший на себе тяжелые вериги, на территории Курловского и Гусь-Хрустального районов подвизался Егорушка Слабенький – парализованный мужчина 40 лет, которого женщины возили в особой тележке, и т. п. [66].

В целом, несмотря на строго регулируемую «церковную оттепель» послевоенного времени отношение государства к верующим можно охарактеризовать как настороженно терпимое. Официальные установки на удовлетворение религиозных потребностей явно вступали в противоречие с противодействием властей открытию новых церквей и приходов. Если в последние военные и первые послевоенные годы деятельность Совета по делам РПЦ была направлена нормализацию взаимоотношений между государством и церковью, то в последующий период, особенно в конце 1940-х гг., основной задачей уполномоченных становится негласное ограничение деятельности РПЦ и ее влияния на население, прежде всего путем отклонения ходатайств об открытии храмов и постепенного закрытия действующих церквей.

Библиография

1. *Алексеев В. А.* Иллюзии и догмы. – М., 1991. – С. 336–337.

2. *Поспеловский Д. В.* Русская православная церковь в XX веке. – М., 1995. – С. 183.

3. *Поспеловский Д. В.* Указ. соч. – С. 185.

4. *Шкаровский М.В.* Миссионерская деятельность Русской православной церкви в XX веке // Свобода совести в России: исторический и современный аспекты. Вып. 6. Сб. статей. – М.; СПб., 2008. – С. 228.

5. *Цыпин В., прот.* История Русской Церкви. 1917–1997 гг. – М., 1997. – С. 296.

6. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 629. Л. 41. С 1948 до 1953 гг. во Владимирской области не было открыто ни одной церкви.

7. Народное хозяйство Владимирской области. 1944 – 1984: Юбилейный стат. сб. – Ярославль, 1984. – С. 3.

8. История Владимирского края. – Владимир, 2001. – С. 346.

9. Следующие официальным данным о численности населения Владимирской области относятся только к 1959 г.

10. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 174. Л. 6.

11. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 174. Л. 6.

12. ГАВО. Ф.П. 830. Оп. 2. Д. 639. Л. 9.

13. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 174. Л. 6.

14. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 478. Л. 12.

15. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 478. Л. 7.

16. Без Юрьев-Польского района, по которому не было сведений.

17. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 54. Л. 96.

18. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 174. Л. 57 – 60.

19. ГАВО. Ф. Р–3789. Оп. 1. Д. 297. Л. 1; Д. 817. Л. 14; Д. 275. Л. 9; Д. 648. Л. 16; Д. 457. Л. 2; Д. 1132. Л. 100; Д. 1132. Л. 258; Д. 151. Л. 5, 7; Д. 274. Л. 2, 7; Д. 1295. Л. 8; Д. 285. Л. 13; Д. 287. Л. 1; Д. 824. Л. 1; Д. 296. Л. 2; Д. 291. Л. 5; Д. 277. Л. 4, 5; Д. 279. Л. 37; Д. 295. Л. 45; Д. 294. Л. 1; Д. 292. Л. 12 а; Д. 449. Л. 3; Д. 455. Л. 45; Д. 641. Л. 18; Д. 646. Л. 8; Д. 640. Л. 3; Д. 647. Л. 1; Д. 645. Л. 10; Д. 644. Л. 1; Д. 654. Л. 14; Д. 652. Л. 9; Д. 818. Л. 1 об; Д. 821. Л. 6; Д. 820. Л. 9; ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 478. Л. 3; Д. 174. Л. 8, 58; Д. 629. Л. 6.

20. ГАВО. Ф. Р–3789. Оп. 1. Д. 297. Л. 1; Д. 457. Л. 2; Д. 1132. Л. 258; Д. 151. Л. 5; Д. 1295. Л. 7; Д. 285. Л. 8; Д. 287. Л. 1; Д. 283. Л. 12; Д. 153. Л. 2; Д. 449. Л. 3; Д. 451. Л. 2; Д. 455. Л. 45; Д. 642. Л. 2; Д. 646. Л. 1; Д. 640. Л. 3; Д. 647. Л. 1; Д. 652. Л. 9; Д. 820. Л. 9; Д. 826. Л. 5; Д. 279. Л. 42; ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 478. Л. 3; Д. 629. Л. 6.

21. ГАВО. Ф. Р–3789. Оп. 1. Д. 297. Л. 13; Д. 817. Л. 5; Д. 275. Л. 12; Д. 1132. Л. 7; Д. 1132. Л. 258; Д. 274. Л. 2, 7; Д. 824. Л. 1; Д. 296. Л. 2; Д. 283. Л. 12; Д. 291. Л. 2; Д. 153. Л. 2; Д. 279. Л. 4; Д. 449. Л. 3; Д. 450. Л. 25; Д. 454. Л. 16; Д. 451. Л. 2; Д. 455. Л. 44; Д. 642. Л. 26; Д. 647. Л. 1; Д. 654. Л. 14; Д. 652. Л. 9; Д. 821. Л. 6; Д. 820. Л. 9; Д. 826. Л. 5; ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 174. Л. 7.

22. ГАВО. Ф. Р–3789. Оп. 1. Д. 297. Л. 1; Д. 648. Л. 16; Д. 457. Л. 2; Д. 151. Л. 5, 7; Д. 285. Л. 8; Д. 287. Л. 1; Д. 296. Л. 2; Д. 291. Л. 2; Д. 288. Л. 75; Д. 449. Л. 3; Д. 451. Л. 2 об; Д. 449. Л. 3; Д. 641. Л. 18; Д. 642. Л. 2; Д. 646. Л. 8; Д. 645. Л. 10; Д. 644. Л. 1; Д. 818. Л. 1; Д. 820. Л. 9; Д. 826. Л. 5; ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 174. Л. 8.

23. ГАВО. Ф. Р–3789. Оп. 1. Д. 817. Л. 12; Д. 457. Л. 2; Д. 824. Л. 1; Д. 279. Л. 42; Д. 454. Л. 20; Д. 649. Л. 4; Д. 647. Л. 1.

24. ГАВО. Ф. Р–3789. Оп. 1. Д. 274. Л. 16; Д. 288. Л. 75; Д. 451. Л. 8; Д. 647. Л. 12; Д. 818. Л. 1; Д. 819. Л. 80; ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 319. Л. 5.

25. ГАВО. Ф. Р–3789. Оп. 1. Д. 297. Л. 5; Д. 457. Л. 4; Д. 287. Л. 14; Д. 294. Л. 27; Д. 455. Л. 45.

26. ГАВО. Ф. Р–3789. Оп. 1. Д. 153. Л. 46; Д. 451. Л. 5; Д. 649. Л. 4; Д. 652. Л. 9; Д. 821. Л. 6.

27. ГАВО. Ф. Р–3789. Оп. 1. Д. 167. Л. 1; Д. 278. Л. 23; Д. 652. Л. 7; ГАРФ. Ф. 6991. Оп. Д. 478. Л. 4.

28. ГАВО. Ф. Р–3789. Оп. 1. Д. 151. Л. 7; Д. 287. Л. 14; Д. 646. Л. 8.

29. ГАВО. Ф. Р–3789. Оп. 1. Д. 1132. Л. 16; Д. 1132. Л. 86.
30. ГАВО. Ф. Р–3789. Оп. 1. Д. 457. Л. 2; Д. 296. Л. 18.
31. ГАВО. Ф. Р–3789. Оп. 1. Д. 297. Л. 1.
32. ГАВО. Ф. Р–3789. Оп. 1. Д. 817. Л. 5; Д. 1132. Л. 3, 5; Д. 827. Л. 1; Д. 820. Л. 2.
33. ГАВО. Ф. Р–3789. Оп. 1. Д. 817. Л. 8; Д. 275. Л. 18; Д. 1132. Л. 5; Д. 295. Л. 7; Д. 645. Л. 4.
34. ГАВО. Ф. Р–3789. Оп. 1. Д. 817. Л. 5; Д. 1132. Л. 5; Д. 820. Л. 2.
35. ГАВО. Ф. Р–3789. Оп. 1. Д. 275. Л. 5; Д. 648. Л. 6; Д. 1132. Л. 13; Д. 295. Л. 7.
36. Сектами в те годы назывались все религиозные течения, кроме Русской Православной Церкви Московского патриархата, католиков, мусульман и буддистов.
37. ГАВО. Ф. Р–3789. Оп. 1. Д. 648. Л. 6 об; Д. 288. Л. 5; Д. 451. Л. 39.
38. ГАВО. Ф. Р–3789. Оп. 1. Д. 817. Л. 5; Д. 1132. Л. 13.
39. ГАВО. Ф. Р–3789. Оп. 1. Д. 648. Л. 4 об.
40. ГАВО. Ф. Р–3789. Оп. 1. Д. 274. Л. 2.
41. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 881. Л. 38, 39.
42. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 174. Л. 131.
43. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 174. Л. 93.
44. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 174. Л. 131.
45. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 881. Л. 20.
46. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 881. Л. 55 – 56.
47. *Перелыгин А.И.* Русская Православная Церковь в Орловском крае (1917 – 1953 гг.). – Орел, 2008. – С. 134 – 136.
48. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 174. Л. 95 – 97, 99 – 100.
49. ГАВО. Ф. Р–632. Оп. 2. Д. 2. Л. 1.
50. ГАВО. Ф. Р–632. Оп. 2. Д. 2. Л. 3.
51. *Перелыгин А.И.* Русская Православная Церковь в Орловском крае (1917 – 1953 гг.). – Орел, 2008. – С. 130.
52. Поспеловский Д.В. Русская православная церковь в XX в. – М., 1995. – С. 267.
53. *Поспеловский Д.В.* Указ. соч. – С. 267.
54. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 629. Л. 53.
55. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 478. Л. 5.
56. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 174. Л. 16.
57. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 478. Л. 10 – 11.
58. ГАВО. Ф.П. 830. Оп. 3. Д. 580. Л. 6.
59. ГАВО. Ф.П. 830. Оп. 2. Д. 639. Л. 10.
60. ГАВО. Ф.П. 830. Оп. 3. Д. 222. Л. 27.
61. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК. – М., 1984. – Т. 6. – С. 282, 283.
62. ГАВО. Ф.П. 830. Оп. 3. Д. 580. Л. 39.
63. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 629. Л. 35.
64. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 629. Л. 36.
65. ГАВО. Ф.П. 830. Оп. 2. Д. 829. Л. 9.
66. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 174. Л. 39 – 40.

3. Государственное регулирование деятельности религиозных объединений: от гонений к тотальному контролю

После смерти И. В. Сталина новое руководство страны стремилось реализовывать два альтернативных подхода в отношениях с религиозным сообществом – антирелигиозный и государственный (рассматривал Патриархию как своеобразную часть системы) [1]. Ключевым законодательным актом явилось постановление ЦК КПСС от 7 июля 1954 г. «О крупных недостатках в научно-атеистической пропаганде и мерах ее улучшения». В этом документе фактически пересматривалась и осуждалась как «примиренческая» прежняя политика в «церковном вопросе». Предлагалось вернуться к довоенным отношениям с Церковью и вновь начать «наступление на религиозные пережитки». Содержались призывы к активному «разоблачению реакционной сущности религии» [2, с. 428–432].

Однако вызванные данным постановлением осложнения, как внутри страны, так и на международном уровне, «заставили Н. С. Хрущева и его единомышленников отступить. 10 ноября 1954 года появилось новое Постановление ЦК КПСС «Об ошибках в проведении научно-атеистической пропаганды среди населения» [2]. По ряду пунктов этот документ был прямо противоположен предыдущему [3]. В нем осуждалось «оскорбление религиозных чувств», требовалось «чуткое отношение» к верующим, не допускалось «административного вмешательства в деятельность церкви» [2, с. 446–450]. В то же время в постановлении не было и «намека на отказ от атеизма как главного идеологического фундамента коммунистической партии, но после издания нового постановления утихла кампания пропагандистской агрессии против Церкви» [4, с. 36]. 17 февраля Совет Министров принял постановление «Об изменении порядка открытия молитвенных зданий» [5, с. 38], согласно которому Совету по делам РПЦ предоставлялось право регистрировать церковные общины, которые давно фактически действовали без официального разрешения. Кроме того, решения об открытии новых храмов теперь принимались Советами Министров союзных республик, а не СССР, как раньше. В результате, в 1955 г. в СССР было зарегистрировано 37 неофициально действовавших церквей и открыто 4 новых [4, с. 39].

В этот период уполномоченные Совета по делам РПЦ (СДРПЦ) на местах были ориентированы на «автономность в принятии решений» и «вынуждены решать возникавшие вопросы, исходя из личных убежде-

ний», результатом чего стали «многочисленные нарушения законодательства со стороны не только местных властей, но и самих уполномоченных» [3]. Весьма показателен стиль деятельности уполномоченного по делам РПЦ по Владимирской области. В связи с ужесточением политики в отношении Церкви им стал менее образованный, чем его предшественник, но более бескомпромиссный К. М. Тупиков. Это привело к тому, что глава Владимирской епархии епископ Онисим подал 4 марта 1952 года жалобу патриарху Алексию на действия уполномоченного: «Не регистрирует назначенного мною священника, не сообщает о причинах отказа от регистрации, начал закрывать храмы без уведомления Епархиального управления о закрытии и о причинах, вызвавших эту крайнюю меру» [6, д. 42. л. 45–47, 13]. Отношение уполномоченного Совета к религиозным организациям строилось «не на диалоге с представителями Церкви, а на диктате им» [3].

Кроме того, расширился арсенал методов и средств ущемления религиозных потребностей населения. Среди них наиболее часто практиковался «бюрократический прием», когда, например, закрытие храмов происходило не директивно, а в результате «сознательных проволочек в регистрации общин или священников, задержки оформления разрешений на ремонт храмов и т. д. Такие внешне нейтральные меры не вызывали большого беспокойства или сопротивления верующих, однако, были очень эффективны» [7].

Реализация Постановления «О крупных недостатках в проведении научно-атеистической пропаганды» от 7 июля 1954 года выявила стойкие антицерковные настроения местной номенклатуры и спровоцировала наступление на Церковь. В областных и районных исполкомах все чаще звучало мнение о необходимости закрытия большинства церквей, как, к примеру, полагало руководство Курловского района Владимирской области [8, д. 1555. л.2.].

Владимирский уполномоченный, проанализировав состояние атеистической работы в области, пришел к выводу, что более всего она ослаблена в Курловском, Никологорском и Кольчугинском районах, а также в г. Владимир [9, д. 1315. л.17]. Однако для повышения эффективности противодействия церкви не было предпринято фактически никаких мер, кроме публикации нескольких статей в прессе [10]. Более того, уполномоченным пришлось столкнуться с рядом новых явлений. На волне антирелигиозных настроений с осени 1954 года началась кампания по, так называемой, «реализации» полуразрушенных церквей, предполагавшей

разборку и использование зданий храмов в качестве строительного материала [11, д. 392. л. 144]. Местное руководство решило воспользоваться сломом церквей для отказов в ходатайствах об открытии храмов. Однако результат оказался противоположным желаемому. Если в 1955 году поступило всего три жалобы на подобные действия [8, д. 1347. л.42], то в 1956 году их число выросло в несколько раз. Так, незаконный слом церковного здания в с. Омутское Суздальского района [9, д. 1650. л.32], самовольная разборка Введенской церкви с. Мосты Камешковского района [9, д. 1536. л.30], разборка храма в с. Пировы-Городищи Вязниковского района [9, д. 1649. л.10.] вызвали настойчивые требования местных жителей открыть храмы и возобновить в них службу. В 1957 году в адрес Гороховецкого райисполкома поступила анонимная угроза организации массового протеста в случае продолжения разборки здания церкви в с. Фоминки [8, д. 1555. л.7]. Администрирование в процессе «реализации» храмов стало наиболее ярким проявлением нажима на Церковь местными органами власти.

Антирелигиозные настроения местных властей выражались также в попытках подрыва финансовой базы Церкви. В 1957 году староста церкви с. Нарма Курловского района жаловался уполномоченному на сельсовет, который заставил его подписаться на государственный заем, угрожая закрытием церкови [9, д. 1296. л.69]. Был зафиксирован случай займа колхозным руководством с. Усолье Камешковского района 3 тыс. рублей у местного священника [8, д. 1347. Л.36].

Предпринимались попытки открытого вмешательства во внутри церковную жизнь. Так, в 1958 году председатель Борисовского сельсовета Вязниковского района запретил священнику исполнять требы на дому по приглашению верующих, мотивировав это необходимостью оградить окружающих от влияния религии. Им же было выдвинуто условие проводить собрания «двадцатки» (так называли минимальный кворум из 20 человек, необходимый для регистрации религиозной общины в СССР), только в его присутствии [8, д. 1555. л.24].

Как указывает один из исследователей, «по настоянию владимирского обкома партии в 1957 г. было закрыто четыре храма, в то время как в СССР закрытий уже не происходило. Пассивная позиция соглашательства с политикой местных властей была оценена СДРПЦ крайне отрицательно. В том же году было решено сменить Владимирского уполномоченного Совета» [3].

Более терпимые отношения между государством и церковью, в основе которых лежало постановление ЦК КПСС от 10 ноября 1954 г., по

мнению Чумаченко Т.А., «привели к повышению религиозности населения, что, в свою очередь, обусловило укрепление материального положения РПЦ. Это, безусловно, вызывало озабоченность в идеологическом штабе страны» и привело к смене религиозного вектора [12, с. 9].

С 1958 года начался новый период – хрущевская реформа церковного управления, когда так называемая «оттепель» обернулась для различных конфессий и, в первую очередь, для Русской Православной Церкви, «лютым морозом». Спокойные отношения с Церковью преподносились, как сталинское наследие, которое следует ликвидировать, хотя именно религиозные организации особенно пострадали от проводимых репрессий. Нагнетание антирелигиозных настроений к концу 1950-х годов в партийных и комсомольских верхах делало почти неизбежной войну с религией [13, с. 359–360].

Советское руководство в кратчайшие сроки спешило решить религиозную проблему в стране. Это было вызвано комплексом причин: «и желанием построить в СССР коммунизм, и уверенностью, что коммунистическая идеология, освободившаяся от сталинского наследия, еще сможет проявить себя, что, в свою очередь, исключало возможность любой духовной альтернативы, особенно религиозной. Определенная часть советского общества была индифферентна к масштабным антирелигиозным кампаниям, а демократически настроенные «шестидесятники» считали, что в СССР может быть построено справедливое, социально ориентированное государство, где христианству не было места» [1].

В соответствии с указаниями ЦК и лично Хрущева 16 октября 1958 года Совет Министров СССР принял постановление «О налоговом обложении доходов предприятий епархиальных управлений, а также доходов монастырей» [14, с. 35]. Вновь вводился отмененный в 1945 году налог со строений и земельная рента, резко повышалась ставка налога с земельных участков [13, с. 383]. Этим же числом датируется постановление Совмина «О монастырях в СССР» [14, с. 36], которым предусматривалось сокращение земельных угодий, находящихся в пользовании монастырей, запрещалось применение наемного труда, планировалось уменьшение числа самих монастырей и скитов. 8 ноября 1958 года Президиум ЦК КПСС принял постановление «О мерах по прекращению паломничества к так называемым «святым местам», которое коснулось 700 учтенных властями святых мест на территории СССР [13, с. 365]. Эти документы стали предзнаменованием резкого изменения в государственно-церковных отношениях, инициированных постановлением ЦК КПСС от 13 января 1960 г. «О мерах по

ликвидации нарушений духовенством Советского законодательства о культах». Речь шла об изменении самих основ деятельности Русской православной церкви. В постановлении указывалось, что «вопреки советскому законодательству о культах... церковнослужители сосредоточили все руководство приходами в своих руках и используют это в интересах укрепления и распространения религии». Тем самым государство объявляло о конфронтации с РПЦ [15, с. 105].

Во исполнение партийных установок годом позже Совет Министров СССР принял специальное постановление «Об усилении контроля за деятельностью церкви». Оно отменило все законодательные акты, принятые в годы Великой Отечественной войны и первое послевоенное десятилетие. Теперь к обеспечению контроля в обязательном порядке привлекались местные органы власти. При райисполкомах, поселковых и сельских советах создавались комиссии содействия для наблюдения за выполнением законодательства о культах. Зачастую их деятельность сводилась к слежке, доносам, вмешательству во внутрицерковную жизнь [16, с. 163–165.].

Эти два постановления стали основой «церковной» реформы, включавшей в себя шесть основных положений:

«1) коренную перестройку церковного управления, отстранения духовенства от административных, финансово-хозяйственных дел в религиозных объединениях, что подорвало бы авторитет служителей культа в глазах верующих;

2) восстановление права управления религиозными объединениями органами, выбранными из числа самих верующих;

3) перекрытие всех каналов благотворительной деятельности церкви, которые ранее широко использовались для привлечения новых групп верующих;

4) ликвидация льгот для церковнослужителей в отношении подоходного налога, обложение их как некооперированных кустарей, прекращение государственного социального обслуживания гражданского персонала церкви, снятие профсоюзного обслуживания;

5) ограждение детей от влияния религии;

6) перевод служителей культа на твердые оклады, ограничение материальных стимулов духовенства, что снизило бы его активность» [17, д. 37. л. 154].

Идеологи «церковной реформы» отчетливо представляли себе, что «перестройка церковного управления» может оказаться делом «сложным и деликатным». Решение было найдено быстро: «Для того, чтобы

не вызвать каких-либо осложнений в отношениях между церковью и государством, многие мероприятия проводить церковными руками» [18, с. 243]. Так отстранение священнослужителей от финансово-хозяйственной деятельности в приходе, было проведено по «государственной рекомендации» решением Синода Русской Православной Церкви от 18 апреля 1961 г. Несогласие со стороны многих видных иерархов, потребовало дополнительного утверждения ее на Архиерейском Соборе 18 июля 1961 г., постановление которого мог отменить только Поместный Собор [15, с. 391–393].

По требованию Совета по делам РПЦ в июле 1961 г. была принята соответствующая поправка к Положению об управлении РПЦ [16, с. 326–327]. В инструкции впервые были названы не подлежащие регистрации «секты, вероучение и характер деятельности которых носит антигосударственный и изуверский характер: иеговисты, пятидесятники, адвентисты-реформисты...» [19, д. 306, л. 11–12].

В разные годы во Владимирской области делами религий занимались уполномоченные Совета по делам Русской православной церкви при Совете Министров СССР по Владимирской области: Мирский И.И. (октябрь 1952–1957 гг.), Герой Советского Союза полковник в запасе Истратов П. З. (1960 г.), а также уполномоченные Совета по делам религий при Совете Министров СССР по Владимирской области Макаров А. И. (1966 г.), Зиновьев А. В. (1982), Шибаев А. И. (1988) [20]. В районах действовали Комиссии содействия контролю за соблюдением законодательства о религиозных культах.

Одним из первых мероприятий реформы стал единовременный учет всех религиозных объединений. При его проведении было выявлено много бездействующих церквей, не используемых молитвенных зданий, затухающих приходов. «Совет принял меры по ликвидации практики субсидий таким приходам со стороны более сильных религиозных объединений и Патриархии, что повлекло прекращение их деятельности. На местах разобрались с каждым религиозным обществом. В соответствии с законом, общественные здания, захваченные церковниками в период войны, были возвращены их прежним владельцам и превращены в учреждения культуры, школы. Многие слабые и распавшиеся религиозные объединения сняты с регистрации. Материальная база православия заметно сузилась» – так говорил в докладе ЦК КПСС в августе 1970 г. зам. председателя Совета по делам религий Ф. Фуров об итогах перестройки церковного управления [1].

В цифровом измерении закрытие храмов во Владимирской области представлено в следующей таблице:

Таблица 1

Закрытые храмы Владимирской епархии (на 01.01.1962 г.) [21, д. 3, л. 39.]

Количество закрытых храмов				Из них памятников архитектуры	Можно использовать		Признано подлежащими сносу
Общее количество	Сроки закрытия				Под культ-просвет. нужды	Под хозяйственные нужды	
	До 1941	С 1941 по 1960	С 1960 по 01.01.1962				
346	330	12	4	117	44	223	79

Необходимо уточнить, что 346 – это не количество храмов, закрытых во Владимирской епархии после революции, а лишь тех из них, которые сохранились до 1962 года. Наибольшее количество церквей было закрыто в Суздальском (66), Юрьев-Польском (39) и Владимирском (34) районах.

Соотношение открытых и закрытых храмов во Владимирской епархии было примерно один к шести [4, с. 52]. Это следует из результатов всероссийского единовременного статистического учета религиозных объединений, молитвенных зданий и имущества, находящихся в пользовании церковных органов, проведенного в 1961 году. Согласно сводным данным по состоянию на 01.01.1962 г. во Владимирской области оставалось действующим 61 культовое здание Русской православной церкви, 15 из которых являлось памятниками архитектуры (приложение 7).

Были так же взяты на учет: единственное старообрядческое религиозное объединение в д. Рытово Никологорского района, зарегистрированное органами власти 29.04.1946 г., 7 незарегистрированных религиозных групп евангельских христиан баптистов (приложение 8), 1 незарегистрированная группа молокан в Ляховском районе.

В результате хрущевской «оттепели» на территории региона полностью прекратили свое существование римско-католическая община, еврейские организации, истинно-православные христиане и пятидесятники. Из 61, так называемой, «сектантской» организации осталось 11, из 5982 последователей – только 838 человек. Значительно сократилось количество организаций старообрядцев, евангельских христиан баптистов [22, с. 29]:

Таблица 2

Годы	Старообрядцы		Евангельские христиане баптисты		Адвентисты Седьмого Дня		Примечание
	Кол-во организ.	Кол-во людей	Кол-во организ.	Кол-во людей	Кол-во организ.	Кол-во людей	
1925	36	4530	20	1173	–	–	Евангелисты и баптисты даются вместе
1966	1	92	9	450	1	18	Сохранилось около 350 старообрядцев одиночек

Наиболее крупными общинами в это время являлись: старообрядческая в селе Рытово Вязниковского района (92 чел.), евангельские христиане баптисты (Меленки – 87 чел., Владимир – 50 чел., Гусь-Хрустальный – 52 чел, Уршель – 38 чел., Вязники – 50 чел. [22, с. 30].

Сокращалось число духовенства, особенно в начале шестидесятых годов. Во Владимирской епархии на 01.01.1962 г. имелось 72 священника, на 01.01.1970 г. – 62 священника [23, д. 3, л. 38; Оп. 7, д. 2, л. 1].

С 1962 по 1975 год действовало соответственно 61 и 51 храм [23, д. 3. л. 38; Оп. 7, д. 7, л. 4].

Никогда еще до 1960 г. власть не вмешивалась так откровенно во внутрицерковную жизнь, нарушая при этом весь строй ее существования [1]. По приходской реформе 1961 г. духовенство отстранялось от управления церковными общинами. Церковные исполнительные органы были поставлены под полный контроль уполномоченных СДРПЦ. Уже в первой половине 1960-х гг. отмечается ослабление активности Церкви, ее влияние на общество стало менее ощутимым [7].

Приход в 1964 году Л. И. Брежнева к руководству КПСС привел к прекращению антицерковных акций и попыткам легализовать РПЦ в рамках концепции «развитого социализма», что удовлетворяло мировое общественное мнение [24, с. 56], озабоченное не соблюдением прав верующих в СССР. Так, принятый 23 июня1975 г. Указ Президиума ВС РСФСР «О внесении изменений и дополнений в Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 года «О религиозных объединениях» уточнял процедуру регистрации религиозных обществ, сохранял многоступенчатость в решении этого вопроса, расширял возможности религиозных организаций в удовлетворении потребностей верующих, в том числе в части материально-хозяйственного обеспечения [25, д. 714. л. 1–9]. В Конституции СССР 1977 г., несмотря на декларируемый принцип правового равенства, по-прежнему сохранялось неравноправие граждан

в зависимости от их отношения к религии: атеисты могли свободно пропагандировать свои убеждения, а верующие имели лишь право «отправлять религиозные культы». Вместе с тем, впервые в текст Конституции включалось положение о «запрете возбуждения вражды и ненависти в связи с религиозными верованиями» [26].

1 октября 1990 г. Верховный Совет СССР принял Закон «О свободе совести и религиозных организациях» [27, № 41. Ст.813]. Постановлением Верховного Совета РСФСР от 25 октября 1990 г. были отменены положения декрета Совета Народных Комиссаров «Об отделении Церкви от государства и школы от Церкви». Этим же постановлением вводился в действие Закон РСФСР «О свободе вероисповеданий» [27, № 21. Ст.240], который заложил правовую основу постсоветского периода государственно-церковных отношений в Российской Федерации. В связи с этим о данном нормативном правовом акте целесообразно подробно говорить в рамках следующего исторического периода.

В 1965 г. был создан новый орган осуществления вероисповедной политики государства – Совет по делам религий при Совете Министров СССР (1965–1991 гг.). Он объединил функции упраздненных Совета по делам РПЦ и Совета по делам религиозных культов, который действовал в тех рамках, что определяли высшие партийные и государственные органы [28, с. 78–83]. Однако в результате «перестройки» в условиях ускорявшегося процесса децентрализации СССР союзный Совет оказывал все меньшее воздействие на церковную политику и был упразднен.

Согласно учетным карточкам уполномоченного Совета по делам религий при Совете Министров СССР по Владимирской области Макарова А.И., в регионе в 1966 году действовало 75 православных храмов и 1 старообрядческая церковь (приложение 9) [20]. Особое внимание власти уделяли пятидесятникам, чьи общины не вошли в состав ВСЕХБ (Всесоюзный совет евангельских христиан баптистов) и действовали вне регистрации. В 1967 году был взят курс на жесткий контроль над этими «антигосударственными изуверскими сектами» [29].

Со временем материальное положение церквей и монастырей становится все более устойчивым. Во Владимирской области фиксируется неуклонный рост церковных доходов, источником которых являлась главным образом реализация предметов культа (свечей, икон): 1981 г. – 3049 тыс. руб., 1985 г. – 3268,2 тыс. руб., 1986 г. – 3356,1 тыс. руб. [30].

Церкви было разрешено под контролем гражданских властей принимать участие в сохранении памятников истории (возвращенных культовых зданий) и культуры (культовых артефактов). Власть контролировала

размеры «добровольных» взносов, сделанных общинами верующих в Фонд мира, Фонд культуры, Фонд охраны памятников истории и культуры. Отчисления от церквей во Владимирское областное отделение Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры составило значительные суммы: в 1981 г. – 17400 руб., в 1982 г. – 10750 руб., в 1983 г. – 9450 руб., в 1984 г. – 7200 руб. [31]. Уменьшение «добровольных» взносов расценивалось как «ослабление воспитательной работы с духовенством, церковным активом общин верующих» [32].

На протяжении всех периодов советской истории государством поощрялась миротворческая деятельность церкви. Традиционным стало проведение миротворческих собраний духовенства, но главное заключалось в перечислении средств на поддержание мира. Владимирская епархия регулярно отчитывалась об этом перед Уполномоченным Совета по делам религий при Совете Министров СССР по Владимирской области. Так, в 1977 году Владимирским Епархиальным Управлением в Фонд мира было перечислено 14000 рублей [33, л.11], в 1987 году – 318364руб. Всего в 8-й пятилетке РПЦ области перечислила в Советский Фонд мира 747,0 тыс. руб., в 10 – й пятилетке – 1780 тыс. руб. [34].

За плодотворную миротворческую деятельность священнослужители и религиозные общины отмечались наградами Советского Фонда мира и Владимирского областного комитета защиты мира. Например, в 1988 году Почетные медали Советского Фонда мира были вручены Епископу Владимирскому и Суздальскому Валентину (Мишуку Т. А.), Архимандриту Валентину (Русанцову А. П.), настоятелю Князь-Владимирского храма Кравченко И. А., председателю исполнительного органа Успенского собора Моисеевой П. В. [35, л.122]. Благодарственными письмами Областного комитета защиты мира были награждены общины Благовещенского собора г. Муром, Ильинской церкви Гусь-Хрустального района, Старообрядческой церкви с. Рытово Вязниковского района, Евангельских христиан баптистов г. Владимир и др. [36].

Политическая власть содействовала развитию сотрудничества РПЦ «с религиозными центрами и прогрессивными деятелями зарубежных стран в целях борьбы за мир против опасности ядерной войны». Неслучайно за период 1981–1985 гг. во Владимире и Суздале побывала 141 зарубежная делегация (2027 чел.) из 30 стран. В 1986 году – 23 делегации из 15 стран [37]. Приемом иностранных делегаций активно занимался Архимандрит Валентин (Русанцов А. П.), который в начале 90-х годов вышел из юрисдикции МП, образовал т.н. «Суз-

дальский раскол» в юрисдикции Русской Православной церкви за границей и провозгласил общающиеся с ним три общины «Российской Православной Свободной Церковью» (РПСЦ).

Следует отметить, что по мнению ряда ученых «полнокровным субъектом государственно-конфессиональных отношений Церковь в годы нахождения у власти Брежнева Л.И. так и не стала» [24, с. 56].

Это отмечалось и во внутрицерковной жизнедеятельности. Над совершением треб был введен жесткий контроль со стороны государства. Поэтому в религиозной обрядности имели место противоречивые тенденции: с одной стороны число крещений сокращалось, с другой – оставались достаточно устойчивы традиции венчаний и отпеваний, число которых на протяжении четверти века колебалось.

Таблица 3

Количество треб, совершенных во Владимирской епархии

Требы	1962 [38]	1969 [4]	1985 [38]	1986 [38]
Крещение	14816	8761	8094	7870
Венчание	356	153	105	134
Отпевание	7484	9592	14576	12950

Большие трудности существовали в подготовке религиозных служителей. В 1982 году в 51 действующей православной церкви насчитывалось 90 священнослужителей, 40 чел. (44,4%) из которых не имели специального богословского образования, а качество светского образования было низким [39]. Зачастую служить в церковь шли такие люди, как бывший майор в отставке, а ныне вышедший на покой архимандрит Петр (Кучер), известный многим по целому ряду резонансных публикаций в СМИ [40].

Положительный отклик духовенства вызвал «курс перестройки и гласности». Правильный тактический ход М. С. Горбачева, который весной 1985 года встретился в Кремле с иерархами Русской Церкви. Особое значение имело решение власти отмечать 1000-летие крещения Руси не только как церковный, но и как общественно-значимый юбилей. Постановлением Синодальной комиссии от 29 июля 1986 года особой чести проведения юбилейных торжеств наравне с Москвой, Ленинградом, Киевом был удостоен и Владимир.

Управляющий Владимирской епархии Епископ Владимирский и Суздальский Серапион учредил епархиальную комиссию в составе пяти священнослужителей и наметил подготовительные мероприятия. В частности, в Благовещенском соборе г. Мурома, где проходил пастырское служение в сане иеромонаха Первосвятитель и глава Русской

Православной Церкви Святейший Патриарх Пимен, предписывалось «сделать все необходимое для благолепного состояния храма» [41, с. 141–144].

Владимирский областной Совет народных депутатов принял решение от 12.11.1987 г. № 683 «О порядке празднования общинами верующих 1000-летия введения христианства на Руси во Владимире и Суздале», в соответствии с которым был образован оргкомитет (14 чел.) и дано поручение оказать помощь Владимирскому епархиальному управлению, общинам верующих [42, с. 128–129].

Программа юбилейных мероприятий, проходивших 14–15 июня 1988 года, была насыщенной, разнообразной и включала в себя как чисто светские, так и культовые акции такие как: торжественный акт духовенства и светских властей в областном драматическом театре, торжественный прием на территории Кремля г. Суздаля, благодарственный молебен в Цареконстантиновском храме г. Суздаля, прием глав иностранных делегаций председателем исполкома областного Совета Г. Ф. Кондрюковым, возложение цветов к памятнику советским воинам, погибшим в годы Великой Отечественной войны, выступления сводного хора Владимирской епархии, камерного хора Владимирской филармонии, фольклорного ансамбля «Русичи», знакомство с историко-архитектурными памятниками Владимира и Суздаля. Торжества вызвали небывалый эмоциональный подъем в обществе, рост духовного единения населения области. Только в Божественной литургии в Свято-Успенском кафедральном соборе города Владимира, открывшей торжества, участвовало около семи тысяч человек. О масштабе значимости празднований в международном плане можно судить по представительству его гостей, которых насчитывалось 146 человек, в том числе 27 иностранцев [43, с. 36–43].

Московскую патриархию представлял член Синода Митрополит Ростовский и Новочеркасский Владимир. Также присутствовали Патриарх грузинский Каталикос Илия II, представители Чехословацкой, Финской автономной православной церкви, Римско-католической церкви, Берлинской конференции европейских католиков, Совета церквей Намибии, члены международных общественных организаций, Совета по делам религий при Совете Министров СССР и РСФСР. Празднества вызвали живой отклик у всех участников, о чем свидетельствуют многочисленные записи в книге почетных гостей. В частности Примас английской Церкви архиепископ Майкл Пирс написал: «Мы получили самые разнообразные впечатления. Место верующих

в советском обществе большее, чем мы ожидали. Верующие в Советском Союзе любят свою страну и занимаются активной миротворческой деятельностью, что создает весьма приятное впечатление. До недавнего времени мы очень мало знали о жизни в Советском Союзе. Для многих СССР был как бы закрытой страной. Но теперь мы видим, что не только внутренняя жизнь Вашей страны, но и отношения с другими государствами и народами становятся более открытыми. Мы радуемся, что во время гласности и перестройки мы имели возможность лучше узнать Ваш народ. Очень понравились во Владимире и Суздале богослужения, культурная программа, красивые храмы, монастыри, палаты, хоры и другие концерты. Все было замечательно!» [44, с. 1–2].

Для региональных властей это был первый опыт проведения совместных церковно-государственных мероприятий международного уровня, ставших примером дальнейшего конструктивного взаимодействия Церкви и власти.

С 17 по 21 июня 1990 года прошли совместные церковные торжества в честь 1000-летия Крещения Владимиро-Суздальской земли, в которых участвовала делегация Кентерберийской Архиепископии во главе с Епископом Дуврским Ричардом. Юбилейные благодарственные молебны служились во всех храмах епархии, а центральные богослужения прошли в Свято-Успенском кафедральном соборе, Князь-Владимирском храме г. Владимира, Богородице-рождественском соборе Суздальского Кремля. Программа включала церковно-историческую конференцию, торжественный акт духовных и светских властей, праздничный прием и другие культурные мероприятия [45].

Таким образом, «перестройкой» завершился советский этап государственно-церковных отношений. Была подготовлена основа для изменения положения и роли религии в российском обществе. Во Владимирской области к этому времени, согласно данным Уполномоченного Совета по делам религий на 01.01.1990 г., действовало 80 религиозных организаций, представлявших четыре конфессии: православие (67), старообрядцы (1), евангельские христиане-баптисты (10), Адвентисты Седьмого Дня (2) [46, с. 136].

Библиография

1. *Васильева О. Ю.* Церковь и власть в XX веке // Меневские чтения (2006). – URL: http://sergievhram. ru/men – readings/men – readings – 2006/vasilyeva/.

2. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК (1898–1988) / КПСС ; Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС ; под общ. ред. А. Г. Егорова, К. М. Боголюбова. – 9-е изд., доп и испр. – М., 1983–1990. – Т. 8.

3. *Смирнова О. С.* Уполномоченные Совета по делам русской православной церкви и местные органы власти в 1954–1958 гг. (на материалах Верхнего Поволжья) // На пути к гражданскому обществу : электронный науч. журн. – 2012. – № 3–4. – URL: http://goverment.esrae.ru/75–203.

4. *Федотов А. А.* Русская Православная Церковь в 1943–2000 гг.: внутрицерковная жизнь, взаимоотношения с государством и обществом (по материалам Центральной России). – Иваново, 2005.

5. Законодательство о религиозных культах : сб. материалов и документов. – М., 1971.

6. Государственный архив Рязанской области (ГАРО). – Ф. Р–5629. Оп. 1.

7. *Смирнова О.С.* Деятельность института уполномоченных совета по делам Русской Православной Церкви в 1944–1965 гг. : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. – Иваново, 2010. – 225 с.

8. ГАРФ. Ф. Р–6991. Оп. 1.

9. ГАВО. Ф. Р–3789. Оп.1.

10. *Нефедов Л.* За боевую научно-атеистическую пропаганду // газета «Призыв». – 1954. – 19 окт. ; Уголок атеиста // Коммунар. – 1954. – 19 сент.

11. ГАИО. ф. р – 2953, Оп. 1.

12. *Чумаченко Т.А.* Совет по делам Русской православной церкви и его уполномоченные в условиях новой церковной политики власти (1958 – 1964 гг.) // Государство и церковь в XX веке: эволюция взаимоотношений, политический и социокультурный аспекты. Опыт России и Европы. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011.

13. *Шкаровский М. В.* Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве. – М., 1999.

14. Законодательство о религиозных культах. Сборник материалов и документов. – М. : Юрид. лит., 1971.

15. *Цыпин В. , прот.* История Русской православной церкви: 1917–1990. – СПб, 1994.

16. *Поспеловский Д.В.* Русская православная церковь в XX веке. – М., 1995.

17. Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). – Ф. 5. Оп. 62.

18. *Васильева О.Ю.* «Чувствую себя нервным от общего лада церковных дел…» // Альфа и Омега. – 2003. – № 2(36).

19. ГАРФ.Ф. 6991. Оп. 2.

20. Архив уполномоченного Совета по делам РПЦ по Владимирской области.

21. Таблица составлена по материалам: ГАВО. – Ф. Р–632. Оп. 8.

22. Владоблархив. Ф. I. Оп. 14, д. 2276 // Мухин А. О состоянии религиозных организаций и религиозности населения Владимирской области. – Владимир : ВООО «Знание» РСФСР, 1966.

23. ГАВО. Ф. Р–632. Оп. 8 .

24. *Гераськин Ю. В.* Уполномоченный Совета по делам Русской православной церкви: исторический портрет (На материалах областей Центральной России) // Государство и церковь в XX веке: эволюция взаимоотношений, политический и социокультурный аспекты. Опыт России и Европы. – М. : Книж. дом «ЛИБРОКОМ», 2011.

25. ГАРФ. Ф. Р–6991. Оп. 6.

26. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик. – М., 1977.

27. Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. М., 1990.

28. Постановление Совета Министров СССР от 8 декабря 1965 г. «О преобразовании Совета по делам русской православной церкви при Совете Министров СССР и Совета по делам религиозных культов при Совете Министров СССР в Совет по делам религий при Совете Министров СССР» // Законодательство о религиозных культах. (Сборник материалов и документов). – М., 1971.

29. *Советов И. М.* Совет по делам религий при СМ СССР: структура, функции и основные направления деятельности. (Эпоха В. А. Куроедова. 1966–1984 гг.)//Российское объединений исследователей религии. – URL: https://rusoir.ru/president/president-works/president-works-268/.

30. Справка Уполномоченного Совета по делам религий при Совете Министров СССР по Владимирской области Зиновьева А. В. от 06.05.1987 г. «О религиозной обстановке во Владимирской области (по состоянию на май 1987 г.)» // Архив Уполномоченного Совета по делам религий при Совете Министров СССР по Владимирской области.

31. Список поступивших добровольных взносов от церквей области за подписью зампред. Президиума совета Общества охраны памятников Л. П. Строговой. Дело б/н «Переписка».// Архив Уполномоченного Совета по делам религий при Совете Министров СССР по Владимирской области.

32. Письмо Секретаря облисполкома Е. И. Захарова в горрайисполкомы «Об увеличении взносов в Фонд мира» от 14.10.1987 № 18/87. Дело б/н «Переписка».// Архив Уполномоченного Совета по делам религий при Совете Министров СССР по Владимирской области.

33. Письмо Владимирского Епархиального Управления Уполномоченному Совета по делам религий при Совете Министров СССР по Владимирской области Макарову А. И. от 02 января 1978 г. № 7 // Архив Уполномоченного Совета по делам религий при Совете Министров СССР по Владимирской области. Дело № 18/5 «Материалы религиозных центров». Начато 3 января 1978 г. Окончено 2 января 1979 г.

34. Информация Уполномоченного Совета по делам религий при Совете Министров СССР по Владимирской области Макарова А. И. от 18.12.1981 г. «О некоторых вопросах религиозной обстановки на Владимирщине» // Архив Уполномоченного Совета по делам религий при Совете Министров СССР по Владимирской области.

35. Архив Уполномоченного Совета по делам религий при Совете Министров СССР по Владимирской области. Дело «Переписка по подготовке и празднованию 1000-летия Крещения Руси в городах Владимире и Суздале. 1987–1988 гг.».

36. Письмо Уполномоченного Совета по делам религий по Владимирской области А. В. Зиновьева во Владимирский областной комитет защиты мира от 30 октября 1986 г. № 18/71 // Архив Уполномоченного Совета по делам религий при Совете Министров СССР по Владимирской области. Дело б/н «Переписка».

37. Справка Уполномоченного Совета по делам религий при Совете Министров СССР по Владимирской области Зиновьева А. В. от 06.05.1987 г. «О религиозной обстановке во Владимирской области (по состоянию на май 1987 г.)» //

Архив Уполномоченного Совета по делам религий при Совете Министров СССР по Владимирской области.

38. Справка Уполномоченного Совета по делам религий при Совете Министров СССР по Владимирской области Зиновьева А. В. от 06.05.1987 г. «О религиозной обстановке во Владимирской области (по состоянию на май 1987 г.)» // Архив Уполномоченного Совета по делам религий при Совете Министров СССР по Владимирской области.

39. Список действующих церквей и священнослужителей, зарегистрированных по Владимирской области на 1 июня 1982 года // Архив Уполномоченного Совета по делам религий при Совете Министров СССР по Владимирской области. Дело «Кадры священнослужителей».

40. Петр (Кучер) // Википедия. – URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/%CF%E5%F2%F0_(%CA%F3%F7%E5%F0).

41. Письмо Епископа Владимирского и Суздальского Серапиона «Владимирская епархия к 1000-летию Крещения Руси» от 2 марта 1987 г. № 70 // Архив Уполномоченного Совета по делам религий при Совете Министров СССР по Владимирской области. Дело б/н «Переписка по подготовке и празднованию 1000-летия Крещения Руси в городах Владимире и Суздале. 1987–1988 гг.».

42. Решение Владимирского областного Совета народных депутатов от 12.11.1987 г. № 683 «О порядке празднования общинами верующих 1000-летия введения христианства на Руси во Владимире и Суздале» // Архив Уполномоченного Совета по делам религий при Совете Министров СССР по Владимирской области. Дело б/н «Переписка по подготовке и празднованию 1000-летия Крещения Руси в городах Владимире и Суздале. 1987–1988 гг.».

43. Список иностранных гостей и сопровождающих Владимирской епархии // Архив Уполномоченного Совета по делам религий при Совете Министров СССР по Владимирской области. Дело б/н «Переписка по подготовке и празднованию 1000-летия Крещения Руси в городах Владимире и Суздале. 1987–1988 гг.».

44. Письмо Уполномоченного Совета по делам религий при Совете Министров СССР по Владимирской области А. И. Шибаев в Совет по делам религий при Совете Министров СССР и Совет по делам религий при Совете Министров РСФСР от 02 августа 1988 г. № 18/78 // Архив Уполномоченного Совета по делам религий при Совете Министров СССР по Владимирской области. Дело б/н «Переписка по подготовке и празднованию 1000-летия Крещения Руси в городах Владимире и Суздале. 1987 – 1988 гг.».

45. Программа юбилейных богослужений и мероприятий, посвященных празднованию 1000-летия Крещения Владимиро-Суздальской земли. 990–1990 гг. // Архив Уполномоченного Совета по делам религий при Совете Министров СССР по Владимирской области. Дело б/н «Переписка по подготовке и празднованию 1000-летия Крещения Руси в городах Владимире и Суздале. 1987–1988 гг.».

46. Сведения о количестве действующих церковных зданий и молитвенных домов на 1 января 1990 г. // Архив Уполномоченного Совета по делам религий при Совете Министров СССР по Владимирской области. Дело № 18/23 «Материалы учета церковных зданий. 1981–1990гг.».

Глава 2

ВЛАДИМИРСКАЯ ЕПАРХИЯ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

1. Историография истории Владимирской епархии в 1917–1991 гг.

Проблемам региональной истории, месту и значению православного христианства во Владимирском крае, репрессиям против Церкви в XX столетии посвящены работы многих исследователей [1, с. 330–337]. История христианства во Владимирском крае неразрывно связано с историей христианской Церкви в России и историей Вселенского Православия. Особенность истории Владимирского края заключается в том, что многие исторические сюжеты, события и личности не вмещаются в рамки региональной истории, но имеют национально- значимый характер и могут быть адекватно рассмотрены только в рамках истории России. Это относится и к истории Владимирской епархии, которая выходит за границы местной церковной истории.

Владимирский край согласно первой Всероссийской переписи 1897 года в своей основе был представлен православным русским населением. По переписи во Владимирской губернии в 1897 г. православие (вместе с единоверчеством) исповедовало подавляющее большинство населения – 94%. Именно православие стало главной целью богоборческой кампании в СССР, не стихающей все 70 лет существования этого атеистического государства.

20 января (2 февраля) 1918 года Советом Народных Комиссаров был принят декрет «Об отделении церкви от государства и школы от церкви», нормативно-правовой акт, имевший основополагающее значение для религиозной политики. Декрет состоял из 10 пунктов и определял отношение новой власти к церкви и религиозным обществам. Декрет в 9 пункте вводил «запрет права собственности у церковных и религиозных обществ». Религиозные сообщества не имели права юридического лица, т.е. фактически были выведены за пределы гражданского общества и изолированы от участия в благотворительности и образовании. Это привело к национализации и секуляризации земель и имущества, ранее принадлежавших Русской Православной Церкви.

Правовая интерпретация «ленинского» декрета 1918 г. сопровождалась последовательным сужением понимания принципа свободы совести. Так, в Конституции РСФСР 1918 года гарантировалась «свобода религиозной и антирелигиозной пропаганды». Внесение в 4 статью

Конституции РСФСР на XIV Всероссийском съезде Советов РСФСР в 1929 году правки заменило «свободу религиозной пропаганды» на «свободу религиозных исповеданий». При этом право антирелигиозной пропаганды было сохранено. Конституция СССР 1936 года увеличила разрыв в правах между верующими и атеистами. Статья 124 Конституции СССР гласила: «Свобода отправления религиозных культов и свобода антирелигиозной пропаганды признается за всеми гражданами». Таким образом, право исповедания религии, которое, безусловно, включает в себя свидетельство о своей вере, было заменено на право совершения религиозных обрядов. Практически об этом же свидетельствует статья 52 Конституции СССР 1977 года, где свобода совести определялось как право гражданина исповедовать любую религию или не исповедовать никакой, отправлять религиозные культы или вести атеистическую пропаганду.

Статья 121 Уголовного кодекса РСФСР от 1 июня 1922 года предусматривала наказание принудительными работами на срок до 1 года за «преподавание малолетним и несовершеннолетним религиозных вероучений в государственных или частных учебных заведениях и школах». Расширительное понимание этой 121 статьи УК позволяло за любую беседу на религиозную тему с детьми лишить свободы всякого неугодного священнослужителя или мирянина. Частное преподавание религии согласно декрета 1918 г. с 1929 года интерпретировалось исключительно как право родителей обучать религии собственных детей.

8 апреля 1929 г. ВЦИК и СНК РСФСР принимают постановление «О религиозных объединениях», которое, хотя и подвергалось в дальнейшем некоторому уточнению, редактированию и дополнению, но в целом сохранялось как действующее вплоть до начала 90-х годов XX века. Оно законодательно закрепило ставшее к тому времени господствующим мнение о том, что религиозные организации не вправе заниматься какой-либо иной деятельностью, кроме как удовлетворением религиозных потребностей верующих, преимущественно в рамках молитвенного здания, и что следует «вытеснить» религиозные организации из всех сфер общества, где до этого времени они имели право действовать, и запретить им какой-либо «выход» в общество. Одновременно деятельность религиозных объединений в части удовлетворения религиозных потребностей граждан обставлена была множеством ограничительных и жестких регламентирующих условий.

В феврале 1929 г. на места поступила директива за подписью секретаря ЦК ВКП (б) Л. М. Кагановича, непосредственно курировавшего

Ивановскую область, «О мерах по усилению антирелигиозной работы». В ней православное духовенство было открыто объявлено политическим противником партии «большевиков».

Правовые акты советской власти, утверждающие религиозные репрессии в СССР, а так же история самого православия, как живой религиозной веры, нашли своих исследователей как в пределах нашего Отечества, так и за её рубежами.

Многие исторические сюжеты и личности в истории христианства во Владимирском крае получили свое достойное освещение в трудах выдающихся историков Церкви. Трагические события 1917 года, гражданская война и установление идеологии безбожия в качестве государственной доктрины в России самым губительным образом оказали свое воздействие на возможность научно-объективного и беспристрастного изучения истории христианской Церкви. В течение немногих лет после февральского и октябрьского переворотов 1917 года научно-богословская и церковно-историческая наука была уничтожена в Советском Союзе, подверглись физическому уничтожению и моральному террору носители научных церковно-исторических знаний. Но научная дисциплина была сохранена учеными, оказавшимися в силу обстоятельств в эмиграции, за пределами России. Главным центром русской богословской и церковно-исторической науки и православного просвещения в Европе стал Париж. Здесь образовалось Свято-Сергиевское подворье и при нем Русский Богословский институт (переведенный в 1925 году из Берлина), иначе называвшийся Духовной академией. В США образовались два центра русской духовной (православной) культуры – в Нью-Йорке и в Джорданвилле. Наиболее значительным исследованием, в рамках эмигрантской исторической литературы, является труд профессора А. В. Карташева (1875–1960) «Очерки по истории Русской Церкви». Автор в своем сочинении в той или иной степени затрагивает историю Владимирской епархии.

Конец 80-х–90-х годы XX столетия стали временем возрождения церковно- исторической науки в России. В монографии протоиерея В. Цыпина «История Русской Церкви (1917–1997 гг.)» содержится фактический материал по истории Русской Православной Церкви в советское и постсоветское время, включая сведения по истории Владимирской епархии [2]. В данном исследовании приводится статистический материал о действующих приходах, числе священнослужителей, рассматриваются законодательные акты. Историография отношений Советского государства и РПЦ представлена также статьями в церковных и светских изданиях [3]. С начала 1990-х гг. перед исторической наукой встали задачи объективного освещения церковной истории,

введения в научный оборот новых документов и расширения источниковой базы исследований и ее проблемного поля. В частности искусственные препятствия, в лице государственной идеологии синодального или «советского» периодов, для развития церковно-исторической науки ныне сняты, что позволяет вернуться к церковно-канонической и научно- исторической оценке таких исторических сюжетов, как старообрядчество, Синодальный период в истории Церкви, гонения на религию в XX столетии в России и т. д. Это полностью относится и к истории христианства во Владимирском крае, как составной части истории Русской Православной Церкви и истории нашего Отечества.

В трудах М. В. Шкаровского освещаются проблемы государственно- церковных отношений в СССР в 1939–1964 гг. [4]. Анализ актуальных вопросов развития современной церковно-исторической науки был представлен А. И. Мраморновым и данные проблемы характерны для состояния дел во владимирском краеведческом сообществе [5].

В настоящее время на приходах и монастырях Владимирской епархии происходит большая деятельность по переизданию дореволюционной церковно-исторической литературы и созданию новых краеведческих исследований – патериков, описаний благочиний, приходов и монастырей епархии в их современном виде. Одним из направлений является описание истории монастырей и приходов Владимирской епархии в годы гонений на Церквь в XX веке. В этом ряду – изучение жизни и деятельности священно и церковнослужителей, мирян в условиях репрессий. В частности, большое внимание привлекают имя святителя Афанасия (Сахарова) епископа Ковровского [6] и духовного писателя С. И. Фуделя [7]. Исследованию судьбы церковной архитектуры во Владимирском крае посвящена работа Т. П. Тимофеевой, сотрудницы Владимиро-Суздальского музея-заповедника [8]. Изучению архитектурных утрат города Владимира посвящено исследование диакона Сергия Минина [9]. В 2002 г. в Иваново вышла книга А. А. Федотова «Из истории Русской Православной Церкви в XX веке. Церковно-исторические сочинения» [10]. В данной монографии автор рассматривает государственно-церковные отношения в указанный период на примере Ивановской, Владимирской и Костромской епархий. Работа насыщена фактическим и статистическим материалом. Этому автору принадлежат исследования, изучающие ряд аспектов новейшей истории Русской Православной Церкви в эпоху гонений, в том числе истории приходов Владимирской епархии в этот период [11]. В 2005 г. вышли работы протоиерея О. Пэнэжко [12], в которых автор рассказывает о истории приходов и монастырей Русской Православной Церкви на

территории Владимирской области, в частности о том, что происходило с ними при Советской власти. Практическая значимость работы определяется введением в научный оборот новой, ранее закрытой информации. В 2006 году вышла в свет книга священника храма Ризоположения Пресвятой Богородицы во Влахерне г. Москвы Аркадия Гоглова «Крестный путь России», начавшего свое священническое служение во Владимирской епархии. Через два года сборник статей был переиздан в новом формате под названием «Владимирское лихолетье» [13]. Книга состоит из 23 глав, посвященных как событиям церковной истории в 1917–1919 гг. в целом, так и Владимирской епархии в частности. Анализ этой книги дает А. И Мраморнов, подчеркивающий сильные и слабые стороны данного исследования [14].

В 2007 году в свет вышло коллективное исследование трех авторов Н. В. Зин, Е. А. Пуховой и А. К. Тихонова, посвященное истории Владимирской епархии в 1943–1964 гг. [15]. В 2012 году вышла в свет книга А. Л. Ершова «Церковь на Земле Владимирской в 1930-е годы» [16]. Необходимо отметить, что научным центром по проблемам новейшей истории Церкви и религиозным репрессиям против верующих стала кафедра истории, археологии и краеведения Гуманитарного института Владимирского государственного университета, где в настоящее время под научным руководством председателя Союза краеведов Владимирской области профессора А. К. Тихонова группа аспирантов изучает различные аспекты истории Владимирской епархии XX века. В 2008 году состоялась защита диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук по теме «Политика Советского государства по отношению к Русской Православной Церкви в 1918–1925 гг. во Владимирской губернии» Ю. В. Кутергиной [17].

Изучением истории Православия на Владимирской земле, включая период гонений на Церковь в XX веке и новейший период, занимается научное сообщество на кафедре философии и религиоведения Гуманитарного института Владимирского государственного университета, объединённое заведующим кафедрой профессором, доктором философских наук Е. И. Арининым. В 2006 году в свет вышло трёхтомное информационно-аналитическое издание «Атлас современной религиозной жизни России», включающее в себя описание религиозной ситуации во Владимирской области [18]. Данное издание подготовлено на основе исследований Кестонского института (Великобритания) с участием религиоведов из Владимира. В 2011 году состоялась защита диссертации на соискание учёной степени кандидата философских наук по

теме «Социально-философские аспекты формирования личной религиозной идентичности. (На материалах творчества С. И. Фуделя)» протоиерея Георгия Горбачука [19].

Большую исследовательскую и публикаторскую работу ведет комиссия по канонизации Владимирского епархиального управления, представляющая на своем сайте результаты исследований [20]. Результатом этой кропотливой работы стало издание житий новомучеников и исповедников земли Владимирской [21]. Свято-Тихоновский богословский университет (г. Москва) стал признанным центром изучения и систематизации материалов новейшей истории Русской Православной Церкви, исследования подвигов новомучеников и исповедников Церкви Русской в XX столетии [22]. Таким образом, исследование истории Владимирской епархии в XX веке, религиозных репрессии против Церкви и верующих, стало одним из основных направлений научного исследования краеведческого и академического сообществ [23]. Местом консолидации краеведческих сил стали в настоящее время краеведческие конференции, начиная с традиционных Воронинских чтений, а так же краеведческие сборники и журналы, отражающие на своих страницах наиболее животрепещущие темы краеведческих исследований [24].

Одним из самых неразработанных направлений краеведческой деятельности, на что справедливо указал К. А. Аверьянов, является историческая картография [25]. Тем более это касается церковно-исторических карт. В 2008 году вышел в свет Атлас приходов и монастырей Владимирской епархии [26], который включает в себя 19 карт, предисловие и краткую историческую справку по истории Владимирской епархии.

В 2004 году появилось первое в истории владимирского краеведения систематическое изложение истории Владимирской епархии. В книге кандидата исторических наук, священника Сергия Минина «Очерки по истории Владимирской епархии» дается первое изложение истории епархии, насчитывающей более тысячи лет, начиная с Крещения Залесской Руси в 990 году и учреждения Ростовской епархии до событий настоящего времени [27]. Книга создана на основе курса лекций, которые автор читал для воспитанников Владимирской Свято-Феофановской духовной семинарии и студентов-религиоведов Гуманитарного института Владимирского государственного университета. Автор ввел многие неизданные доселе документы и материалы из фондов архива Владимирской епархии. Наименее изученным отрезком времени, в силу ряда причин, стали наиболее близкие к нам во временном отношении трагичные и величественные события новейшей истории Владимирской епархии в XX столетии, когда Церковь в условиях

гонений хранила православную веру. Основное внимание автор уделил именно истории Владимирской епархии XX века, которая освещена в трех главах из четырех. В 2012 году вышло в свет исследование иеромонаха Варфоломея (Минина С.Н.), посвященное периоду гонений XX века в истории Владимирской епархии [28].

Безусловно, самым крупным научным и культурным проектом в современной России является издание специализированного справочного издания по истории, культуре и современному состоянию православия, христианских конфессий и нехристианских религий, осуществляемое Церковно-научным центром «Православная энциклопедия» с 1998 года по настоящее время [29]. В IX томе энциклопедии, изданном в 2005 году, содержатся словарные статьи, посвященные истории Владимирской епархии, ее монастырей, приходов и святынь [30]. Словарные статьи в главе «Владимирская и Суздальская епархия», посвященные истории Владимирской епархии XX века, а именно: «1917–1-я пол. 40-х гг. XX в.», «2-я пол. 40-х –кон. 80-х гг. XX в.», «90-е гг. XX–нач. XXI в.», написал кандидат исторических наук, священник Сергий Минин, ныне иеромонах Варфоломей (Минин) [31].

Библиография

1. *Варфоломей (Минин С.Н.)* иеромонах. Церковно-историческое краеведение во Владимирской области: традиции и современность // Пятые всероссийские краеведческие чтения. (Москва – Владимир, 27–28 мая 2011 г.) – М., 2012.

2. *Цыпин В. прот.* История Русской Церкви. 1917–1997. – М., 1997.

3. *Васильев А.* Положение Русской православной церкви в СССР // Журнал Московской Патриархии. – 1958. – № 1. – С. 43–44 ; *Шкаровский М. В.* Русская православная церковь в 1943–1957 гг. // Вопросы истории. – 1995. – № 8. – С. 36–56 ; *Гордун С., свящ.* Русская Православная церковь с 1943 по 1970 г. (краткий исторический обзор) // Журнал Московской Патриархии. – 1993. – № 2. – С. 11–24.

4. *Шкаровскимй М. В.* Русская Православная церковь при Сталине и Хрущёве. – М., 1999. – 400 с.

5. *Мраморнов А.И.* Актуальные проблемы современной российской историографии истории Русской Церкви (к вопросу об институциализации отрасли гуманитарного знания). – URL: http://www.bogoslov.ru/text/367172.html

6. *Кравецкий А.* Святитель Афанасий Ковровский. Биографический очерк. – Владимир, 2007. – 136 с.

7. *Фудель С. И.* Воспоминания // Собр. соч. в 3 т. – Т. 1. – М., 2001. – С. 23–108.

8. *Тимофеева Т. П.* Лежит в развалинах твой храм… О судьбах церковной архитектуры Владимирского края (1918–1939). Документальные хроники. – Владимир, 1999. – 112 с.

9. *Минин Сергий, диакон.* Утраченные церковные памятники города Владимира // Свет невечерний. – 2001. – № 1. – С. 49–57.

10. *Федотов А. А.* Из истории Русской Православной Церкви в XX веке. Церковно-исторические сочинения. – Иваново, 2002.

11. *Федотов А. А.* Реформа приходского управления и закрытие храмов в 1960-е годы. (По материалам Ивановской, Владимирской и Костромской областей) // Исторический вестник : науч. журнал. – 2001. – № 1(12). – С. 158–165 ; *Он же.* Архипастыри земли Ивановской. Церковно-историческое сочинение. – Иваново, 2000 ; *Он же.* Святые земли Ивановской. – Решма, 1997 ; *Он же.* Ивановская епархия Русской Православной Церкви в 1918–1998 годах: внутрицерковная жизнь и взаимоотношения с государством. – Иваново, 1999 ; *Он же.* История Ивановской епархии. – Иваново, 1998.

12. *Пэнэжко О., прот.* Город Покров, храмы Петушинского и Собинского районов Владимирской области. – Владимир, 2005 ; *Он же.* Храмы г. Александрова и окрестностей. – Владимир, 2005.

13. *Гоглов А., свящ.* Крестный путь России: Владимирская епархия Русской Православной Церкви в годы крушения Империи и гражданской войны в России 1917–1920 годов. Статьи разных лет. – М., 2006.

14. *Мраморнов А. И.* О двух работах современных священников-краеведов и перспективах нашего церковного краеведения. – URL: http://www.bogoslov.ru/-text/print/418732.htm.

15. *Зин Н. В., Пухова Е. А., Тихонов А. К.* Владимирская епархия в 1943–1964 гг. – Владимир, 2007.

16. *Ершов А. Л.* Церковь на земле Владимирской в 1930-е годы. – Владимир, 2011. – 232 с.

17. *Кутергина Ю. В.* Политика Советского государства по отношению к Русской Православной Церкви в 1918–1925 гг. во Владимирской губернии : автореф. дис. … канд. истор. наук. – Иваново, 2008. – 22 с.

18. Атлас современной религиозной жизни в России / Отв. ред. М. Бурдо, С. Филатов. – М. ; Спб., 2006. – Т. 2. Владимирская область. – С. 121–125.

19. *Горбачук Г. Н.* Социально-философские аспекты формирования личной религиозной идентичности. (На материалах творчества С.И. Фуделя) : автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Архангельск, 2011 . – 20 с.

20. Сайт отдела канонизации Владимирской епархии РПЦ. – URL: http://www.vladkan.ru/

21. Жития новомучеников и исповедников Владимирских XX века. – Владимир, 2012.– 96 с.

22. Новомученики и исповедники Русской Православной Церкви. Сайт Свято-Тихоновского богословского университета. – URL: http://martyrs.pstbi.ru/; *Косик О.* Из истории Владимирской епархии. (1917–1923 гг.) // Богословский сборник. Вып 6. – М.: 2000. – С.26–75.

23. Жизнеописание Святителя Василия, епископа Кинешемского. // Святитель Василий, епископ Кинешемский (Преображенский). Беседы на Евангелие от Марка. – М., 1996. – С. 8–40 ; Житие Святителя Афанасия, епископа Ковровского, исповедника и песнописца (1887–1962). – М., 2000. – 70 с. ; Житие Святителя Афанасия, епископа Ковровского, исповедника и песнописца. (1887–1962). – Владимир, 2002. – 48 с. ; Житие священномученика Константина Вязниковского. – Вяз-

ники, 2003. – 12 с. ; Жизнь и чудеса старца архимандрита Леонтия Стасевича. Материалы для прославления. – Владимир, 1997 ; Жизнь и чудеса преподобного Леонтия Ивановского. Изд.2-е. – Иваново, 1999. – 89 с. ; Житие святого праведного пресвитера Петра Чельцова, исповедника. – Александров, 2001. – 80 с. ; Жизнеописание святителя Василия Кинешемского. – Решма, 1993 ; Жития новомучеников и исповедников Владимирских XX века. – Владимир, 2012. – 96 с. ; За Христа пострадавшие в земле Владимирской. Гонения на Русскую Православную Церковь. 1917–1956. Синодик и биографический справочник. – Александров, 2000. – 80 с. ; *Зин Н. В., Пухова Е. А., Тихонов А. К.* Владимирская епархия в 1943–1964 гг. – Владимир, 2007. – 128 с. ; *Косик О.* Из истории Владимирской епархии. (1917–1923 гг.) // Богословский сборник. Вып 6. – М., 2000. – С. 26–75 ; *Косик О. В.* Судьба иеромонаха Серафима(Якубовича) // История Русской Православной Церкви в XX в. – С. 382–387 ; *Минин С. Н., священник.* Очерки по истории Владимирской епархии. (X–XX вв.). – Владимир, 2004. – 152 с. ; *Минин С. Н., священник* «…Дороже всех сокровищ земных». Из новейшей истории Успенского кафедрального собора г. Владимира (1944–55 гг.) // Владимир : лит.-худ. и краевед. сб. – Владимир, 2004. – Кн. 17. – С. 148–150 ; *Минин Сергий, диакон.* Утраченные церковные памятники города Владимира // Свет невечерний. – 2001. – № 1. – С. 49–57 ; «Сей есть от рода нашего». Материалы к жизнеописанию священномученика протоиерея Александра Крылова. – Кольчугино, 2002. – 32 с. ; *Тимофеева Т. П.* Лежит в развалинах твой храм…О судьбах церковной архитектуры Владимирского края (1918–1939). Документальные хроники. – Владимир, 1999. – 112 с. ; Молитва всех вас спасет Материалы к жизнеописанию Святителя Афанасия, Епископа Ковровского. – М., 2000. – 710 с. ; Собрание писем Святителя Афанасия (Сахарова), епископа Ковровского, исповедника и песнописца. – М., 2001. – 753 с. ; *Федотов А. А.* Реформа приходского управления и закрытие храмов в 1960-е годы. (По материалам Ивановской, Владимирской и Костромской областей) // Исторический вестник. Научный журнал. – 2001. – № 1(12). – С. 158–165 ; *Федотов А. А.* Архипастыри земли Ивановской. Церковно-историческое сочинение. – Иваново, 2000 ; *Федотов А. А.* Святые земли Ивановской. – Решма, 1997 ; *Федотов А. А.* Ивановская епархия Русской Православной Церкви в 1918–1998 годах: внутрицерковная жизнь и взаимоотношения с государством. – Иваново, 1999 ; *Федотов А. А.* История Ивановской епархии. – Иваново, 1998 ; *Федотов А. А.* Из истории Русской Православной Церкви в XX веке. Церковно-историческое сочинение. – Иваново, 2002. – 226 с. ; *Фудель С. И.* Воспоминания // Собрание соч. : в 3 т. – М., 2001. – Т. 1. – С. 23–108.

24. Воронинские чтения-94 // Материалы обл.краевед. конф. – Владимир, 1994 ; Владимирский некрополь. Вып. 3. Князь-Владимирское кладбище. – Владимир, 2000 ; Древняя столица: история и современность. Владимирские чтения : материалы междунар. науч.-практич. конф. – Владимир, 2006. – 332 с. ; Материалы областной краеведческой конференции (5 июня 1998 г.). – Владимир, 1998 ; Записки владимирских краеведов. Вып.1. – Владимир, 1998. – 96 с. ; Записки владимирских краеведов. Вып.2. – Владимир, 1998 ; Записки владимирских краеведов. Вып. 3. – М., 2000 ; Записки владимирских краеведов. Сб. 4. – Владимир, 2000 ; Роль Православной Церкви в истории и культуре Владимирской земли :

материалы обл. краевед. конф. (19 мая 2000 г.). – Владимир, 2001 ; История населенных мест Владимирской области : материалы обл. краевед. конф. (19 апреля 2002 г.). – Владимир, 2003. – 90 с. ; Владимирский именослов. Записки владимирских краеведов. Сб. 5. – Владимир, 2001 ; Владимир. Век XX : материалы обл. краевед. конф. (20 апреля 2001г.). – Владимир, 2002 ; Материалы исследований Владимиро-Суздальского музея-заповедника. – Сб. 1–9. – Владимир, 1996–2004 ; Мировоззренческие предпочтения жителей Владимирского края: история и современность : сб. статей. – Владимир, 2003 ; Свеча-2003. Толерантность в религии, культуре. – В 2 т. – Т. 2. Толерантность в религии, культуре и образовании : сб. материалов междунар. конф. – Владимир, 2003 ; Известные и неизвестные события и имена в истории и культуре Владимирской земли : материалы обл. краевед. конф. (18 апреля 2003 г.). – Владимир, 2003 ; Владимир – духовная столица России: опыт и перспективы : материалы региональной науч.-практ. конф. 29–30 ноября 2004 г. – Владимир, 2004. – С. 37–51 с. ; Владимир. – Лит.-худ. и краевед : сборник. – Кн. 17. – Владимир, 2004 ; Материалы областной краеведческой конференции (16 апреля 2004 г.). – Владимир, 2005 ; Церковь, государство и общество в истории России и православных стран : материалы I Междунар. науч. конф, посвящ. памяти православных просветителей святых равноапостольных Кирилла и Мефодия 25–26 мая 2009 года. – Владимир, 2009. – 386 с. ; Проблемы межэтнической толерантности и этноконфессиональных отношений в контексте развития современного российского общества: региональный аспект : материалы науч.-практич. конф. – Владимир, 2010, 260 с. ; Старая столица. Краеведческий альманах. – Вып. 4. – Владимир, 2010 ; Владимир именем святым храним! Ко Дню Крещения Руси и 65-летия Великой Победы : материалы Пятой городской краевед. конф. (г. Владимир. 30 июля 2010 г.). – Владимир, 2011, С 36–49 ; Спешите делать добро : материалы IV Междунар. церковно-общественной науч. конф. «Покровские чтения» (20–23 ноября 2011 года). – Владимир : Изд. отдел Владимирской епархии, 2011. – 80 с.

25. *Аверьянов К.А.* Атлас приходов и монастырей Владимирской епархии. (Рецензия на книгу: Атлас приходов и монастырей Владимирской епархии / Сост. С. Н. Минин, В. М. Некрасов. – Владимир : Изд-во «Нива», 2008. 28 с.). – URL: http://www.sedmitza.ru/text/1183415.html

26. Атлас приходов и монастырей Владимирской епархии / Сост. С. Н. Минин, В. М. Некрасов. – Владимир : Изд-во «Нива», 2008.– 28 с.

27. *Минин С. Н., свящ.* Очерки по истории Владимирской епархии. (X–XX вв.). – Владимир, 2004.

28. *Минин С.Н., свящ.* Владимирская епархия в годину гонений (1918–1988 гг.) // Жития новомучеников и исповедников Владимирских XX века. – Владимир, 2012, С. 65–93, 96 с.

29. Православная энциклопедия. От издателей. – URL: http://www.pravenc.ru/text/73090.html

30. Владимирская и Суздальская епархия РПЦ. – URL: http://www.pravenc.ru/text/154964.html

31. *Минин С.Н., свящ.* Владимирская и Суздальская епархия в 1917 – нач. XXI в. // Православная энциклопедия. – М., 2005. – Т. IX.

2. Владимирская епархия в начале XX века и первой половине 40-х гг. XX в.

Границы Владимирской епархии в 1917 году совпадали с административно-территориальными границами Владимирской губернии. Центром Владимирской епархии был город Владимир. Революционные события 1917 года повлекли за собой изменения административно-территориального деления России, что привело к необходимости уточнения границ епархий РПЦ. 21 сентября 1917 года из Владимирской губернии в Московскую были переданы из состава Покровского уезда село Орехово и местечко Никольское. По инициативе М. В. Фрунзе в 1918 году образуется Иваново-Вознесенская губерния. От Владимирской губернии в ее состав отошли Шуйский уезд, отдельные волости Суздальского и Ковровского уездов. В 1920 году из состава Владимирской епархии была выделена Ивановская епархия [1, с. 115]. В 1921 году к Шуйскому уезду была присоединена северная часть Вязниковского уезда. В 1921–1922 гг. часть территории Владимирской губернии перешла в ведение Московской и Нижегородской губерний. В течении 20-х гг. XX века Владимирская губерния постоянно уменьшалась в своих размерах, уступая свои уезды и волости близлежащим губерниям .

14 января 1929 года была учреждена Ивановская промышленная область. В ее состав вошли Иваново-Вознесенская, Владимирская и Костромская губернии. В связи со сложностью церковно-государственных отношений в указанный период и экстремальными условиями деятельности церковного управления Церковь руководствуется каноническими установлениями. Это касается учреждения Ивановской епархии из состава Владимирской, а также вопросов церковного управления. В начале управление частью Владимирской епархии, отошедшей в административно-территориальном отношении в состав новой губернии, осуществлялось в рамках Иваново-Вознесенского викариатства.

В годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. происходит изменение внутренней политики советского государства, вынужденного считаться с религиозным фактором. Это отражается в восстановлении в качестве административных центров древних русских городов, таких как Великий Новгород, Владимир и другие. 14 августа 1944г. указом Президиума Верховного Совета СССР создается Владимирская область. В настоящих границах, совпадающих с границами Владимирской области, Владимирская митрополия существует с момента последнего административно-территориального преобразования 1944 года.

Церковное управление Владимирской епархией преемственно осуществлялось в 1917–1939 гг. Епархиальными архиереями [2, с. 918; 3, с. 136–138]: в 1917 г. в лице временно управляющего Евгения (Мерцалова); в 1917–22 г. – Сергия (Страгородского); в 1923–25 гг. – Николая (Добронравова); в 1926 г. – Корнилия (Соболева); в 1926–27 гг. – Дамиана (Воскресенского); в 1927 г. – Нифонта (Фомина); 1928–30 гг. – Макария (Звездова); в 1930–31 гг. – Гурия (Степанова); 1932–35 гг. – Иннокентия (Летяева); 1935–36 гг. – Сергия (Гришина); в 1936 г. – Феодора (Яцковского); в 1937 г. – Хрисогона (Ивановского); в 1938–39 гг. – в.у. Алексия (Сергеева) [1, с. 115].

В 1920 г. было закрыто Епархиальное управление Владимирской епархии. Печатный орган «обновленческого» движения «Живая Церковь» 16 июня 1922 года печатает обращение трех авторитетных Архиереев – Управляющего Владимирской епархией архиепископа Сергия (Страгородского), Нижегородского Евдокима и Костромского Серафима, признающего каноничность «обновленческого» ВЦУ и призывающего подчиниться ему.

В 1923 г. на Епархиальном съезде возобладало «обновленческое» направление, поддерживаемое органами Советского государства. В 1922–1936 гг. на территории Владимирской епархии существовала обновленческая «Владимирская епархия» [2, с. 918]. Кроме этого в 1925–26 гг. на территории Владимирской епархии действовал так называемый «григорьевский» раскол и была создана «григорьевская» «Владимирская епархия» в лице ее управляющего Дамиана (Воскресенского) в 1925–26 гг.

Делегация Владимирской епархии приняла участие в деятельности Поместного собора Православной Российской Церкви, прошедшего в г. Москве с 15 (28) августа 1917 г. по 7 (20) сентября 1918 года. На трех сессиях Поместного собора рассматривались вопросы высшего церковного управления, восстановление патриаршего управления, вопросы, относящиеся к епархиальному управлению, приходской жизни, вопросы о монастырях и монашествующих; о привлечении женщин к деятельному участию на разных поприщах церковного служения; об охране церковных святынь от кощунственного захвата и поругания.

В состав Всероссийского Поместного Собора входили 564 члена, в том числе 227 – от иерархии и духовенства и 299 человек от мирян. Согласно принятому Предсоборным советом 4 июля 1917 года «Положению о созыве Поместного собора Православной Всероссийской Церкви в Москве 15 августа 1917 года», в состав Собора входили члены по выборам, по должностям и по приглашению Святейшего Синода.

Основу Поместного Собора формировали епархиальные делегации, которые состояли из правящего архиерея, двух клириков и троих мирян. Клирики и миряне избирались на специальном епархиальном собрании, причём выборщики на это собрание избирались на уровне приходов, на приходских собраниях. Епархиальные делегации и составили основную массу соборян.15(28) августа 1917г. в составе делегации Владимирской епархии на открытии Поместного собора Русской Православной Церкви (РПЦ) присутствовали архиепископ Сергий (Страгородский) – управляющий Владимирской епархией, архимандрит Александр (Григорьев), В. Г. Добронравов – преподаватель церковной истории Владимирской духовной семинарии, Н. В. Малицкий – магистр богословия, А. Н. Овсянников, А. В. Авдиев. 20 января (2 февраля) 1918г. в число членов собора от монашествующих Владимирской епархии вошел иеромонах Афанасий (Сахаров), избранный на место выбывшего из состава члена Поместного собора игумена Белогорского монастыря Пермской епархии. Архиепископ Сергий на соборе возглавил отдел церковного суда. Активное участие в работе отделов собора – богослужебном, монашеском и церковно-дисциплинарном принял иеромонах Афанасий (Сахаров). На пленарном заседании собора иеромонах Афанасий выступил в качестве содокладчика о правилах канонизации святых в Русской Церкви. Архиепископ Сергий и иеромонах Афанасий участвовали в составлении службы «Всем русским святым».

В 1918 году на Всероссийском Поместном Соборе 1917–1918 гг. в Определении «О мероприятиях, вызываемых происходящим гонением на Православную Церковь» было установлено в последнее воскресенье января совершать поминовение «всех усопших в нынешнюю лютую годину гонений исповедников и мучеников». 25 января 1918 года в Киеве был убит гонителями Церкви митрополит Киевский Владимир (Богоявленский). В этот день празднуется память как прославленных поименно новомучеников и исповедников Русских (а их сейчас 1538), так и миру неявленных, но ведомых Богу.

Православная Церковь в лице своего Предстоятеля Святейшего Патриарха Тихона возвысила голос против беззакония и попрания человеческих норм жизни.

Положение во Владимирской епархии было связано с непрекращающимся насилием над верующим народом со стороны властных структур и ее репрессивных органов.

После событий Февральской революции 29 апреля (12 мая) 1917 г. Синод ввел выборное начало для всех уровней церковного управления.

По России в связи с этим прошли чрезвычайные епархиальные съезды духовенства и мирян. На них были рассмотрены вопросы избрания епархиальных советов, введения выборного порядка замещения всех духовных должностей. Кроме этого ряд чрезвычайных епархиальных съездов поставил вопрос о смещении с кафедр некоторых правящих архиереев. К их числу относится Управляющий Владимирской епархией. 3–6 (16–19) мая 1917 г. во Владимире прошел епархиальный съезд духовенства и мирян [4, с. 26]. По воспоминаниям протопресвитера Николая Любимова [5], на съезде требовали «увольнения архиепископа Алексия; иначе произойти могут в епархии прискорбные эксцессы. В некоторых храмах даже перестали поминать архиепископа. Из 372 членов Владимирского съезда не нашлось ни одного защитника архиепископа и съезд единогласно постановил ходатайствовать об удалении его на покой» [6, с. 99]. Архиепископ Владимирский и Суздальский Алексий (Дородницын) был отстранен от управления Владимирской кафедрой 3(16) мая 1917 года решением съезда духовенства и мирян Владимирской епархии. Викарный епископ Юрьевский Евгений (Мерцалов) был назначен Временно управляющим Владимирской епархии.

9 (22) августа 1917г. чрезвычайный епархиальный съезд духовенства и мирян Владимирской епархии в присутствии Архиепископа Московского Тихона (Белавина) постановил тайным голосованием избрать на это место Архиепископа Финляндского Сергия (Страгородского). 28.11(11.12).1917г. он был утвержден с титулом Архиепископа Владимирского и Шуйского Святейшим Патриархом Тихоном. Владыка Сергий (Страгородский) был на Владимирской кафедре с 10(23).08.1917 по 3(16).06.1922.

В 1920 г. было закрыто Епархиальное управление Владимирской епархии. Печатный орган «обновленческого» движения «Живая Церковь» 16 июня 1922 года печатает обращение трех авторитетных Архиереев – Управляющего Владимирской епархии Сергия (Страгородского), Нижегородского Евдокима и Костромского Серафима, признающего каноничность «обновленческого» Высшего Церковного Управления (ВЦУ) и призывающего подчиниться ему. Владыка Сергий предпринял этот шаг с целью взять инициативу в свои руки и отстранить от церковного управления раскольников, но после того, как он убедился в невозможности изменения ситуации, он оставил данное движения и вернулся в церковное общение.

В августе 1922 г. после I Всероссийского съезда «Живая Церковь» группа Владимирского духовенства в лице протоиерея Михаила Сперанского – клирика Георгиевской церкви, протоиерея А. Лаврова – клирика Воскресенской церкви, священника Василия Лобцова – клирика Кладбищенской церкви, протоиерея Михаила Тихонравова – клирика Предтеченской церкви, уполномоченного ВЦУ и мирянина В. И. Захарова выступила с планом «обновленческих» реформ по Владимирской епархии [7, д.п – 9766, л.2–3].

В 1922–36 гг. на канонической территории Владимирской епархии существовала обновленческая «Владимирская епархия» [2, с. 918]. Ее возглавляли Архиереи – Митрополит Владимирский и Шуйский Сергий (Страгородский) в 1922–23гг.; епископ Муромский Серафим (Руженцев) в 1922 – 1924 гг.; Иоанн (Альбинский) в 1923 г.; Александр (Анисимов) и Дмитрий (Рождественский) в 1924 г.; временно управляющий Александр (Лавров) и Алексий (Рождественский)в 1925г.; Герасим (Строганов) в 1925–26 гг.; Геронтий (Шевлягин) в 1927–28 гг.; временно управляющий Алексий (Рождественский) в 1928г.; Мелхиседек (Николаев) в 1928г.; Николай (Орлов) в 1929–34 гг.; Виктор (Путята), Николай (Гиляровский) в 1931г.; Александр (Рябцовский) в 1931–33 гг.; Николай (Поспелов) в 1933г.; временно управляющий Петр (Горбатов) в 1935г.; Александр (Лавров) в 1935г.; Александр (Авдентов) в 1935–36 гг.; Софония (Яскевич) в 1936 г. [2, с. 918].

Библиография

1. *Федотов А. А.* Из истории Русской Православной Церкви в XX веке. Церковно-историческое сочинение. – Иваново, 2002.

2. Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и Всея Руси, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти. 1917–1943. – М., 1994.

3. *Минин С.Н., свящ.* Очерки по истории Владимирской епархии в 10–20 вв. – Владимир, 2004.

4. *Косик О.* Из истории Владимирской епархии (1917–1923 гг.) // Богословский сборник. – Вып. 6. – М., 2000. – С. 26.

5. Протопресвитер Николай Любимов в 1917г. после Февральской революции вошел в состав Священного Синода.

6. Российская Церковь в годы революции (1917–1918) : сборник. – М., 1995.

7. Архив УФСБ по Владимирской области.

3. Приходы и монастыри Владимирская епархия в начале XX века и первой половине 40-х гг. XX в.

Приходы Владимирской епархии испытывали особое давление со стороны новой власти. Характеризуя положение во Владимирской епархии, архиепископ Сергий (Страгородский) в своем выступлении на Соборе 16.02.1918 г., отмечал, что «…в условиях революционного хаоса во многих местах народ, опасаясь репрессий, отхлынул из церковных советов. Многие церкви оказались фактически никем не опекаемыми и не оберегаемыми. Это дает возможность фактически и основание новым властителям отбирать храмы как бесхозные, раз народ церковный их не защищает…» [1, с. 35]. В 1917 г. стихия «демократических» выборов священнослужителей на приходах приобретала иногда крайне уродливые формы, вступая в противоречие с каноническими установлениями Церкви. Так в одном из селений Владимирской епархии на выборах прихожане постановили избрать в диаконы наиболее «голосистого» односельчанина. При этом принудили священника разрешить проверку данных своего ставленника. Мирянина обрядили в диаконские одежды и он произносил диаконские прошения до малого входа на литургии. При этом священник не разрешил ему вход в алтарь и, только после его нового обращения к народу с угрозой прекратить богослужение, это лицедейство было прекращено [2, с. 113–114].

23 января 1918 г. Владимирский губернский исполнительный комитет (Владгубисполком) получает за подписью Лациса определение НКВД о необходимости принять все имущество Церкви «под строжайший контроль». Главная святыня Владимирской земли – Успенский собор во Владимире был передан в ведение Народного комиссариата просвещения (Наркомпроса). Учитывая настроение жителей края, советская власть в 1918 г. разрешает в нем проведение богослужений

В августе 1918г. власти приняли решение об упразднении Владимирской духовной семинарии и Владимирского женского епархиального училища [3].

Имущество храма и сами здания перестали принадлежать Церкви и верующему народу. Приходы должны были заключать соглашения с местной властью на право использования в богослужебных целях храмов и церковного имущества. 1 ноября 1920г. подобное соглашение было заключено между властью и приходом Успенского кафедрального собора г. Владимира [4, с. 10]. В 1918–1919 гг. все храмы Владимирской епархии были переданы в ведение административных отделов горуисполкомов или милиции.

15 марта 1922 г. было произведено «опечатывание» Успенского собора г. Владимира. 23.03.1922 г. из Успенского собора было изъято 1 фунт 13 золотников золота и 4 пуда 52.3/4 золотника серебра [4, с. 11]. Весной 1923 г. община Успенского собора во главе с настоятелем протоиереем Сергием Лавровым была вынуждена оставить храм. Разграбление церковного имущество с этого момента пошло по нарастающей. Так 30.06.1923 г., изъятая из Успенского собора церковно-богослужебная литература общим весом 810 пудов и именуемая властями как «книжный хлам», была продана за 113руб. 40 коп. [4, с. 11–12]. 23.04.1924 г. Успенский собор был передан по договору «обновленческому» приходу во главе с протоиереем А. Е. Знаменским.

В 1923 г. Владимирский губисполком издает распоряжение городского исполкомам о необходимости обязательной регистрации религиозных обществ. В ноябре 1923 г. во Владимире в ходе перерегистрации приходов была зарегистрирована Троицкая православная община («тихоновская») и в Троицком храме возобновилось богослужение. По данным за 1927 г. в списке священнослужителей Троицкой церкви значились – Сахаров А.Г. (Святитель Афанасий Ковровский), Жабинский Дамаскин Иосифович, Лебедев Александр Васильевич, Потапов Иосиф Афанасьевич [5, д.7, л.108]. Настоятелем Троицкого храма был иеромонах Дамаскин (Жабинский) [6, с. 32]. В феврале 1932 г. власти передают Троицкий храм в совместное ведение «старо-церковному» и «обновленческому приходам» [7, д.462,л.123]. 12 мая 1932 г. в Троицком храме состоялось торжественное заседание, посвященное 10-летию обновленческого движения [8, д.703 ,л.19]. «Обновленческий» приход повел себя так, что сам ускорил закрытие храма. В 1936 г. «обновленцы» сами отказались от храма и обновленческий «архиепископ» Софония ходатайствовал о расторжении договора. В 1937г. храм был закрыт [9, с. 2].

В 30-е гг. XX века функцию кафедрального собора на себя практически взял храм Никиты-мученика во Владимире [6, с. 35]. До 1931 года настоятелем храма был протоиерей Михаил Авроров. С 1933 года в Никитской церкви служил архиепископ Сергий (Гришин). В этот период гонений владыка Сергий с группой киевского духовенства был переведен во Владимир. Это привело к усилению церковной жизни во Владимире. В 1936 году в одну ночь во Владимире и Петушках были произведены массовые аресты духовенства. В список арестованных лиц вошли архиепископ Сергий (Гришин) и епископ Афанасий (Сахаров) [10]. В 1937 году власти стали готовить к закрытию Никитскую церковь с целью передачи самого здания под нужды аэроклуба [11, д.

704]. В этом же году Ивановский облисполком выносит постановление о закрытии храма. Председатель церковного совета храма Никиты-мученика Александра Васильевна Маркова собирает около 600 подписей под заявление к М. И. Калинину и во ВЦИК против закрытия храма как необходимого жителям города. В заявлении указывается, что во время Великого поста более 200 человек участвуют в Таинстве Церкви, причащаются на богослужении. Власти ответили на это прошение насилием. Всё духовенство Никитского храма в лице священства Алексия Владычина, И. Слободского, протодиакона С. Урбанского, многие миряне, такие как А. В. Маркова, А. Бобкова и другие подверглись задержанию и аресту. По решению властей, задержанные священнослужители Церкви были расстреляны, а мирянка А. В. Маркова осуждена на 10 лет исправительно-трудовых лагерей [12].

В 1923–24 гг. в г. Коврове были зарегистрированы 3 православных прихода – Христорождественского и Спасо-Преображенского соборов, церкви Иоанна Воина, старообрядческое общество беспоповцев, 2 старообрядческие общины Спасова согласия и иудейская община [13, с. 36]. До 1925 г. 3 из 4 действующих православных приходов г. Коврова принадлежали «обновленцам». Ковровский протоиерей Павел Авроров был с 1922 г. уполномоченным от «Владимирской епархии» в Высшем Церковном Управлении (ВЦУ) – центральном органе «обновленческого» движения. Но верующий народ посещал Христорождественский собор, принадлежащий «старо-церковному» направлению. В начале 1926 г. в Коврове возникает «независимая» церковная община, в уставе которой было записано, что она создается «в противовес против крайностей Тихоновской и обновленческой церкви…». В ходе конфликтов Христорождественский собор был закреплен за общиной староцерковной (2253 чел. прихожан), Спасо-Преображенский за «обновленцами» (1000 чел.), церковь Иоанна Воина (499 чел.) за «автокефалистами» [14, д.1051, л. 199, 205, 225 – 226]. В 1931г. Спасо-Преображенский собор в г. Коврове был закрыт. В 1938 г. власти закрывают Христорождественский собор. Кладбищенская церковь Иоанна Воина оставалась в пользовании «обновленческой» общины, до своего закрытия в 1945 г. [13, с. 37–38].

В конце 20-х гг. XX в. под различными предлогами идет массовое закрытие приходов. Организуются ходатайства «трудящихся» о закрытии храмов и запрещении колокольного звона. В 1928–29 гг. в местной прессе постоянно публикуются резолюции собраний трудовых коллективов о закрытии храмов, сносе церквей или приспособлении их под жилье, столовые или клубы. Пионерский актив г. Владимира просит о

передаче здания одной из церквей г. Владимира под центральный детский пионерский клуб [15]. При этом часто власти вначале обвиняют церковные общины в несоблюдении условий аренды и небрежном отношении к вопросам сохранности зданий и имущества. Но, после расторжения договора, власти ставят вопрос о сносе здания храма как такового. «Произведенное обследование Георгиевской церкви [г. Владимира] вскрыло крайне невнимательное и небрежное отношение к церковному имуществу со стороны группы верующих, арендующих эту церковь Президиум горсовета, считая недопустимым такое отношение верующих к государственному имуществу, решил просить ГИК расторгнуть договор на аренду церкви. Кроме этого, горсовет поднял вопрос о сносе Георгиевской церкви, так как она расположена как раз посредине улицы и поэтому якобы затрудняет движение и мешает развитию дальнейшего строительства» [16, с. 7]. За лето 1928 г. во Владимирской губернии закрыто 20 церквей [17]. Всего с 1918 по 1941 год во Владимирской епархии было закрыто 330 храмов [2, с. 161]. Каждый закрытый приход неразрывно связан с судьбами прихожан и священнослужителей, являясь свидетелем насилия над свободой совести и убеждений. В базе данных Свято-Тихоновского гуманитарного университета в г. Москве содержатся сведения о 1037 репрессированных за веру во Владимирской епархии. Пострадали во время гонений около 70 архиереев, связанных с Владимирской землей [6, с. 40].

Монастыри Владимирской епархии по количеству обителей – 36 находились на третьем месте в Российской империи после Москвы и Великого Новгорода [18, с. 419]. Закрытие монастырей начинается в 1918–1920 гг. В 1920 г. было закрыто 28 монастырей [19]. Данный процесс получил поддержку «обновленцев».10 декабря 1922 г. губернская конференция группы «Живая церковь» приняла постановление о ликвидации всех монастырей Владимирской епархии и передаче всех монастырских построек гражданским властям [20]. В 1923г. начинается массовое закрытие монастырей. В их числе и Успенский женский монастырь в г. Владимире: «недавно ликвидирован в числе других один из женских монастырей гор. Владимира, Успенский монастырь. Все находящиеся там монашки удалены, а в кельи их размещены ответственные работники города. В монастырских помещениях размещены советские служащие с семействами, а внутри крепости есть школа 1-й ступени, есть детский дом Поволжья, а всего в этой крепости размещается более 300 человек» [21].

Гонения на Церковь в 1918–1920 гг. новой власти явились первой попыткой открытого наступления на Церковь, духовенство и верующий народ. Антирелигиозная политика гражданских властей вызывает желание верующего народа защитить Мать-Церковь. Одной из форм проявления религиозного чувства народа в 1918 г. стало проведение крестных ходов. Власти применяли силу для прекращения этих народных изъявлений. Во Владимире крестный ход вызвал столкновения с красноармейцами.

В июне-июле 1918г. в г. Владимире прошел епархиальный съезд духовенства и мирян Владимирской епархии, на котором председательствовал Митрополит Сергий (Страгородский). В повестку дня съезда были включены вопросы положения Церкви в новых условиях, церковного управления, духовной школы и т. д. Остро встала проблема подготовки священнослужителей.

19.02.1922 г. Патриарх Тихон обратился к православной пастве с призывом оказать помощь жертвам голода. Но богоборческие власти желали использовать ситуацию прежде всего в своих интересах и 26.02.1918 г. издают декрет о принудительном изъятии из церковного имущества «всех драгоценных предметов из золота, серебра и камней». Таким образом, это постановление властей закрывает возможность добровольного участия в помощи голодающим со стороны Церкви и ставит священнослужителей заведомо в положение святотатцев, т.к. декрет не учитывал ни канонов Церкви, ни богослужебного использования церковных предметов.

В марте 1922 г. произошли столкновения в связи с насильственным изъятием церковных ценностей в г. Шуе. 6.03.1922 г. власти опечатали ризницы наиболее богатых церквей в Шуе. 8 марта было произведено изъятие ценностей из Ильинской, больничной и кладбищенской церквей города. Это вызвало народное волнение. В результате столкновений пять человек было убито, 15 человек – ранено. 22.03.1922 г. особая комиссия ВЦИК, под председательством П. Смидовича, приняла решение о правильности действий властей Шуи по изъятию ценностей и подавлению народного возмущения. Следователем по Шуйскому делу был назначен представитель ВЦИК Яковлев. Начались массовые аресты. По окончанию следствия к суду было привлечено 19 человек. Решением суда троих из подследственных – священника Павла Светозарова, священника Иоанна Рождественского и мирянина Петра Языкова, – приговорили к расстрелу. 4.05.1918 г. судебное решение было одобрено на заседании Политбюро партии большевиков. В связи с изъятием церковных ценностей для голодающих Поволжья была арестована в 1923 г. игумения Успенского монастыря в г. Александрове Тамара (Лихарева) [21].

Проповедь с церковного амвона укрепляла веру в народе, показывала несостоятельность нападений на Церковь со стороны безбожников. В 1919–1920 гг. в Успенском соборе г. Владимира после литургии большой популярностью пользовались проповеди священнослужителей Владимирской епархии. В их числе был иеромонах Серафим (Якубович) [22, с. 382]. В местной прессе появляются нападки на яркого проповедника. Г. К. Туркин – заведующий губернским отделом юстиции вызвал иеромонаха Серафима на диспут. Не будучи уверены в благополучном для них исходе публичного диспута, атеистические власти решили арестовать отца Серафима и под предлогом попытки к бегству расстрелять. Иеромонах Серафим вынужден был в течение 13 лет жить на нелегальном положении. В 1931 г. вокруг о. Серафима в с. Эдемское собираются дивеевские монахини, здесь регулярно совершались службы по монастырскому уставу. В 1933 г. были арестованы и привлечены к суду 45 человек, которые обвинялись в «создании контрреволюционных церковно- монархических кадров, широкой обработке и вербовке в монастырь работниц и крестьянок». Иеромонах Серафим был в 1934 г. приговорен судом на десять лет и в 1938 г. расстрелян в Кемеровской области.

В 20-е гг. XX века часто использовались такие формы антирелигиозной борьбы как диспуты. Активной религиозной деятельностью во Владимирской губернии занимался сподвижник Е. Ярославского (Губельмана) А. Лукачевский. Впрочем, симпатии владимирцев были не на стороне безбожников. Об этом факте свидетельствуют газетные отчеты о диспутах: «Перед аудиторией оппонент [Лукачевского], представитель старой церкви, [священник] Устинов. Робкая вначале речь оппонента построена красиво, несмотря на то, что она основана на возражениях оппоненту. Многовековая привычка победила, устроив хлопки представителю церкви» [23].

Кампания по вскрытию мощей святых во Владимирской епархии начинается на основании постановления Народного комиссариата юстиции от 1 февраля 1919 г. Специальные комиссии должны были производить вскрытие мощей в присутствии духовенства и оформлять протоколы. Святейший Патриарх Тихон 17 февраля 1919 г. разослал указание управляющим епархиями об «устранении поводов к глумлению и соблазну в отношении святых мощей…». В середине февраля в течение десяти дней во Владимирской губернии были вскрыты мощи святых благоверных князей Андрея, Глеба и Георгия во Владимире, Петра и Февронии и Муроме, преподобных Евфимия и Ефросинии в Суздале и др. В феврале 1917 г., в связи с передачей здания Успенского

Княгинина монастыря в г. Владимире под детский приют, специальная комиссия осмотрела монастырь и произвела вскрытие мощей святого мученика Авраамия Болгарского. В феврале 1917 г. комиссия вскрыла мощи святых благоверных князей Андрея Боголюбского, Глеба и Георгия, находящихся в Успенском кафедральном соборе, и составила акты вскрытия и осмотра [24, д.215,л.15 – 17,19]. В Успенском соборе г. Владимира было установлено дежурство священника и псаломщика при мощах. В числе первых дежурных были псаломщик А. А. Потапов и иеромонах Афанасий (Сахаров), который превратил эту попытку глумления в прославление Владимирских святых [25, с. 30]. В связи с передачей в 1924 г. Успенского собора «обновленческому» приходу во главе с протоиереем А. Е. Знаменским, Георгиевский придел остался в полном ведении музея для организации экспозиции. ОГПУ поддерживает передачу собора «обновленцам»: «…наша задача, которая выражалась в укреплении обновленческих сил, частью была выполнена и результаты в разложении духовенства были достигнуты…» [26, д.743, л.103]. Тем не менее, даже покровительство органов ОГПУ не исправило положение и 26.03.1926 г. Губернский исполнительный комитет (ГИК) постановил договор с общиной расторгнуть и собор передать музею. Одной из функций музея стало проведение атеистической работы. В 1930 г. в Георгиевском приделе Успенского собора был создан «антирелигиозный отдел» Владимирского музея. В нем были помещены мощи князей Андрея Боголюбского, Глеба и Георгия, а также мученика Авраамия Болгарского.

Иеромонах Афанасий (Сахаров) в 1918–1920 гг. был членом Владимирского епархиального совета. В 1920–21 гг. был наместником Богородице-Рождественского монастыря. 2.02.1920 г. возведен в сан архимандрита. 1.07.1921 г назначен настоятелем Боголюбского монастыря. 10.07.1921 г. – хиротонисан во епископа Ковровского, викария Владимирской епархии. Хиротония состоялась в Крестовоздвиженском монастыре г. Нижнего Новгорода, где пребывал в ссылке Митрополит Сергий. Викариатство было создано в помощь Управляющему Владимирской епархией, но вскоре Епископу Афанасию (Сахарову) пришлось взять на себя попечение о епархии и верующем народе. 17 марта 1922 г. Святитель Афанасий был арестован в г. Владимире и препровожден в Ревтрибунал. После своего освобождения Владыка Афанасий 12 апреля 1925 г. принимал участие в погребении Святейшего Патриарха Тихона; подписал акт о передаче высшей церковной власти митрополиту Крутицкому Петру (По-

лянскому). В ноябре 1926 г. Епископ Афанасий был назначен управляющим Ивановской епархией. От властей в декабре 1926 г. он получил предложение покинуть пределы Владимирской епархии или прекратить управление епархией. Владыка отказался оставить вверенную его попечению епархию. В 1927 г. Епископ Афанасий был арестован по обвинению в «принадлежности к группе архиереев, возглавляемой митрополитом Сергием (Страгородским)». С 1927 по1930 гг. Святитель Афанасий находился в заключении в Соловецком лагере особого назначения. В 1930 г. этапирован в Туруханский край (Енисейская губ.) на 3 года. В 1933 г. возвратился во Владимир. В 1933–36 гг. был на свободе, большей частию «тайно образующе», не служил в храмах. В 1936–41 гг. приговорен к 5 годам Беломоро-Балтийских лагерей.

В борьбе с Церковью атеистические власти прибегают к услугам так называемых «обновленцев». 27 марта 1923г. состоялся I Владимирский «обновленческий» епархиальный съезд духовенства и мирян [27]. Съезд поддержал кампанию по вскрытию мощей и решил изъять мощи из мест их церковного хранения и почитания и передать для музейного использования в Успенском соборе. Кроме этого, съезд постановил в первую очередь «закрыть храмы историко-археологического и художественного значения через местную власть и срочно передать их в ведение Главмузея, как памятники исторического прошлого» [27, с.10]. На канонической территории Владимирской епархии возникают общины «обновленцев» и происходит перезаключение договоров на пользование церковным имуществом и храмами. Раскольнические группировки повели ожесточенную борьбу против Церкви и ее институтов. Председателем епархиального комитета группы «Живая церковь» был избран протоиерей Михаил Тихонравов.

Викарный епископ Ковровский святитель Афанасий (Сахаров) возглавил оппозицию «обновленческому» расколу во Владимирской епархии. Около епископа Афанасия собираются церковные люди, верные Святейшему Патриарху Тихону и канонам Церкви. Ближайшими сподвижниками и соработниками Святителя Афанасия были протоиерей Алексий Владычин – настоятель Спасо-Преображенского храма г. Владимира, благочинный церквей г. Владимира, иеромонах Георгий (Зацепин) – настоятель Троицкого прихода г. Владимира, игумения Княгинина Успенского монастыря г. Владимира Олимпиада (Медведева). Благодаря позиции епископа Афанасия обновленческое движение во Владимирской епархии не приняло те масштабы, которые удовлетворяли бы Со-

ветскую власть. В сводках ОГПУ отмечается, что «обновленческое» движение во Владимирской епархии развивается слабо. Уполномоченный «обновленческого» ВЦУ протоиерей Михаил Тихонровов был запрещен епископом Афанасием (Сахаровым) в служении [25, с. 42]. Протоиерей Михаил Тихонравов обратился с доносом в репрессивные органы Советской власти. В своем доносе в ОГПУ он писал: «Работа группы (“Живая Церковь”) и идеи церковно-обновленческого движения встретили самое враждебное отношение со стороны епископа Афанасия. Он в своих проповедях на богослужениях всячески старался дискредитировать это движение, начатое группою “Живая Церковь... еп. Афанасий…объявляет обновленческое движение церковным расколом, даже ересь, грозит отлучением от Церкви всем сочувствующим этому движению и открыто заявляет, что с членами группы нельзя иметь церковного общения, а сам он уже порвал с ними это общение…Верующие признают слова еп. Афанасия правдой; волнуются и под влиянием этого проникаются недоверием и враждой к идем церк[овно]-обновленческого движения и к членам группы “Ж[ивая] Ц[ерковь]” [25, с. 65–67; 28, д.п – 9766, л. 2–3].

В г. Владимире центрами «староцерковного» или «тихоновского» направления стали Троицкий, Пятницкий и Спасо-Преображенский храмы. После ареста в 1922 г. Владыки Афанасия «обновленцы» пишут доносы на протоиерея Алексия Владычина, игумению Олимпиаду (Медведеву) и иеромонаха Германа.

Протоиерей Алексий Владычин отказался от предложения епископа Серафима (Руженцова) организовать обновленческую группу «Церковь Возрождения», выступал против обновленцев в проповедях. Он возил письма епископа Афанасия (Сахарова), чью заметку об отношении к ВЦУ хранил у себя, к митрополиту Сергию в Нижний Новгород и обратно. В обновленческом журнале «Церковь и жизнь» (1922. № 1. 1–15 ноября. С.7), в разделе «Постановления Владимирского Епархиального Управления» сообщалось: «Уволен за вредную для обновленческого движения деятельность и агитацию от должности благочинного г. Владимира протоиерей Алексей Владычин и на его место назначен временно протоиерей М. Тихонравов». 7 октября 1922 г. «обновленческое» епархиальное управление освобождает протоиерея Алексия Владычина от должности благочинного и назначает на это место протоиерея Михаила Тихонравова, но протоиерей Алексий не подчинился данному решению и не сдал дел новому благочинному, пытался созвать Владимирское духовенство и церковных старост. Устав

«Живой Церкви» он не подписал, считая, что устав должен быть рассмотрен на приходских собраниях каждой церкви г. Владимира, так как «хранителем чистоты веры и правила является православный народ, как тело Христовой Церкви».

10 июля 1923 года протоиерея Алексия арестовали по обвинению в разжигании контрреволюционных настроений среди верующих по ст. 69 УК РСФСР за контрреволюционную агитацию. В доносе уполномоченного обновленческого Высшего Церковного Управления (ВЦУ) во Владимире протоиерея Авророва говорилось, что протоиерей Алексий Владычин является «ярым ненавистником существующей соввласти, по убеждениям примыкающий к монархическому строю», что он «очень тонко проводит среди верующих разложение против существующего строя путем всяких бесед и т. п. выступлениями, каковые на революционной почве подтасовываются под контрреволюцию». В протоколах допросов отца Алексия указывается, что он не признал себя виновным; говорил, что пропаганды против советской власти не вел, так как считал «непозволительным вмешиваться в такие дела, которые имеют не церковный, а государственный характер». Решением «тройки» НКВД был приговорен к высылке в Сибирь на 2 года, но 5 ноября 1923 года его освободили под подписку о невыезде. Из следственного дела 1937 года становится известным, что в 1926 году о. Алексий арестовывался еще раз, после чего был выслан в административном порядке на два года, но этого дела в архивах УФСБ РФ по Владимирской области не обнаружено. 13 октября 1930 года протоиерея Алексия Владычина вновь арестовали по обвинению в участии в контрреволюционной организации «Союз спасения Родины и Революции». Протоиерей Алексий не признал себя виновным в контрреволюционной агитации. 19 октября 1930 года постановлением тройки НКВД он был приговорен к трем годам заключения в концлагере.

С 1928 года община Спасской церкви, где служил протоиерей Алексий, противостояла попыткам властей закрыть храм, но все же 7 декабря 1935 года Горфинотдел изъял драгоценности из Спасской церкви и опечатал ее. Протоиерей Алексий перешел служить в Никитскую церковь г. Владимира. Его авторитет, как священника строгого и милостивого, среди владимирцев был необычайно высок. По воспоминаниям Н. С. Фиолетовой, келейницы святителя Афанасия Ковровского, духовные чада Владыки, в его отсутствие, исповедовались у отца Алексия Владычина. Он организовывал денежные сборы для ока-

зания материальной помощи высланному якобы за «контрреволюционную» деятельность духовенству, проводил тайные крещения детей дошкольного возраста (в том числе и детей коммунистов, тайком, без ведома родителей) и 7 октября 1937 года вновь был арестован ГО НКВД как участник контрреволюционной группы. Однако протоиерей Алексий и на этот раз не подписал постановление о предъявлении обвинения и протокол допроса, во время которого не признал себя виновным. Обвинительное заключение составили на основании показаний свидетелей и других проходивших по делу лиц. 15 ноября 1937 года отца Алексия приговорили к высшей мере наказания – расстрелу, а 17 ноября приговор привели в исполнение. Вероятное место захоронения – кладбище «Балино» в г. Иваново. Двое сыновей священника – Григорий и Евгений – также были репрессированы.

20 ноября 1922г. в присутствии уполномоченного «обновленческого» ВЦУ и представителей светской власти прошло собрание сестер Княгинина монастыря г. Владимира, на котором было объявлено об увольнении игумении Олимпиады. Игумения отказалась признавать решения незаконнного ВЦУ. Сестры монастыря и монастырский священник Ильинский так же не признали этих решений [29].

Находясь в заточении во Владимирской тюрьме, епископ Афанасий (Сахаров) 10 ноября 1922г. в камере вместе с другими заключенными – архиереями, священнослужителями и мирянами, – впервые совершил службу Всем Русским святым. Из заключения епископ Афанасий (Сахаров) обращается ко всей Владимирской пастве и призывает их «оставаться православными, не мало не колеблясь…Лучше совсем остаться без службы церковной, чем участвовать в кощунстве вместе с отступниками» [25, с. 50]. В Суздале защитниками православия явились игумен Леонтий (Стасевич) – настоятель Спасо-Преображенского монастыря и игумения Мария (Либеровская) – настоятельница Покровского монастыря. В 1923 г. после закрытия монастыря игумен Леонтий был назначен настоятелем двух приходов г. Суздаля – Смоленского и Иоанно-Златоустовского [30, с. 10]. В 1930 г. архимандрит Леонтий был арестован.

В конце 20-х годов власть приступила к реализации своего плана окончательного уничтожения религии и Церкви. В 1928 году последний раз в официальный календарь нерабочих дней были включены религиозные праздники такие как Рождество Христово, Пасха, Духов день и Преображение Господне. Летом 1929 г. началась вторая волна открытого гонения на Церковь (после событий Гражданской войны 1918–20 г.), основанная на силовых методах. В феврале 1929 г. на места

поступила директива за подписью секретаря ЦК ВКП (б) Л. М. Кагановича, непосредственно курировавшего Ивановскую область, «О мерах по усилению антирелигиозной работы». В ней духовенство было открыто объявлено политическим противником партии «большевиков». Письмо предусматривало оказание помощи Союзу безбожников [31], который занимался практической реализацией идеологии атеизма.

8 апреля 1929 г. ВЦИК и СНК РСФСР принимают постановление «О религиозных объединениях», которое, хотя и подвергалось в дальнейшем некоторому уточнению, редактированию и дополнению, но в целом сохранялось как действующее вплоть до начала 90-х годов XX века. Оно законодательно закрепило ставшее к тому времени господствующим мнение о том, что религиозные организации не вправе заниматься какой-либо деятельностью, кроме удовлетворения религиозных потребностей верующих преимущественно в рамках молитвенного здания, и что следует «вытеснить» религиозные организации из всех сфер общества, где до этого времени они имели право действовать, и запретить им какой-либо вообще «выход» в общество. Одновременно деятельность религиозных объединений в части удовлетворения религиозных потребностей граждан обставлена была множеством ограничительных и жестких регламентирующих условий.

В феврале 1928 г. во Владимире прошел 2 губернский съезд Союза безбожников, который был представлен во Владимирской губернии 106 ячейками с 1935 членами. Участники съезда констатировали, что их усилия не имеют в губернии должного успеха среди населения. Несмотря на идеологический контроль над системой образования, многие преподаватели учили детей, что Иисус Христос является исторической личностью и Евангелия отражают реальные исторические события. Один из участников, некто Поспелов, указывал – «Мы не хуже других губерний… Однако у нас во всей губернии нет…ни одного человека, которого мы могли бы назвать активистом» [32].

Следователь, который в 1932 году вел дело против епископа Платона (Руднева), дает неутешительную для новых безбожных властей характеристику жителей г. Владимира: «г. Владимир старинный, бывший губернский центр. До революции был населен в подавляющем большинстве дворянством, духовенством, монашеством, купцами и торговцами; прошедшие в годы в период революции разгромы многих крупных и мелких к/р организаций и групп – изъятие к/р одиночек, все-таки еще не дали окончательной очистки города от бывшего элемента и до последнего времени еще имеется достаточная насыщенность элементом из бывших торгашей,

чиновников, монашества и духовенства, а также и большое количество высланных за к/р деятельность (свыше 200 человек)» [33].

Жители древних русских исторических центров Владимира, Мурома, Суздаля оказывали скрытое противодействие политике безбожной власти. В их числе была и молодежь. В 1928 г., благодаря учащимся 4-й школы г. Владимира, в школе было сорвано проведение «комсомольского Рождества и Пасхи». Школа была заклеймлена, как «гнездо антисоветского элемента» [34]. Атеистическая пропаганда и кощунства Союза безбожников не оттолкнули владимирцев от Церкви: «Вообще, пасхальная ночь мало принесла славы владимирским антирелигиозникам. Переполненные церкви подтвердили это» [35]. В ноябре 1928 г. безбожники должны были констатировать – «Владимир наводнен мещанством, поповщиной, церквами. Эти антисоветские элементы напирают на советскую общественность» [36]. К 28 декабрю 1928 г. – дню открытия III губернского съезда безбожников число ячеек Союза безбожников было увеличено до 240, а количество участников до 6000 человек [37]. Союз имел в своем штате 15 лекторов, а на местах от 200 до 300 докладчиков [38]. Но и это не исправило дело. Власти вынуждены были прибегать к административному нажиму и политическим репрессиям, используя весь арсенал внесудебных и судебных решений.

«Антиколокольная кампания» началась с осени 1929 г. Одним из направлений атеистической работы стала борьба с колокольным звоном. 16.12.1929 г. секретариат ВЦИК принял постановление «Об урегулировании колокольного звона в церквах», что на местах восприняли как команду к полному запрещению колокольного звона и снятию колоколов [39, с. 177]. Вначале власти добивались запрещения колокольного звона, а потом колокола снимались и отправлялись на переплавку. Так, владимирские пожарники жалуются, что колокольный звон «нарушает покой отдыхающих пожарных» и на этом основании ходатайствуют «о закрытии Спасской церкви и о запрещении колокольного звона в Георгиевской и Златоврацкой церквах» [40]. В 1933 г. были сняты колокола с Троицкой и Никитской церквей во Владимире [41, д.703, л.116.].

В следственном деле епископа Платона (Руднева), находившего после Зырянской ссылки во Владимире до своего ареста в 1932 г., имеется характеристика духовного состояния жителей г. Владимира и самого города, данная следователем: «Обилие церквей в г. Владимире (несмотря на большое количество закрытых во время революции, все еще осталось 10 действующих церквей, причем во всех производится

звон) дает возможность всей упомянутой а/с группировке иметь общение между собой и группирования» [42].

Таким образом, запрещение колокольного звона являлось одной из форм борьбы с религиозным сознанием русского населения Владимира и владимирского края.

Кампания по массовому переименованию улиц и площадей владимирских городов так же носила характер борьбы с историческим и религиозным сознанием русского народа: «Поздно схватился Муромский горсовет. Запоздал лет так на семь. Но, все-таки спохватился…и решил покончить со «святыми» улицами Мурома. Переименовать их по-советски, а не по церковному. Муромскому гражданину, несмотря на некоторые, сильно въевшиеся обывательские привычки, следует скорее забыть «святые» старые уличные названия»…» [43]. В течении столетий складывалась целостная топонимная система города Владимира на Клязьме и других городов и селений Владимирского края, отражающая наиболее важное и существенное в истории и культуре Волго-Окского междуречья, Залесской Руси. Период истории г. Владимира и других русских городов в 1917–1990 гг. с этой точки зрения можно охарактеризовать как топонимическую катастрофу. В результате массовых переименований 20–30 гг. XX века была разрушена целостная топонимная система города Владимира и других населенных пунктов Владимирской земли, внедрены чуждые русской культуре и нормам русского литературного языка модели городских наименований, прежде всего, персональные названия в форме родительного падежа, являющиеся топонимической калькой французской модели наименований, а так же абстрактные существительные. В результате более 70 % наименований в русских городах представляли собой так называемый общий фонд по списку деятелей коммунистического движения. Это явление ярко описал писатель Владимир Солоухин в своем обращении к владимирцам [44, с. 43–70].

Владимирский край в 20–30 гг. XX в. стал местом ссылки многих деятелей Церкви. С 1927 по 1932 гг. в г. Меленки находился в ссылке епископ Серафим (Звездинский) [45, с. 101–113]. Здесь он вел затворническую жизнь и практически не выходил за ворота своего жилища. 11 апреля 1932г. в Вербное воскресенье были произведены аресты епископа Серафима, лиц из его окружения и духовенства г. Меленки.

К 1939 году во всей России осталось лишь около 100 соборных и приходских храмов. Атеистическую политику «безбожных» пятилеток остановили грозные события Второй мировой войны. Первым в 1941

году воззвал народ на защиту отечества митрополит Сергий (Страгородский). Осенью 1941 г. Князь- Владимирский кладбищенский приход г. Владимира собрал средства на танковую колонну. В 1942г. И. В. Сталин прислал благодарность Каику – священнику Казанской церкви за передачу в фонд обороны 100 тысяч рублей личных средств. Грозные бури военного лихолетья заставили земных правителей изменить свою политику в отношении Церкви. В 1943 году было восстановлено Патриаршее управление, начался процесс возвращения храмов, восстановления церковно-канонического управления епархиями. В 1944 году началось церковно-каноническое возрождение Владимирской епархии.

Библиография

1. Цитата по: *Монякова О. А*. Религиозная жизнь в Коврове в 1917–1941 гг. // Роль Православной Церкви в истории и культуре Владимирской земли : материалы обл. краеведч. конф. (19 мая 2000 г.) – Владимир, 2001.

2. *Федотов А. А.* Из истории Русской Православной Церкви в XX веке. Церковно-историческое сочинение. – Иваново, 2002.

3. Известия Исполнительных комитетов Владимирского губернского и уездных советов Рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. – 13 августа 1918 г.

4. *Тимофеева Т. П.* Лежит в развалинах твой храм… – Владимир, 1999.

5. ГАВО, Ф.307, оп.2.

6. *Косик О. В.* «Я призывал к любви...» Владимирская епархия в годы гонений // Духовность как основа бытия : материалы Владимирских Епархиальных Образовательных чтений. – Владимир, 2006.

7. ГАВО,Ф.19,Оп.1.

8. ГАВО,Ф.19,Оп.1.

9. *Тимофеева Т. П.* Справка об использовании Троицкой церкви в г. Владимире в 1918–1948 гг. (машинопись). – С. 2.

10. Архив УФСБ по Владимирской области. Д. П–8218.

11. ГАРФ, Ф. 5263, Оп. 1.

12. Архив УФСБ РФ по Владимирской области, Д. П–8673.

13. *Монякова О. А*. Религиозная жизнь в Коврове в 1917–1941 гг. // Роль Православной Церкви в истории и культуре Владимирской земли : материалы обл. краеведч. конф. (19 мая 2000 г.) – Владимир, 2001.

14. ГАВО. Ф. 24. Оп. 1.

15. Церковь – под пионерский клуб // Призыв. – 1928. – 16 окт.

16. Верующие не оберегают церковное здание // Призыв. 1928. – 26 февр.

17. Призыв. – 1928. – 17 нояб.

18. Краткий статистический отчет условий религиозно-просветительской деятельности Российской Православной Церкви при изменившемся устройстве России и по отделении Церкви от государства // Следственное дело Патриарха Тихона. – М., 2000.

19. ГАВО. Ф. 24, оп. 3, д. 3, л. 675 ; Там же. Ф. 357, оп. 2, д. 1001.

20. Призыв. – 1923. – 15 февр.

21. *Торопкин.* К ликвидации монастырей губернии // Призыв. 1923. – 15 февр.

22. *Косик О. Б.* Судьба иеромонаха Серафима (Якубовича) // История Русской Православной Церкви в XX в. : X ежегодная богословская конференция. – М., 2000.

23. *Погодин Л.* Антирелигиозный диспут // Призыв. – 1923. – 11 марта.

24. ГАВО. Ф.1826, оп., д. 215, л. 15–17, 19.

25. *Косик О.* Из истории Владимирской епархии (1917–1923 гг.) // Богословский сборник. – Вып. 6. – М., 2000.

26. ГАВО. Ф. 24, оп.1.

27. Что постановил Владимирский губернский съезд духовенства и мирян 27-го марта 1923 года. – Владимир, 1923. – 15 с.

28. Архив УФСБ по Владимирской области.

29. «Никого, кроме Олимпиады» // Призыв. – 1922. – 5 дек.

30. Жизнь и чудеса преподобного Леонтия Ивановского. – Изд 2-е. Иваново, 1999.

31. Возникшее в 1924 г. общество друзей газеты «Безбожник» (редактор Е. Ярославский-Губельман), было переименовано в 1925 г. в Союз безбожников СССР, в 1929 г. в Союз воинствующих безбожников СССР. В 1932 г. Союз насчитывал в своих рядах 5,5 млн. человек. В 30-е гг. XX в. в СССР издавалось 10 антирелигиозных газет и 23 антирелигиозных журнала.

32. Призыв. – 1928. – 15 февр.

33. Архив УФСБ по Владимирской области, Д. П-8504.

34. Призыв. – 1928. – 30 нояб.

35. Призыв. – 1928. – 19 апр.

36. Трагический случай // Призыв. – 1928. – 23 нояб.

37. Призыв. – 1928. – 6 дек.

38. Призыв. – 1928. – 28 дек.

39. *Кашеваров А. Н.* Некоторые аспекты взаимоотношений Советского государства и Русской Православной Церкви в конце 20-х – начале 30-х годов // Первые Дмитриевский чтения : материалы науч. конф. 21–24 апреля 1996 г. – Спб., 1996.

40. Призыв. – 1928. – 7 окт.

41. ГАВО. Ф. 19, оп. 1.

42. Архив УФСБ по Владимирской области, Д. П-8504.

43. Конец святым улицам // Призыв. – 1924. – 13 июня.

44. Цит. по: *Минин С. Н.* Как зовут тебя, улица? // Записки владимирских краеведов. – Вып. 2. – Владимир, 1998.

45. *Серафим (Звездинский) епископ.* Житие, письма, проповеди. – М., 1999.

4. Владимирская епархия во второй половине 40-х – начале 90-х гг. XX в.

Границы Владимирской епархии совпадали с административными границами Владимирской области, воссозданной в 1944 г. В 1944–1962 гг. Владимирская область состояла из 25 районов и пригородных

зон [1, с. 120–132]. Во всех районах области имелись действующие храмы. В то же время храмы были распределены крайне неравномерно. Так, приход мог объединять территорию в радиусе 5–10 км. от храма, но иногда в 15–20 или даже 30 км [2, л.1]. По данным переписей 1959 и 1989 гг. во Владимирской области проживало соответственно 1 402 910 чел. [3] и 1 653 938 чел. [4].

Епархиальное управление во Владимирской епархии осуществляли Управляющие епархией: архиепископ Онисим (Фестинатов) в 1944–1970 гг., временно управляющий митрополит Иоанн (Вендланд) с 1 по 30.11.1970 г., архиепископ Николай (Кутепов) в 1970–1975 гг., архиепископ Владимир (Котляров) в 1975–1980 гг., архиепископ Серапион (Фадеев) в 1980–1987 гг., архиепископ Валентин (Мищук) в 1987–1990 гг.

Первым послевоенным архиереем на Владимирской кафедре был архиепископ Онисим (Фестинатов). 17 марта 1944 г. общим собранием верующих г. Владимира избран на должность настоятеля Успенского кафедрального собора г. Владимира и 19.04.1944 г. был утвержден в этой должности указом Святейшего Патриарха Сергия. 14.06. 1944 г.– указом Патриаршего Местоблюстителя, митрополита Ленинградского и Новгородского Алексия (Симанского) священнику Сергию Николаевичу Фестинатову, по пострижении в монашество, определено быть епископом Владимирским и Суздальским, временно управляющим Ивановской епархией. 25.08.1944 г. – пострижен в монашество митрополитом Алексием (Симанским). 20.08.1944 г. в зале заседаний Московской Патриархии совершено наречение во епископа Владимирского и Суздальского. 27.08.1944 г. хиротонисан во епископа. Кроме управления Владимирской епархией на епископа Онисима (Фестинатова) было возложено управление Ивановской епархией (до 1946 г.) 25.02.1956 г. был возведен в сан архиепископа.

В 1970 году на Владимирскую кафедру был назначен епископ Николай (Кутепов), переведенный во Владимир из Ростова вследствие конфликта с уполномоченным по делам религии. Как вспоминает владыка Николай (Кутепов): «В Ростове ситуация сложилась тяжелая. Уполномоченным по делам религий был бывший начальник управления КГБ. Запрещены были земные поклоны, запрещено было ездить по епархии, запрещено было причащать детишек. Я это все нарушил, за что тут же был назван религиозным фанатиком, мракобесом и так далее. Меня без конца вызывали к уполномоченному, дебаты с ним шли по 5–6 часов. Закончилось все моим переводом из Ростова во Владимир» [69]. Владимирскую

кафедру владыка Николай (Кутепов) возглавлял с 1970 до 1975 гг. 9 сентября 1972 года был возведен в сан архиепископа. Архипастырская деятельность архиепископа Николая не устраивала и беспокоила Совет по делам религий. В 1975 году архиепископа Николая (Кутепова) за поддержку протестов верующих во Владимире в связи с временным закрытием Успенского собора XII века переводят в Калужскую епархию с титулом Калужский и Боровский: «Из Владимира меня "попросили" уехать "в 72 часа". Несколько месяцев я служил в Калуге, а затем меня назначили сюда, в Нижний Новгород… Здесь поначалу было все то же самое… Помню, один уполномоченный по делам религии, к которому меня почти каждый день вызывали, когда я являлся на прием и просиживал по несколько часов, в конце концов передавал мне через секретаря ответ: "Принимаю только членов партии". А на следующий день все повторялось: мне звонили по телефону и вызывали к уполномоченному. И все же я его пересидел…» [69].

С 17 апреля 1975 г. по 24 апреля 1980 г. на Владимирскую кафедру был назначен архиепископ Владимирский и Суздальский Владимир (Котляров), переведенный в 1980 г. из Владимира на Краснодарскую и Кубанскую кафедру. В 1995 г. митрополит Владимир (Котляров) был назначен управляющим Санкт-Петербургской и Ладожской епархией и постоянным членом Священного Синода. С 2014 г. по настоящее время находится на покое [70].

В 1980 году на Владимирскую кафедру был назначен архиепископ Серапион (Фадеев). На Владимирской кафедре архиепископ Владимирский и Суздальский Серапион пребывал с 24 апреля 1980 года по 11 мая 1987 года. Владыка Серапион великолепно владел словом, знал множество пословиц и поговорок. Свое пребывание на Владимирской кафедре он подытожил просто: «Был во Владимире семь лет, семь месяцев и семь дней». 27 мая 1933 года в г. Москве в семье Фадеевых родился мальчик, которому нарекли имя Николай. По окончании школы Николай Фадеев ушел в Троице-Сергиеву лавру. Насельником обители преподобного Сергия, с перерывом на службу в армии, он был более 20 лет. В монашеском постриге получил имя Серапион в честь святого Серапиона, архиепископа Новгородского. В 1966 году будущий Владыка Серапион закончил Московскую духовную академию. За работу «Православное учение о Воплощении Сына Божия» был удостоен кандидатской степенью по догматическому богословию. В 1969 году окончил аспирантуру, а через два года был возведен в сан архи-

мандрита. Владыка Серапион знал 5 языков [71, с. 186]. По воспоминаниям митрополита Тульского Алексия (Кутепова) «…*среди* братии Троице-Сергиевой Лавры я увидел очень интересного, очень своеобразного человека, который и стал потом моим духовным наставником, руководителем – это был владыка митрополит Серапион (Фадеев). Здесь, в Тульской епархии, он окончил свое служение. А тогда, в Лавре, это был очень энергичный, такой звонкий, сияющий, светозарный молодой архимандрит» [72].

В своем служении Владыка Серапион исполнял различные послушания: был клириком Патриаршего подворья в Токио, викарием Московской епархии, представителем Патриарха Московского и всея Руси при Патриаршем Антиохийском и всея Востока. В 1975–1979 годах возглавлял Иркутскую и Читинскую епархию. В 1979 г. Владыка был возведен в сан архиепископа. С 24 апреля 1980 года по 11 мая 1987 года был архиепископом Владимирским и Суздальским. В 1987–1989 годах – митрополит Кишиневский и Молдавский. С 1989 года по 1999год – митрополит Тульский и Белёвский. Митрополит Серапион скончался на 67 году жизни 19 ноября 1999 года.

Согласно своего завещания митрополит Серапион был погребен в с. Пятница Владимирской епархии, на месте подвижнических трудов святого праведного Петра Великодворского. Здесь он часто бывал во время своего нахождения на Владимирской кафедре. Владыка приезжал сюда для молитвы и только к нему выходил из затвора отец Михаил (Охлестин), бывший инок Валаамского монастыря. В своих воспоминаниях митрополит Екатеринбургский Кирилл (Наконечный) дает исчерпывающую характеристику масштабу личности митрополита Серапиона (Фадеева): «Владыка Серапион… Могучая фигура, не в смысле только каких-то размеров. У него была одна жизнь, и вся эта жизнь – Церковь. Все, что он делал, он делал для блага Церкви. В этом заключался весь смысл всей его жизни. Он отдал полностью себя Церкви. Когда мы говорим о непонятой русской душе, то можно представить Владыку Серапиона. Он был настоящим русским. В нем все сочеталось: широта и доброта, неуемная жизнь, ее вкус, ее радость. Он очень любил монашествующих. В его представлении эти люди олицетворяли высшее служение, поэтому, как мог, он им помогал. На свете можно много встретить умных людей, но мудрых встретишь редко. Он был мудрым человеком и очень хорошо знал человека, мог безошибочно говорить о нем, давать характеристики. Владыка Серапион многих вывел в жизнь, очень много людей, которые, соприкоснувшись с ним, состоялись» [73].

В 1987 году на Владимирскую кафедру был избран епископ Валентин (Мищук). На Владимирской кафедре находился с 1987 по 1990 гг. 30 декабря 1988 года владыка Валентин (Мищук) был возведён в сан архиепископа Владимирского и Суздальского. 27 октября 1990 года с Владимирской кафедры переведен и назначен архиепископом Корсунским. С 2015 г. по настоящее время находится на покое.

Приходы Владимирской епархии являлись основными очагами церковной жизни. В годовом отчете Владимирской епархии за 1953 г. епископ Онисим (Фестинатов) отмечает, что «Основная часть населения старших возрастов исповедует Православную веру, значительная часть молодого поколения получила крещение в Православной Церкви. К таинству крещения и обряду погребения население относится аккуратно. Что касается таинства брака, то к нему молодое поколение обращается не всегда… В сельских местностях еще сильна традиция хождения духовенства в престольные и двунадесятые праздники с молебнами по домам верующих. Прихожане к этим посещениям относятся не только благосклонно, но и с любовью» [5, л.1]. В ряде приходов в с. Палищи Гусь-Хрустального р-на и с.Тащилово практически все браки среди местной молодежи были освящены таинством венчания [6, л.13]. В отчете за 1956 г. отмечается увеличение числа верующих, и среди них молодежи, увеличение числа крещений и погребений. Об увеличении числа верующих свидетельствовало и то, что в 1959 г. общая доходность приходов Владимирской епархии повысилась по сравнению с предыдущим годом на 3,7% [7, л.13].

В 1952- 54 гг. во Владимирской епархии было 72 храма. Из них 8 храмов располагались в городе и 64 храма в сельской местности. В 1955г. 7 приходов было закрыто и в 1955–59 гг. их количество составляло 65. Из них – 7 городских и 58 сельских. В 34 приходах, по данным за 1958 г., имелись дома для священнослужителей [8].

С 1960 года количество приходов неуклонно сокращается. Всего к 1962 г. во Владимирской епархии было 346 закрытых в годы советской власти храма. Их них большинство – 330 храма, было закрыто до 1941 г. С 1941 по 1960 гг. было закрыто 12 храмов. В 1960 г. было закрыто 2 прихода, в 1961г. – еще 2 прихода, в 1962 г. – 4 прихода, 1963 г. – 5 приходов. Таким образом, общее количество приходов Владимирской епархии в 1963 г. составило 52 прихода. По сравнению с 1952 г. количество приходов было уменьшено с 72 храмов до 52, т.е. на 27,8%. Из общего числа недействующих храмов (т.е. 346) 117 значились в

списке памятников архитектуры. Из них только 44 здания были приспособлены для культурно-просветительских нужд, что свидетельствует о крайне пренебрежительном отношении властей в указанный период к вопросу о сохранении культурно-исторического наследия русского народа. 79 храмов (из общего числа недействующих) подлежали, по мнению властей, к сносу [9, с. 161].

В 60-е гг. XX века по решению Владимирского облисполкома были использованы: храм в с. Окташово Ляховского р-на – под клуб, в с. Осипово Ковровского р-на – под склад. Церковные здания в с.Сновицы Суздальского р-на и с.Черкутино Ставровского р-на были разобраны как аварийные [9, с. 161; 10, д.2, л.1, 2, 6, 8]. По данным архиепископа Онисима (Фестинатова) за 1962 г. в городских храмах средняя посещаемость в воскресные дни составляла около 300 человек, в сельских приходах от 40 до 80. В дни двунадесятых праздников число молящихся достигало 120- 600 человек [11, л.12]. Владимирская епархия была поделена на 5 благочиний.

В 1970–1979 гг. во Владимирской епархии был 51 приход. Для управления территория Владимирской епархии была разделена на 4 благочиния – Владимирское, Эдемское, Киржачское и Муромское. При этом кафедральный Успенский собор во Владимире являлся самостоятельной единицей и в состав благочиний не входил [16].

В 1980–1986 гг. во Владимирской епархии количество приходов не изменилось и составляло 51 единицу. Владимирская епархия была разделена на 4 благочиния – Владимирское (12 приходов), Эдемское (13 приходов), Киржачское (10 приходов), Муромское (15 приходов) и Успенский собор г. Владимира как самостоятельная единица [17].

Празднование 1000-летия Крещения Руси совпало с изменением положения Церкви, что проявилось в открытии новых приходов. В 1989 г. было открыто 3 новых приходов. Всего в 1989 г. во Владимирской епархии было 57 приходов, в т.ч. 17 городских и 40 сельских.

Кафедральный Успенский собор во Владимире был возвращен Владимирской епархии в 1944 году. Это было радостным и значительным событием для всей Русской Церкви. В ответ на запрос Ивановского областного совета по вопросу возобновления службы в Успенском соборе председатель Совета по делам Русской Православной Церкви при СНК СССР Г. Г. Карпов дает свой ответ, датированный 15 марта 1944 г.: «1. Сообщаю Вам, что Совет по делам Русской Православной Церкви при СНК СССР постановлением от 5 февраля 1944 г.

разрешил открыть Успенский собор, согласно представлению облисполкома по заявлению группы верующих; 2. Решение Совета об открытии Успенского собора одобрено СНК СССР (распоряжение СНК СССР № 5474-рс от 11 марта 1944 г.). Комитет по делам архитектуры при СНК СССР в целях сохранения от порчи ценнейших фресок А. Рублева, считает, что богослужение в древнейшей части собора XII в. может производиться только в летнее время. Круглый год совершать богослужение можно только в пристройке к собору, в бывшем Георгиевском приделе» [18, д. 2. л. 5, 5 об.].

Собор был возвращен властями по договору. Договор предусматривал проведение за церковные средства ряда неотложных ремонтно- восстановительных работ. Церковь оказалась перед печальным фактом поскольку период владения церковной собственностью музеем и управлением культуры с 1926 по 1944 гг. привел белокаменный памятник в аварийное состояние. 4 апреля 1944 г. настоятель Успенского собора священник Сергий Фестинатов (будущий владыка Онисим), староста собора Воронин получили ключи и вместе с директором музея Екатериной Киселевой увидели его состояние. Архиепископ Онисим (Фестинатов) вспоминает как они – церковные люди, «были поражены необычайной загрязненностью пола, стен, алтарей, иконостаса. Все стены собора были покрыты пылью, паутиной, местами льдом, даже фресковая живопись подверглась местами обледенению и представляла печальный заброшенный вид. Было больно до слез видеть нашу общерусскую Святыню в таком жалком состоянии и с разбитыми окнами» [19, л.2]. В. А. Лебедев в дни празднования 25-летия Архиерейской хиротонии архиепископа Онисима вспоминал эти минуты: «Наружный вид собора был жалким: он почернел, штукатурка отвалилась, стены прорастали травой. Крыша прохудилась, в храм попадал дождь и снег, проникали птицы, загрязняя церковную утварь. Много пострадал храм и от злонамеренных людей, разрушивших и осквернивших его. От сырости значительно пострадала фресковая живопись Рублева.» «Я, – рассказывал архиепископ Онисим, – зная собор с детства, видевший его красоту, буквально заплакал при виде этой печальной картины и дал себе Ганнибалову клятву во что бы то ни стало восстановить его былую красоту и величие» [20, л.2]. На собрании верующих Владыка призвал «запущенный, обесчещенный и загрязненный» Собор привести в достойное состояние, очистить его от пыли, грязи и нечистот. К празднику Благовещения Успенский собор был приведен в должное состояние, окна его были застеклены. Мощи святых

угодников Божиих, Владимирских чудотворцев были облачены в приличествующие их положению одежды. Вечером 7 апреля 1944 г., в день праздника Благовещения Пресвятой Богородицы, было совершено освящение Собора и в нем возобновилась церковная богослужебная жизнь.

Владимирский горисполком создал комиссию, которая обследовала Собор и составила акт, где описаны дефекты и определены сроки их ликвидации – 1944–45гг. В 1945 г. комиссия, в состав которой входили академик И. Э. Грабарь, профессор Н. П. Сычев, констатировали тяжелое состояние фресковой стенописи Собора [21, л.2]. С 1946 по 1948гг. были произведены дополнительные исследования состояния фресок. В 1944 г. после наступления теплых дней стены Собора были побелены, окрашена кровля и устроены водосточные трубы по углам. В ходе ремонта Успенского собора, Георгиевского придела и колокольни в 1944–45 гг. было затрачено Церковью 1271832 рублей 11 копеек [22, с. 52]. Работы 1944–45гг. не затрагивали вопрос о реставрации фресок и иконостаса Успенского собора. В 1947 г. Владимирский областной отдел архитектуры представил смету на приведение в порядок ограды собора, дорожек и лестниц на сумму в 104000 рублей за счет общины. В 1949 г., по благословению Владыки Онисима, община Успенского собора проводит ремонт кровли Георгиевского придела, ее окраске, промывке живописи и перекладке печей, затрачивая на эти работы денежную сумму в 90000 рублей [22, с. 53].

Договор 1944 г. о передаче Успенского собора Церкви предусматривал в числе прочего в пункте 24 обязанность «Арендатора» (общины верующих) после получения проекта реставрации произвести «работы в соответствии с ним». Проект должен был разработать Владимирский городской комитет по делам архитектуры. Владыка Онисим в докладной записке отмечает, что «если бы проект реставрации был нам в свое время предъявлен, мы не преминули бы приступить к его исполнению, отложив временно другие работы. Однако минуло уже пять лет, но обещанного проекта реставрации мы так и не получили, и потому никаких мер к охране памятника старины от порчи принять не могли, ибо по договору не имеем права ничего предпринимать помимо Комитета по охране памятников старины в областном отделе архитектуры» [22, с. 52]. Церковные средства расходовались на оплату работ со стороны светских структур (к примеру, «Гражданстрой») часто ни особенно срочных и неотложных. В то же время насущные вопросы реставрации и обеспечения сохранности затягивались, чтобы под этим предлогом лишить Церковь возможности богослужебного использования Успенского собора.

13 октября 1949 г. г. Владимир посетил председатель Совета по делам Русской Православной Церкви Г. Г. Карпов. В это период заканчивался срок действия договора на использование Собора общиной верующих и была реальная угроза новой утраты его для Церкви. Г. Г. Карпов дал понять местной власти, что разрешение на открытие собора, в котором он сам принимал непосредственное участие, дано было не для того, чтобы через пять лет его закрывать. Это привело к тому, что Владимирский областной отдел по делам архитектуры активизировал свою деятельность в отношении сохранности Собора и подготовил смету восстановительных работ на сумму 600000 рублей. В дальнейшем, в ходе работ эта сумма была значительно превышена.

Собор нуждался в неотложном проведении капитального ремонта зданий, устройстве отопления, реставрации фресковой стенописи. Для этого требовались большие финансовые средства. В 1950 г. областной отдел культуры составил «дефектную ведомость» на производство капитального ремонта Собора. В бюджет Владимирской епархии на 1950 г. была заложена особая расходная статья – сбор денежных средств на помощь Собору в сумме 250000 рублей. Владимирской епархии была предоставлена денежная помощь со стороны Московской Патриархии. 25 мая 1950 г. община Успенского собор по благословению Владыки Онисима подписала договор на проведение работ с Владимирской научно-реставрационной мастерской [23, с. 13–16]. Возрождение Успенского собора стало поистине всенародным, всероссийским и всецерковным делом. «Великой заботой объяты мы в настоящее время, – пишет Владыка Онисим Святейшему Патриарху, – пребывая в рассуждении на предмет изыскания дополнительных средств, потребных для оплаты всех реставрационных работ. И клир соборный, и верующие, усердные посетители нашего соборного храма высоко ценят эту историческую святыню, в течение восьми веков стоящую на страже православия в русской земле... Так как соборный храм в данное время находится в ведении православной церковной общины, мы не считаем удобным возбуждать ходатайство об отпуске необходимой суммы на реставрацию Успенского собора из республиканского бюджета. Мы должны оставаться верными взятому на себя обязательству в отношении благоустроения храма, который для нашего религиозного чувства дороже всех сокровищ земных» [22, с. 53].

Проведение реставрационных работ было связано с научно-археологическими открытиями. В 1951г. при проведении подготовительных работ для устройства системы отопления в северо-западной части Собора под

полом было обнаружено несколько каменных гробниц с костными останками. Некоторые из них были подвергнуты воздействию огня [24, л.1].

Реставрационные работы в Соборе и церковная жизнь в нем часто была крайне затруднена действиями властей. Так в 1951г. Владимирский городской совет издал распоряжение о закрытии главного входа в собор со стороны главной улицы [25, л.2]. Доступ в собор оказался возможным только по узкой и крутой лестнице. Проезда к нему не было. В связи с этим в наступившем реставрационном сезоне оказалось практически невозможно доставлять необходимый материал. Несмотря на все трудности, по благословению Святейшего Патриарха, Владимирская епархия произвела за свои средства работы, которые продолжались около трех с половиной лет и завершились в 1954 г. на праздник Святой Троицы. После государственной приемки правительственной комиссией 11 июня 1954 г. при стечении верующих епископ Онисим совершил чин освящения собора [13, л.3, 8]. С этого времени в соборе началось постоянное совершение церковных служб.

Работы были приняты правительственной комиссией без каких-либо замечаний. Стоимость ремонтно-восстановительных работ составила 2 млн.700 тыс. рублей. Из них 650000 рублей были получены Владимирской епархией от Хозяйственного управления Московской Патриархии [26, л.2]. Если учитывать все затраты, понесенные Церковью на возрождение Святыни с 1944 по 1954 гг., то сумма затрат должна быть удвоена. Все строительные материалы община собора получала через Совет по делам Русской Православной Церкви из Госфондов по государственным расценкам. Списки необходимых материалов и заявки в Госфонд подавались через Совет по делам Церкви. В том же 1954 г. комиссией была принята новая отопительная система Успенского собора, устройство которой шло под руководством А. В. Столетова. Был определен температурно-влажностный режим содержания собора, в его интерьере установлены специальные приборы по измерению состояния воздуха. По договору контроль за данными приборов был поручен сотрудникам специальной научной реставрационной мастерской Владимирского областного отдела культуры. Во время проведения ремонтно-реставрационных работ в 1950–53 гг. было установлено тщательное наблюдение за фресками, нормализовался температурно-влажностный режим. Реставрация «сафоновской» стенописи Собора в 1952–54 гг. под руководством профессора Н. П. Сычева исходила из необходимости «излечения» Собора в целом, что должно благоприятно сказаться на состоянии фресок преподобного Андрея Рублева.

В 1955 г. встала задача, в завершение работ по возрождению собора, позолотить главы Успенского собора и шпиль колокольни. Через Совет по делам Русской Православной Церкви Владимирская епархия обратилась в министерство финансов о выделении необходимого количества книжечек сусального золота. На средства Церкви были позолочены центральная глава и кресты на всех главах Собора. Музей вел наблюдения за работами в лице своего представителя Монько, не оказывая при этом ни какого содействия общине верующих. В Меморандуме к своему послужному списку Владыка Онисим вспоминает: «в этот период…вставали большие трудности, порой казавшиеся непреодолимыми. Но с Божией помощью я все же справился со своей не легкой задачей» [27, л. 3]. По завершении всего цикла работ в Успенском кафедральном соборе был совершен благодарственный молебен Господу и Его Пречистой Матери.

Передача в 1944 г., в тяжелые дни Великой Отечественной войны, древнего Успенского собора Церкви спасла его от уничтожения вследствие равнодушия нецерковных светских кругов к этой православной всерусской святыне. На свои скудные средства Церковь, в условиях гонений и недоброжелательности со стороны властных структур и подчиненных им учреждений науки и культуры, осуществляет возрождение Собора, проводит неотложные ремонтно-восстановительные работы. В деле спасения и возрождения древнего собора объединились все верующие люди, наиболее совестливые и образованные представители местной интеллигенции. Безусловно, исключительным является вклад Владимирского Архипастыря – Владыки Онисима, который вложил много труда в очищение и ремонт собора, «сам принимал участие в уборке сора и хлама, подавляя в себе скорбь и гнев при виде такого разрушения» [28, л. 2].

В ноябре 1955 г. Успенский собор посетили представители Совета по делам Русской православной Церкви при Совете министров СССР в лице И. И. Иванова и Московской Патриархии. Было принято решение включить собор в число достопримечательностей для показа зарубежным делегациям [14, л.4,5]. Фактически же еще в 10 февраля 1955 г. Успенский собор встретил первых зарубежных гостей. Делегация из ГДР в составе 20 специалистов химической промышленности осмотрели интерьер Успенского собора [15, л.6].

В 60-е годы Успенский кафедральный собор в г. Владимире являлся самостоятельной единицей как кафедральное благочиние епархии. По данным Годового отчета Успенский собор посещали в 1969 г.

в воскресные дни от 1000 до 2000 человек, а в дни Пасхи от 6000 до 7000 человек [12, л. 25].

В 1962–64 гг. на средства Владимирской епархии реставраторами В. Е. Брагиным, С. С. Чураковым были проведены реставрационные работы фресок преподобного Андрея Рублева. В 1974 г. Успенский собор был закрыт для проведения реставрационных работ. В связи с этим церковные службы стали проводиться в Георгиевском приделе собора.

Противоречивая, трагическая и великая история России XX столетия, как в капле чистой воды, отразилась в истории Успенского собора, ставшего символом мужества, терпения, смирения, мученического и исповеднического служения христиан в годину гонений.

Духовенство Владимирской епархии было предметом особой заботы Правящего Архиерея, которого прежде всего волновала проблема состава и образовательного уровня церковно-священнослужителей. Епископ Онисим (Фестинатов) указывал «Серьезную тревогу вызывает вопрос с кадрами священнослужителей… За неимением кандидатов в священники пришлось в отчетном году [1953 г.] приостановить работу семи приходов» [29, л.4]. Общее количество духовенства Владимирской епархии составило в 1953 г. 88 человек, в т.ч. 71 священников и 17 диаконов и протодиаконов. В 1954–55 гг. количество священнослужителей было увеличено до 93 человек. В 1956 г. оно составило 97 человек, а общее количество церковно-священнослужителей – 100 человек. В 1957 г. общее количество церковно-священнослужителей Владимирской епархии составило 104 человека, в т.ч. священников – 83 человек, диаконов и протодиаконов – 19, псаломщиков – 2. Таким образом, с 1953 по 1957 гг. общее количество священнослужителей выросло с 88 человек до 102 , т.е. на 15,9 %. С 1958 г. количество духовенства снижается и составляет 100 человек. К 1963 г. общее количество духовенства составило 72 человека. Таким образом, в сравнении с 1957 г. оно было уменьшено на 30 человек или 29,4 %. Самый низкий уровень по количеству священнослужителей в клире Владимирской епархии 68 человек зафиксирован в годовом отчете за 1964 г. С 1965 г. наблюдается медленный рост количественного состава клира Владимирской епархии, который достигает 72 человек. В 1966–1968 гг. количество духовенства в клире составляет 71 человек [30]. В целом такое положение характерно для количественной характеристики клира Владимирской епархии в 70-е гг. XX в. Оно колеблется в пределах от 69 человек в 1970 г. до 74 человек в 1979 г. [31]. В 80-е гг. XX в. коли-

чество духовенства начинает возрастать и составляет в 1983 84 человека, в 1986 г. – 91 человек. В 1986 г. было совершено 13 хиротоний. 1988 г. был во многом переломным. Общее количество клира возрастает до 98 человек, достигая в следующем 1989 г. 112 чел. [32].

С кадровой проблемой непосредственно был связан вопрос образовательного уровня священнослужителей Владимирской епархии. «Образовательный уровень духовенства Владимирской епархии может быть признан удовлетворительным только принимая во внимание безвыходное и безнадежное положение в отношении притока новых священнослужительских кадров с соответствующим образованием. Из имеющегося налицо состава священнослужителей нет ни одного священника с высшим богословским образованием. Более половины священников имеет законченное среднее образование» [33, л.5]. В 1957 г. из 104 человек священнослужителей Владимирской епархии более половины не имели богословского образования. В то же время наметились позитивные перемены. В 1957 г. в состав клира вошли 12 молодых священнослужителей, имевших академическое или семинарское богословское образование. Кроме этого 9 человек учились по заочной форме в духовых школах – Ленинградской академии и семинарии [34, л.8]. В 1973 г. из 70 священнослужителей, входивших в клир Владимирской епархии, 21 человек не имел духовного образования.

Возрастной состав клира Владимирской епархии отражал сложное положение, в котором находилась Церковь в данный период. В 1956 г. 52% (52 чел.) клира были в возрасте свыше 60 лет и только 13% (13 чел.) в возрасте до 40 лет. К 1960 году происходит постепенное «омоложение» клира Владимирской епархии. В 1960 г. духовенство в возрасте до 40 лет уже составило 26,4% (25 чел.) от общего состава клира, а в возрасте свыше 60 лет 44,2% (42 чел.).

По национальному составу клир Владимирской епархии был представлен прежде всего великороссами (74 %) и малороссами (20.8 %) [35, л. 14,18].

К середине 60-х гг. ситуацию с клиром Владимирской епархии можно назвать катастрофической. В Годовом отчете за 1966 г. архиепископ Онисим (Фестинатов) отмечал: «Создалось очень тревожное положение с кадрами. По отношению к своей Епархии я смело могу констатировать оскудение священства. Нет источника пополнения убыли: окончивших Академию и Семинарию на приходах у нас очень мало; приходится мириться с кандидатами, не имеющими соответственной квалификации и даже общего образования…» [36, л.11].

В этих сложных условиях в относительно малочисленном сохранившемся сословии священнослужителей были лица, которых в церковной традиции именуют подвижниками благочестия. В этом списке можно назвать прославленного в лике святых праведного Петра (Чельцова) Великодворского, архимандрита Гедеона (Абрамова) [37] и многих других известных и неизвестных праведников.

Особую сложность представляли собой вопрос о кадрах церковнослужителей-регентов и псаломщиков: «Квалифицированных регентов и псаломщиков очень мало. Эти должности занимают в основном самоучки» [39, л.12]. В то же время были исключения. Так в Благовещенском соборе г. Мурома левый хор состоял из монахинь и послушниц Серафимо-Дивеевского монастыря [40, л.6]. Бывшие насельницы женских монастырей несли и другие церковные послушания в храмах Владимирской епархии. В частности, Архиепископ Онисим отмечал, «что порядком и чистотой отличаются те храмы, в которых к уборке привлечены бывшие насельницы…, которые своим примером приучают и посетителей храмов к аккуратности и бережливости в обращении с церковным имуществом» [40, л. 9].

В арсенале средств борьбы с Церковью у государства имелась налоговая политика. В соответствии со статьей 19 подоходный налог у священно-церковнослужителей взимался в размере 50% (максимально), как у «некооперированных кустарей». Если певчие-пенсионеры получали вознаграждение от прихода, то они попадали под налоговый пресс, лишающий их последних средств к существованию. Это также являлось одной из причин неудовлетворительного положения дел с церковным пением [41, л.12]. В отчете за 1969 г. благочинный протоиерей Тарановский отмечал : «Последние старухи, исполняющие обязанности псаломщиков и регентов, вымирают, а замены им нет. Никто об этом не проявляет заботы, хотя всем ясно, что без псаломщика совершать богослужение в храме невозможно. Школа псаломщиков нужнее аспирантуры» [42, л.14].

Церковь обеспечивала содержание пенсионеров из своего пенсионного фонда. В 1963 г. на содержании Владимирской епархии находился 101 пенсионер-священнослужители и церковнослужители, вдовы и сироты священников, монахини [39, л.13].

В 1945–1946 гг. в г. Муроме в Благовещенском соборе совершал свое служение в сане иеромонаха будущий Патриарх Пимен.

Борьба против Церкви в 50-е гг. принимала свои особые формы. Настоящим злом церковной жизни стало распространение жалоб и анонимных кляуз. Управляющий епархией епископ Онисим (Фестинатов)

дает оценку подлинных мотивов, движущих авторами кляуз: «В этих фиктивных документах кляузники не щадят никого и ничего. Некоторым из них, видимо, доставляет особое удовольствие нанести оскорбление Управляющему Епархией. Тут уже ясно чувствуется рука врагов Церкви Православной, которые не смеют сейчас выступать открыто с обычной для них грубостью, но пользуются приемом – уязвить из-за угла» [43, л.8].

Середина 50-х гг. XX века – период относительно спокойного существования Церкви, «когда ослабел террор, возвращались лагерники, шла десталинизация, но Хрущев еще не захватил полноты власти и не было признаков нового нажима на Церковь..» [44, с. 30]. Тем не менее, и в это время на местах не прекращалось «давление» на верующий народ. В 1957 г. при проведении электричества в с. Палищи Курловского района по указанию районного совета было отказано в подключении к электросети частных домов членов церковного притча. После обращения Епархиального управления к Д. С. Токареву – уполномоченному по делам Церкви дискриминация верующих была устранена [47, л.9]. В 1958 г. возник конфликт с представителями местных органов власти из-за посещения священниками сел Тащилово и Палищи домов верующих с молебнами. Кроме этого Церковь испытывала сильное давление властей при проведении подписки на государственный заем. Приходы нередко обязывали вносить денежные суммы, не соответствующие их общим денежным доходам. В 1962, 1963 гг. в Фонд мира было перечислено от Владимирской епархии по 50 тысяч рублей ежегодно [46, л. 15,20].

С конца 50-х гг. XX в. начинается новый период гонений на Церковь, именуемый по фамилии вдохновителя этого насилия «хрущевским». Центральный комитет КПСС 4 октября 1958 г. принял секретное постановление «О записке отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС по союзным республикам «О недостатках научно-атеистической пропаганды». Этим постановлением партийные (коммунистические), комсомольские и общественные организации были обязаны проводить последовательное наступление на «религиозные пережитки» советских людей. Государственным учреждениям предписывалось осуществлять мероприятия административного характера, направленные на ужесточение условий существования религиозных общин [47, с. 379]. В рамках этого направления Совет Министров СССР 16 октября 1958 года принимает постановление № 1159 «О монастырях в СССР» и постановление № 1160 «О налоговом обложении доходов предприятий епархиальных управлений, а также доходов монастырей». Путем сокращения земельных участков, повышения налогов предполагалось максимально сократить количество

действующих монастырей [48, с. 35–36]. Введение в 1961 г. «Положения об управлении Русской Православной Церковью» отражало это беспрецедентное давление со стороны атеистического государства. Священник был превращен в наемного «служителя культа», нанятого исполнительным органом прихода. Как отмечал в Годовом отчете за 1968 г. архиепископ Онисим (Фестинатов) «Настоятели храмов не вмешиваются в хозяйственно-финансовую жизнь прихода. Они не являются членами религиозной общины и на собраниях обезглавленных общин не присутствуют. Хозяйством храма ведает исключительно исполорган церкви, каковой мало разбирается в церковном хозяйстве. Следует, что некоторые исполорганы мало заботятся о благолепии храма» [49, л.10]. Благочинные также не имели возможности следить за положением приходов и состоянием церковного имущества. «Положение» привело к ограничению власти Епархиального архиерея над приходами. Благочинные благочинических округов Владимирской епархии указывали в своих годовых отчетах о негативных последствиях в жизни приходов введения данного Положения. В частности, это связано с ухудшением «состояния хозяйственно-финансовых дел в приходах. Настоятели отстранены от этих дел, а неопытные исполорганы и возглавители их, состоящие из малограмотных людей, подчас и не церковных, не в состоянии ведать церковным хозяйством» [50, л.12].

В 1961 году было запрещено совершение служений и треб на дому у верующих, в том числе совершение отпеваний и панихид на кладбищах. Особенно тщательно за соблюдением этого запрета власти следили в дни родительских суббот и Радоницы [50, л.11,13]. Художественное описание этого явления в 1967 г. оставил писатель В.Солоухин в автобиографическом рассказе «Похороны Степаниды Ивановны» об отпевании своей матери. Владимир Солоухин пишет, вспоминая погребение своей матери: «По всей России закрыты десятки тысяч церквей, но миллионы пожилых людей, которые хотели бы быть похоронены, с их точки зрения, по-человечески, остались и доживают свой век. И фактически миллионы ни в чем не повинных людей лишены элементарной возможности погребального обряда. Еще одна вопиющая жестокость, еще один паек в ряду бесчисленных и унылых пайков» [53]. Многие председатели колхозов запрещали выделять транспорт для похорон, если было совершено отпевание умершего.

В 1962 году последовало распоряжение при совершении треб указать фамилии, паспортные данные и адреса места жительства участников. Для крещения таинств и обрядов ребенка требовалось обязательное

присутствие обоих родителей, а кое-где и письменные заявления, выдавались квитанции. Информация об участии в церковных обрядах нередко передавалась советским официальным лицам и могла служить причиной преследований по месту работы или учебы [50, л.11,13]. Это привело к сокращению числа крещений во всех приходах Владимирской епархии [50, л.13]. В Годовом отчете за 1965 г. указывается, что «из паспортов родителей выписываются точные данные: кто они, кем выдан паспорт, где проживают. Затем эти сведения попадают в Горсовет или Райисполком, откуда сообщают по месту работы родителей о крещении ими такого-то числа и в такой-то церкви их ребенка. После всего этого начинается игнорирование достоинства личности родителей» [52 л.11]. В 1964 году в с.Ликино Владимирского района председатель сельсовета запретил совершать таинства крещения над младенцами.

В «неофициальном» письме от 16.07.1962 г. Управляющему делами Московской Патриархии епископу Киприану архиепископ Онисим (Фестинатов) пишет «о новом приеме борьбы атеистов города Владимира с религией». Поводом к письму явился инцидент у Успенского кафедрального собора 8 июля 1962 года. У центрального входа в собор расположились восемь человек, имевших поручение Владимирского городского комитета коммунистической партии отбирать детей у родителей, пришедших молиться в собор со своими детьми. Детей намеревались на время церковной службы препровождать в детскую комнату Дворца пионеров, расположенного рядом на площади Свободы (ныне Соборной). Здесь для детей были приготовлены «игрушки, книжки с картинками и проч.». Подобного рода самоуправные действия вызвали решительный отпор со стороны православных родителей. Перед собором собралась толпа «с большим задором и гневом кричавших и нападающих на других лиц» [53]. При появлении архиепископа Онисима шум и крики умолкли. Архиепископ Онисим, выяснив причину волнения, попросил через председателя приходского исполнительного органа Паршенкова спросить у «активистов» документ, «уполномачивающий этих людей на отбирание детей у благочестивых и религиозных родителей» [53]. В связи с тем, что соответствующего документа у них не было, «активистам-антирелигиозникам» было предложено удалиться с территории собора.

В Годовом отчете за 1964 год впервые встречается упоминание о нападениях и ограблениях храмов Владимирской епархии [54, л.14]. В этом году нападения злоумышленниками были совершены на церкви в селах Эдемское, Великодворье, Нагуево, Спас-Беседы, Санино, Эрлекс,

в погостах Николополье, Вознесенье и городе Покрове. При этом ограбление храмов сопровождалось осквернением и поруганием церковных святынь. В погосте Вознесенье Гороховецкого района разбойниками были разбиты Царские врата. Так политика государственного атеизма и гонений на Церковь сомкнулась с уголовным миром. Верующий народ защищал свои святыни. В селе Великодворье бандиты, проникшие ночью в храм, не сумели похитить ничего ценного, т.к. настоятель святыни храма унес к себе на ночное хранение в квартиру. В приходе Нагуево был искалечен сторож храма, но преступники не получили требуемого.

В 1965 г. Владимирский областной исполнительный комитет (Владоблисполком) ходатайствует в Совет по делам Русской Церкви при Совете Министров СССР об ограничении колокольного звона Успенского собора [55, с. 4]. Новая волна гонений против Церкви привела к сокращению действующих приходов Владимирской епархии. От верующего народа поступали прошения об открытии приходов [56, л.2]. В том числе обращались непосредственно к инициатору гонений Н. С. Хрущеву. Так жители деревень Машки и Каменково и др. Камешковского р-на в 1959 г. обратились в преддверии Нового гражданского года к Хрущеву с поздравлениями и просьбой – «Милый наш Никита Сергеевич! У нас к тебе, милый, просьба: открой нам храм Божий для нас старушек. Кроме тебя, наш милый, не откроют. Не вредим. Только взойтии служить. Милый наш Никита Сергеевич, откликнись нам радостной весточкой, открой нам, старушкам, храм Божий-Троицкий погост» [57]. От имени Н. С. Хрущева пришел ответ из Владимирского облисполкома об отказе в прошении верующих 17 деревень Камешковского района. Писали прошения и в другие адреса от Облисполкома до Владимирского уполномоченного по делам религий А. И. Макарова: « …откройте нам храм. До другого храма при нашей старости лет мы дойти не можем и сердце наше заливается слезами. Александр Иванович, помогите нам, утешьте наши горькие слезы при нашей старости лет, откройте нам храм. Все наше кладбище убрано хорошо, особенно хорошо убраны братские могилы. И на братских могилах наши сыны. Очень хочется сходить и помянуть их, но сходить не приходится, храм закрыт» [55].

В 60-е гг. XX века соотношения открытых и закрытых приходов во Владимирской епархии было 1:6. [57, с. 164]. При этом, в сравнении с другими епархиями РПЦ Владимирская епархия (как и многие другие епархии центра России) пострадала относительно меньше от атеистической кампании властей по закрытию приходов. За десятилетие с 1952 по 1963 гг. количество приходов Владимирской епархии было сокращено с

72 до 52, т.е. на 27,8%. В СССР за указанный период было сокращено до 10000 приходов, т.е. более 50% от общего числа всех храмов, действовавших после войны [58, с. 7]. Кроме этого власти отказывали приходам в проведении ремонта в храмах или всячески препятствовали в этом [54, л.11]. При этом власти под предлогом плохого состояний церковных зданий ставили вопрос о их закрытии. Так в с.Порецком храм был закрыт по решению Райисполкома на длительный срок (5 лет) за якобы «аварийное» состояние [59, л.11].

Репрессии, усиливающиеся или ослабевающие в различные периоды «советского» этапа отечественной истории, являлись постоянной составляющей истории Владимирской епархии. Репрессивный механизм советской идеологии породил такое специфическое явление как территория «101 километра». Практика ограничения проживания для «неблагонадежных» лиц существовала еще до революционных событий 1917 года, но именно новая «советская» власть сделала это явление массовым и знаковым. В начале 20-х годов XX столетия осужденным по 58-й статье было запрещено селиться в пределах 100-километровой зоны от Москвы, Ленинграда и других крупных городов. Впоследствии эта мера стала распространяться и на членов семей репрессированных.

28 марта 1924 с принятием ЦИК СССР положения «О правах ОГПУ в части административных высылок, ссылок и заключения в концентрационный лагерь» ОГПУ получило полномочия высылать из какой-либо местности с запрещением проживания в ряде установленных списком ОГПУ местностей. Позднее нормативными документами вводилось 3 ступени ограничений подвергнутых высылке (система «минусов»): запрет проживать в 6 центральных городах и пограничной полосе, запрет проживать в 72 губернских центрах, определение пункта поселения по выбору высылаемого. В 1958 году в Основах уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик был установлен 5-ти летний максимальный срок высылки, применяемой в качестве как основного, так и дополнительного наказания по приговору суда. За самовольное возвращение в местность, запрещённую для проживания, высылка могла быть заменена на ссылку. К отдельным категориям отбывших наказание применялся запрет селиться в пределах 100-километровой зоны вокруг ряда крупных городов (101-й километр).

В советском массовом сознании выражение «101 километр» имело множество смыслов, преимущественно негативных. Это означало, прежде всего, «второсортность» того или иного населенного пункта, в котором было более плохое снабжение продуктами и продовольствием

и более значительная концентрация потенциально конфликтных групп населения. В эту зону отчуждения вошли территории западных районов Владимирской области, примыкающие к Московской области. Неофициальный титул «столицы 101 километра» получил город Александров. Здесь вынуждены были поселиться, из-за ограничения своих прав, общественные деятели, попавшие под каток сталинских репрессий. В их числе – венгерский писатель Йожеф Лендел, художник Виктор Тоот, переводчик Борис Лейтин, архитектор и археолог Пётр Барановский, физико-химик Лев Полак, семья Цветаевых. В эту зону отчуждения входили города Покров и Петушки.

История Владимирской епархии представлена датами, событиями и именами. В этом списке имён имеется имя Сергея Иосифовича Фуделя (1900–1977 гг.) – писателя и литературоведа, богослова и христианского мыслителя, автора религиозно-философских и богословских произведений [60; 61]. Сергей Иосифович Фудель оставил богатое творческое литературное наследие. В их числе основательный богословский труд «Путь отцов», литературная работа «Моим детям и друзьям», «Воспоминания», работы «Церковь верных», «Свет Церкви», «Соборность Церкви и экуменизм», книга «Наследство Достоевского», «Записки о литургии и Церкви», «Славянофильство и Церковь», «Священное Предание», «Причастие вечной жизни», «У стен Церкви». В 1963 голу в Покрове была завершена книга «Наследство Достоевского» и началась работа над книгой об отце Павле Флоренском «Начало познания Церкви». В 1972 году эта книга издается в Париже издательством «YMCA-Press» без ведома С. И. Фуделя под псевдонимом Ф. Уделов. В 1970-е годы в «самиздате» появились книги С. И. Фуделя «Священное Предание», «Причастие вечной жизни», «У стен Церкви», «Славянофильство и Церковь», «Записки о литургии и Церкви».

Праздничные и юбилейные даты торжественно отмечались верующим народом, получавшим в дни гонений духовное утешение в чествовании святых угодников Божиих и воспоминании важных церковно-исторических событий.

21 сентября (ст. стиля) 1957 г., в день памяти встречи владимирцами образа Владимирской иконы Божией Матери при князе Андрее Боголюбском, было торжественно отмечено 800-летие Успенского кафедрального собора. Архиепископ Онисим в сослужении епископа Дмитровского Пимена и епископа Афанасия (Сахарова) провел юбилейное богослужение. Был переполнен народом не только сам собор, но и вся прилегающая к собору площадь. [63, л.8]. На подготовку к

юбилею – проведение реставрационных работ, золочение центральной главы собора и крестов на 5 главах, – было израсходовано около миллиона рублей [63, л.11].

23 ноября (ст. стиля) 1963 г. в Успенском соборе торжественным Архиерейским богослужением при большом стечении народа было отмечено 700-летие со дня кончины Святого благоверного великого князя Александра Невского.

1 сентября 1969 г. владимирская паства отмечала 25-летний юбилей Архипастырского служения Архиепископа Онисима – воссоздателя Владимирской епархии.

В 1982 г. по Благословению Святейшего Патриарха Пимена было установлено празднование Собора Владимирских святых. На рапорт Архиепископа Серапиона (Фадеева) об установлении празднования Собору Владимирских святых Святейший Патриарх Пимен положил резолюцию «Установить день празднования 23 июня / 6 июля, с благословением употреблять настоящую Службу в день праздника». 6 июля 1982 г. Владимирский край впервые торжественно чествовал в день Владимирской иконы Божией Матери святых, в земле Владимирской просиявших. На службе звучали песнопения Владимирским святителям, святым благоверным князьям, святым мученикам, святым преподобным отцам и святым преподобным матерям, блаженным и праведным из Службы Владимирским Святым, составленной архимандритом Алексием (Кутеповым).

3 марта 1987 г. архиепископу Серапиону после его обращения во Владимиро-Суздальский музей–заповедник были переданы по акту мощи святого благоверного князя Андрея Боголюбского «на постоянное хранение Епархии и общине Успенского собора» [64, с. 175].

В 1988 году совершались церковные торжества в честь 1000-летия Крещения Руси, которые возглавил во Владимирской епархии Святейший и Блаженнейший Католикос – Патриарх всей Грузии Илия. Владимирская епархия стала местом проведения общецерковных торжеств в гг. Владимире и Суздале, связанных с празднованием 1000-летия Крещения Руси.

В 1989 году отмечалось 800-летие восстановления Успенского собора.

В 1990 году в Успенском соборе совершались церковные торжества в честь 1000-летия Крещения Владимир-Суздальской земли.

В первой половине 70-х–80-х гг. церковная жизнь оставалась относительно стабильной и протекала без особых потрясений, подобных тем, которые выпали на ее долю десятилетие назад. В результате продолжаю-

щейся миграции сельского населения в города некоторые сельские приходы прекратили свое существование, а новые храмы в промышленных городах открывались исключительно редко. В конце 80-х гг. XX века в епархии началось постепенное возрождение церковной жизни, что проявилось, в первую очередь, в открытии приходов. В 1989 г. во Владимирской епархии действовало 57 приходов. В 80-х гг. число духовенства росло и составило в 1986 г. 91 чел., в 1989 г. – 112 чел.

Новая общественно-политическая ситуация, распад в 1991 году государства, избравшего своей идеологией безбожие, приводит к кардинальному изменению положения религии в России.

Библиография

1. Административно-территориальное деление Владимирской области : справ. – Ярославль, 1983.

2. Архив Владимирской Епархии (АВЕ), Ф.6 Годовые отчеты В.е., Д. Отчет В.Е. за 1963, Л.1

3. Всесоюзная перепись населения 1959 г. Владимирская область. – URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus59_reg1.php

4. Всесоюзная перепись населения 1989 г. Владимирская область. – URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus89_reg1.php

5. АВЕ. Ф. 6 Годовые отчеты В.е., Д. Отчет В. Е. За 1953.

6. АВЕ. Ф. 6 Годовые отчеты В.е., Д. Отчет В.Е. За 1963.

7. АВЕ. Ф. 6 Годовые отчеты В.е., Д. Отчет В.Е. За 1959.

8. АВЕ. Ф. 6. Годовые отчеты епархии, дд. Годовые отчеты Владимирской епархии за 1953–1959.

9. *Федотов А.А.* Реформа приходского управления и закрытие храмов в 1960-е годы // Исторический вестник. Научный журнал. – 2001. – № 1(12).

10.См.: ГАВО, Ф. р. – 632,Оп. 8.

11.АВЕ. Ф.6 Годовые отчеты В.е., Д. Отчет В.Е. за 1962.

12. АВЕ. Ф.6 Годовые отчеты В.е., Д. Отчет В.Е. за 1969.

13. АВЕ. Ф.6 Годовые отчеты В.е., Д. Отчет В.Е. за 1954.

14. АВЕ. Ф.6 Годовые отчеты В.е., Д. Отчет В.Е. за 1955.

15. АВЕ. Ф.6 Годовые отчеты В.е., Д. Отчет В.Е. за 1956.

16. АВЕ. Ф. 6. Годовые отчеты епархии, дд. Годовые отчеты Владимирской епархии за 1970–1979 гг.

17. АВЕ. Ф. 6. Годовые отчеты епархии, дд. Годовые отчеты Владимирской епархии за 1980–1989 гг.

18. ГАВО. Ф. Р–632. О. 2. Д. 2. Л. 5, 5 об.

19. Архив Владимирской епархии [АВЕ]. Ф. 7 «Переписка», Д. Переписка с канцелярией Патриарха. – Рапорт от 18.10.1065 г.

20. Архив Владимирской епархии [АВЕ]. Ф. «Архиерейский», Д. Архиепископа Онисима. – Речь В. А. Лебедева к 25-летию Архиерейской хиротонии Арх. Онисима.

21. Архив Владимирской епархии [АВЕ]. Ф. 7 «Переписка». Д. Переписка с канцелярией Патриарха. – Рапорт от 14.09.1062 г.

22. *Диакон Сергий Минин, чтец Андрей Сидоров*. Сердце земли Владимирской. К истории передачи Церкви Свято-Успенского кафедрального собора // Свет невечерний. – 2002. – № 3.

23. *Харламов П.* Успенский кафедральный собор во Владимире // Журнал Московской Патриархии. – 1956. – № 4.

24. Архив Владимирской епархии [АВЕ]. Ф. 7 «Переписка». Д. Переписка с канцелярией Патриарха. – Рапорт от 17.04.1951, № 230.

25. Архив Владимирской епархии [АВЕ]. Ф. 7 «Переписка». Д. Переписка с канцелярией Патриарха. – Рапорт от 17.04.1951, № 231.

26. Архив Владимирской епархии [АВЕ]. Ф. 7 «Переписка». Д. Переписка с канцелярией Патриарха. – Рапорт от 13.09.1962.

27. Архив Владимирской епархии [АВЕ]. Ф. «Архиерейский». Д. Архиепископа Онисима. – Меморандум к послужному списку Арх. Онисима.

28. Архив Владимирской епархии [АВЕ]. Ф. «Архиерейский». Д. Архиепископа Онисима. – Речь В. А. Лебедева к 25-летию Архиерейской хиротонии Арх. Онисима.

29. АВЕ. Ф. 6 Годовые отчеты В.е., Д. Отчет В.Е. За 1953.

30. АВЕ. Ф. 6 Годовые отчеты епархии, дд. Годовые отчеты Владимирской епархии за 1960–1969 гг.

31. АВЕ. Ф. 6 Годовые отчеты епархии, дд. Годовые отчеты Владимирской епархии за 1970–1979 гг.

32. АВЕ. Ф. 6 Годовые отчеты епархии, дд. Годовые отчеты Владимирской епархии за 1980–1989 гг.

33. АВЕ. Ф. 6 Годовые отчеты В.е., Д. Отчет В.Е. За 1953 г.

34. АВЕ. Ф. 6 Годовые отчеты В.е., Д. Отчет В.Е. За 1957 г.

35. АВЕ. Ф. 6 Годовые отчеты епархии, дд. Годовые отчеты Владимирской епархии за 1962, 1963 гг.

36. АВЕ. Ф. 6 Годовые отчеты В.е., Д. Отчет В.Е. За 1966 г.

37. Старец схиархимандрит Гедеон. Издание Троицкого Стефано-Махрищского монастыря. 1998. – 71 с.

38. *Варфоломей (Минин С.Н.) иеромонах*. Воспоминания о протоиерее Вениамине Румянцеве. – URL: https://wladimirez.livejournal.com/39308.html

39. АВЕ. Ф. 6 Годовые отчеты В.е., Д. Отчет В.Е. за 1962 г.

40. АВЕ. Ф. 6 Годовые отчеты В.е., Д. Отчет В.Е. за 1959 г.

41. АВЕ. Ф. 6 Годовые отчеты В.е., Д. Отчет В.Е. за 1967 г.

42. АВЕ. Ф. 6 Годовые отчеты В.е., Д. Отчет В.Е. за 1969 г.

43. АВЕ. Ф. 6 Годовые отчеты В.е., Д. Отчет В.Е. за 1954 г.

44. *Василий (Кривошеин) Архиепископ*. Две встречи. – Спб.: 2003. – С. 30.

45. АВЕ. Ф. 6 Годовые отчеты В.е., Д. Отчет В.Е. за 1957 г.

46. АВЕ. Ф. 6 Годовые отчеты В.е., Д. Отчет В.Е. за 1962, 1963 гг.

47. *Цыпин В. прот.* История Русской Церкви (1917–1997 гг.). – М., 1997.

48. Законодательство о религиозных культах (сборник материалов и документов). – М., 1971.

49. АВЕ. Ф. 6 Годовые отчеты В.е., Д. Отчет В.Е. за 1968 г.

50. АВЕ. Ф. 6 Годовые отчеты В.е., Д. Отчет В.Е. за 1963 г.

51. *Солоухин В.* Похороны Степаниды Ивановны // Новый мир. – 1987. – № 9.

52. АВЕ. Ф. 6 Годовые отчеты В.е., Д. Отчет В.Е. за 1965 г.

53. Архив Владимирской епархии, Фонд личных дел, Дело архиепископа Онисима (Фетинатова).

54. АВЕ. Ф. 6 Годовые отчеты В.е., Д. Отчет В.Е. за 1964 г.

55. Молва. – 1991. – 12–14 янв.

56. АВЕ. Ф. 6 Годовые отчеты В.е., Д. Отчет В.Е. за 1956 г.

57. *Федотов А. А.* Реформа приходского управления и закрытие храмов в 1960-е годы // Исторический вестник. Научный журнал. – 2001. – № 1(12). – С. 164.

58. Русская Православная Церковь в советское время (1917–1991) // Материалы и документы по истории отношений между государством и Церковью. – М., 1995. – Кн. 2.

59. АВЕ. Ф. 6 Годовые отчеты В.е., Д. Отчет В.Е. за 1966 г.

60. *Балашов Николай протоиерей, Сараскина Л.* Сергей Фудель. 2-е издание, исправленное и дополненное. М. : Русский путь. 2011. – URL: http://www.-pravmir.ru/sergey-fudel-na-kryuchke-stradaniya/

61. *Горбачук Г. Н.* Личная религиозная идентичность: формирование, социокультурная реализация (на материалах творчества С.И. Фуделя) : монография. – Владимир, 2011.

63. *Алексий (Кутепов), митрополит*. Воспоминания. – URL : http://www.-eparhia-saratov.ru/pages/56492_bud_veren!

64. *Кирилл (Наконечный), митрополит.* Воспоминания.. – URL: http://tu-lamen.ru/publ/2-1-0-89.

Глава 3

СТАРООБРЯДЧЕСКИЕ СОГЛАСИЯ ВЛАДИМИРСКОГО РЕГИОНА

1. Владимирское старообрядчество в период 1917–1991 гг.

Начало XX века было для владимирского старообрядчества, как и для этого движения в целом, периодом, который получил образное название «Золотого века», когда двумя правительственными указами, 17 апреля и 17 октября 1905 г. им была дарована свобода вероисповедания [1, с. 291–298]. В таком необычном для старообрядцев положении, они оказались впервые за все время своего существования. Царское правительство обещало обеспечить равноправие старообрядческих общин с другими религиозными общинами страны. Им впервые предоставлялось право на владение движимым и недвижимым имуществом, на учреждение богоугодных заведений, устройство скитов и обителей, сооружение молитвенных домов, открытие начальных школ и преподавание в них закона божьего по старообрядческому канону (по вере их родителей), устройство особых кладбищ для погребения умерших. Положение отменяло запрет на печатание и ввоз в империю из-за границы старообрядческих богослужебных книг и предполагало получить высочайшее соизволение на отмену запрета на поступление раскольников в юнкерские и военные училища и о производстве их в офицерские чины. На духовных лиц старообрядцев возлагалась обязанность ведения метрических книг для записи рождения, браков и смертей их единоверцев. Положение предусматривало порядок решения вопроса об открытии (в положении – «распечатание») всех молитвенных домов старообрядцев, закрытых ранее в административном порядке [2, с. 4–9].

Во Владимирском крае в январе 1907 г. пресса сообщала: «Определением Владимирского губернского правления от 2 января 1907 г., внесена в реестр старообрядческих общин – община старообрядцев безпоповщинского поморского согласия, проживающих в с. Мстёре и деревнях Рудкине (правильно: Дудкине), Сизове, Серкове и Больших Холмах Вязниковского уезда с распространением деятельности её на деревни Пивоварову, Андреевскую, Ильино и Иваньково Судогодского уезда. [3, с. 28]. В общину входили старообрядцы, жившие в разных населенных пунктах, которые располагались друг от друга на расстоянии нескольких десятков вёрст. Поэтому для общественных богослужений и

проведения обрядов старообрядцев «…были устроены несколько молитвенных домов в разных селениях: в слободе Мстёре – при доме Алексея Васильевича Занцева, в д. Дудкино – при доме Ивана Николаевича Тарасова». [4, с. 28]. Так была создана первая легализированная старообрядческая община в наших краях. Для нормальной жизнедеятельности общины избирались настоятель и Совет. Так, настоятелем Мстёрской общины, с 1907 г. был Иуда Семёнович Шуенков (род. В 1857 г.), крестьянин д. Ильино Воскресенской волости Судогодского уезда [5].

Большим событием в жизни владимирских старообрядцев стало начало строительства в 1913 году нового старообрядческого храма рядом с Золотыми воротами. Из архивных данных известно так же, что в середине 1920-х гг. старообрядческие общины во Владимирском уезде находились в д. Дубки Гороховецкой волости (старопоморцы федосеевского толка), с. Рытово Сергиевской волости, с. Красное Красносельской волости (поморско-брачное согласие), д. Злобаево (беспоповцы) и с. Микляево (единоверцы) Сергиевской волости [6].

В начале XX века старообрядцы издавали самую разнообразную литературу по вопросам истории церкви и культуры, у них было несколько периодических изданий, среди них журнал «Изборник», газеты «Голос старообрядца», «Народная газета». Следует отметить, что они активно занимались благотворительностью, содержали множество благотворительных учреждений: больницы, дома престарелых, детские приюты, школы церковного пения и церковного искусства и т. д. Для регионального старообрядчества главными ценностями считались традиция, религия и община, а эпитет «старинное», в начале, XX в. был лучшей похвалой для любого явления или вещи. Особое отношение к труду у староверов заключалось в том, что они согласно, Священному Писанию, работали не для себя, а для Бога. Поэтому грехом считалось сделать работу не на совесть, что-то упустить или не доделать. Такой труд был бы не угоден Богу, поэтому трудились на износ. Если на войну, по представлениям старообрядцев, шли «Божии ратники», то в тылу трудились «Божии работники». И это четко прослеживается во всех рассказах [7]. Основным лейтмотивом морали сохранения и укрепления общины «истинных христиан» являлась притча «неправедное» богатство – зло, но благословен тот, кто наживает его для богоугодного дела». [8, с. 145–152]

Обе революции февраля и октября 1917 года некоторые старообрядцы оценили как ожидаемые ими апокалиптические события и наказание их преследователей. Если посмотреть статистические данные о

том, где в средней полосе России максимально поддержали большевиков, то это оказываются Владимирская (включая тогда и Иваново), Костромская и Нижегородская губернии – края, в которых весьма густо селились как поповцы, так и беспоповцы разных толков [9].

«Золотой век старообрядчества», подтверждение политики веротерпимости, ощутили на себе и Владимирские старообрядцы. Свидетельством тому явилось строительство Троицкой православной церкви старообрядцев белокриницкого согласия. После принятия в 1905 году Указа об укреплении начал веротерпимости, в 1913 году началась ее застройка, на участке, который в 1912 году приобрела старообрядческая община белокриницкого (австрийского) согласия, среди которых было немало купцов. Это была одна из последних церковных построек губернского города Владимира. Церковь строилась на средства общины по проекту архитектора-художника С. М. Жарова из кирпича местного завода Студзицкого [10]. Це́рковь Свято́й Тро́ицы – была построена из красного кирпича в неорусском, так называемом «псевдовизантийском» стиле, представляет собой импозантное сооружение, состоящее из двух соединенных объемов: церкви и колокольни. Факт постройки церкви говорит о том, что влияние старообрядцев во Владимирском крае в этот период было настолько велико, что им разрешили возвести церковь прямо в центре города.

Службы в храме продолжались до 1928 года, когда в ходе усиливавшихся гонений она была закрыта и передана под губернское архивное бюро [10]. Впоследствии, здание использовалось городской властью, для разных целей. В настоящее время она представляет памятник архитектуры регионального значения. Из-за цвета кирпича и красоты церкви владимирцы в обиходе часто называют её «красная церковь».

Как мы видим, «золотому веку» не суждено было продолжаться долго. После 1917 года на смену свободам приходит период новых репрессий в 20-е годы, когда старообрядческие храмы и часовни стали переделываться под клубы, коммуналки, хранилища и т. п. [11, с. 5]. В 1922 г. ВЦИК опубликовал декрет «Об изъятии церковных ценностей», который привел к репрессиям против большинства старообрядческих священнослужителей.

Шквал репрессий во Владимирском уезде, то, затухая, то, усиливаясь, продолжался почти все XX столетие, включая в себя политику раскулачивания и приравнивания староверов к «сектантам». Милиция посещала даже удаленные, глухие деревни, отбирая и уничтожая старообрядческие иконы и книги [12]. О деятельности старообрядческой общины во

Владимире при советской власти практически ничего неизвестно, связано это, прежде всего, с отсутствием архивных документов и, конечно же, уходом старообрядцев в подполье из-за репрессий со стороны властей, однако, сохранились воспоминания старожилов. Вот одно из них. В 1920-е годы, годы гонений и репрессий священнослужителей и верующих всех исповеданий, настоятелем Мстёрской общины был А. И. Бурдин. В документах Вязниковского райисполкома, хранящихся ныне в Государственном архиве Владимирской области, имеются сведения о раскулачивании А. И. Бурдина в 1930 г. по 2-й группе как бывшего крупного торговца и «настоятеля религиозной секты Поморцев» [13].

В документах говорится, что вполне благополучная жизнь семьи Андрея Ивановича Бурдина до революции – налаженное хозяйство, добротный дом, внучата, – во второй половине 1920-х годов резко меняется в худшую сторону. Много потрясений и переживаний связано с семейной трагедией. К тому же советская власть стала донимать. В 1927 году А. И. Бурдин лишен избирательных прав, 21 февраля 1930 года его имущество описано за неуплату налогов. 18 марта того же года он раскулачен. В акте изъятия имущества значатся: дом каменный – 1200 рублей, двор, крытый железом – 150 рублей, сарай каменный – 100 рублей, баня – 20 рублей, корова с теленком – 170 рублей, лошадь, сельскохозяйственный инвентарь. Все отобранное передано колхозу и сельскому совету, часть вещей продана. Семья остается без средств, к существованию.

1 апреля 1930 года Андрей Иванович пытается восстановить справедливость и пишет заявление в избирательную комиссию, в котором отмечает: «Мне 65 лет ... у меня живут четверо внучат, брошенных отцом, старшей девочке 18 лет, работает в артели, трое ребят: первому 16 лет, второму 12 лет, третьему 5 лет». Через три дня Вязниковский райисполком, рассмотрев его жалобу о неправильном раскулачивании и лишении избирательных прав, постановил: «Принимая во внимание, что Бурдин являлся крупным торговцем до революций, в настоящее время, состоит настоятелем религиозной секты "поморцев", раскулачивание его по 2 группе признать правильным».

Из приведенного документа видно, что одной из главных причин раскулачивания Андрея Ивановича стало его активное участие в жизни мстерской старообрядческой общины. Поэтому его можно назвать человеком, пострадавшим за веру, за многострадальную веру своих предков. Отобранный дом Бурдиным все же вернули, 18 августа 1930 года после пересмотра жалобы постановлением президиума Ивановской области (в те годы Мстера входила в состав этой области) хозяйство А. И. Бурдина из списка кулацких хозяйств было исключено. Несмотря

на это, опасаясь дальнейших репрессий, семья в 1931 году уезжает из Мстеры в город Гусь-Хрустальный и живет там три года, События последних лет сильно подорвали здоровье уже немолодого Андрея Ивановича, в 1934 году он умер. Евдокия Васильевна с внуками вернулась во Мстеру. Реабилитирован Андрей Иванович Бурдин в 2002 году УВД Владимирской области» [14, с. 2].

Власть, то разрешала проводить богослужения, (когда, к примеру, 30 июня 1920 был заключен договор старообрядческой общины с новой советской властью о разрешении пользоваться своим храмом во Владимире), то снова запрещала (расторжение договора от 29 декабря 1927 года, в виду якобы невыполнения обязательств по ремонту, хотя таковых и не было). В конечном итоге было принято решение «о предоставлении здания старообрядческой церкви в г. Владимире под архив Октябрьской революции». [15 с.21–22; 16 с.3]. Приводились очень интересные аргументы: «Наиболее подходящим для размещения архива Октябрьской революции является молитвенное здание близ Золотых ворот. Это здание по своим большим размерам не соответствует количественному составу пользующейся им малочисленной группы верующих; состоящей преимущественно из бывших и настоящих торговцев и домовладельцев…». Так старообрядческая община г. Владимира окончательно лишилась церкви, которая возводилась на средства старообрядцев. [16 с.3]

Схожая ситуация по изъятию старообрядческих приходов случилась и в Гороховецком районе. В 1931–1932 гг. Комиссия по вопросам культов при Президиуме ВЦИК запрашивала у всех облисполкомов сведения о количестве храмов на территории каждого района. Гороховецкий район сообщил, что у них было 1 молитвенное помещение у старообрядцев, но оно уже закрыто. Фоминский район, территория которого сейчас входит в Гороховецкий район, написал, что закрыто по 3 старообрядческих и единоверческих храма, действует 1 единоверческий [17 д. 690, л. 40–43; д. 454, л. 165–167]. Вероятно, Гороховецкий райисполком сообщал недостоверные данные, потому что точно известно, что в середине 1930-х гг. действовала старообрядческая церковь в д. Выезд Красносельского сельсовета. В 1936 г. дошла очередь и до нее. 21 мая был составлен акт осмотра здания, который гласил: «1. Фундамент кирпичный ветхого состояния с северной стороны при входе совершенно развалился. 2. Паперти низ весь подгнил. 3. У самого здания северной стороны стена совершенно сгнила, в среднем окне простенок совершенно превратился в негодность, который можно размять простой рукой в труху, два бревна прогнили, имеется сквозное отверстие. 4. Стена с южной стороны под

окнами совершенно сгнила, имеется выпуклость. 5. Штукатурка обвалилась. 6. Крыша не крашена несколько лет, примерно около 25 лет, худая, отчего стропила две пары концы и обрешетка сгнили, штукатурка с внутренней стороны 4 кв.м обвалилась и часть висит на гнилой обрешетке и дранке кв.м до 10, которая грозит обвалом, здание требует капитального ремонта, смены перекрытия стропил и 50 % замены стен, исправления фундамента». 29 июня того же года Гороховецкий райисполком, заслушав этот акт осмотра церкви, постановил: «Принимая во внимание, что церковь деревянная, построена в 1852 г., за это время капитального ремонта не было, естественно, пришла в полную негодность, что подтвердили члены церковного совета актом от 21/5. – 36 г.; поэтому во избежание могущих быть человеческих жертв, т.к. в ней до сих пор продолжаются религиозные обряды, хотя очень редко в 5–6 раз, президиум РИК считает «необходимым данную церковь закрыть. Просить облисполком настоящее постановление утвердить» [18, с. 18–19].

В Ивановский облисполком, к юрисдикции которого была отнесена с 1929 года Владимирская губерния, выслали только выписку из постановления о закрытии храма. Поэтому, 14 июля 1936 года облисполком запросил у райисполкома сам акт осмотра здания, а также просил сообщить, как предполагается использовать храм после закрытия, где находится ближайшая церковь, где верующие данной общины могли бы удовлетворять свои религиозные потребности, и какое расстояние до нее. 22 июля райисполком выслал акт осмотра здания церкви и сообщил, что по причине своей ветхости «кроме как на слом, она никуда не пригодна; кроме того, здание небольшое, а сами верующие являются старообрядцами и в большинстве своем обряды совершают на своих квартирах». 7 августа облисполком писал: «Согласно закона о религиозных объединениях церковь может быть ликвидирована как молитвенное здание в частности в том случае, если религиозная община не производит необходимого ремонта здания, установленного актом технической комиссии. Поэтому, возвращая материал ликвидации церкви в д. Выезд Красносельского сельсовета, Комиссия по вопросам культов при президиуме облисполкома разъясняет, что райисполком предварительно должен определить срок примерно 2–3 месяца. И лишь после этого, если община не произведет ремонта, поставить вопрос о ликвидации церкви» [19, с. 20]. Вскоре храм был ликвидирован.

Нельзя не отметить одну особенность: главной причиной закрытия храмов православной церкви в 1930-е гг. считалось ходатайство местного населения о желании закрыть храм, передаваемого обычно под культурные либо хозяйственные цели, тогда как основной причиной

закрытия старообрядческих храмов был распад общины (д. Терехо-вицы Муромского района, д. Тимошино Меленковского района, д. Коняево Владимирского района, д. М. Быкасово Вязниковского района, г. Вязники). [20, д. 527, 732; 21, д. 145, 147, 243] Прихожан оставалось так мало, что они были не в состоянии содержать сооружение, а находящийся в бесхозном состоянии храм у верующих изымали. [22, с. 46–79]. Так, в старообрядческую общину д. Каменка в 1936 году приехали из управления. В то время в моленной было много икон, привезенных из Москвы (из Преображенской общины), которые были украшены золотым обрамлением и полудрагоценными камнями. Приехавшие люди забрали все иконы, причем, увезли, только ценные, а обычные деревянные просто выбросили. Аналогичные репрессии происходили и в Коврове, где эти общины регистрировались как «трудовые артели» [23, с. 14]. Старообрядцы, конечно, пытались противостоять этому, пряча книги и иконы в сараях, в колодцах или даже закапывая их, при этом службы и таинства продолжали проводиться, хотя и тайно. Если в начале XX в. во Владимирском уезде существовало семь основных центров старообрядчества: в селе Левино Собинского района, в селе Головино и деревне Рогино Судогодского района, в селе Коняево, в Меленках, в Суздале и в селе Рытово, то за годы Советской власти из них сохранился лишь последний.

В результате усилившихся гонений некоторым владимирским старообрядцам вновь приходилось укрываться в Заклязьменских лесах. Подтверждением тому явился рассказ гороховецкому краеведу Николаю Ивановичу Андрееву в письме от 12.06.1976 года известного во Владимирской, Горьковской и Костромской областях замечательного знатока лесного дела, главного лесничего Гороховецкого военлесхоза Бориса Африкановича Зубкова: «В пятидесятых годах в Ярополческом бору, километрах в шести от посёлка Санхор, жил в ветхой землянке бывший монах Демьян… Демьян остался в лесу (после разгона Флорищевой пустыни) и жил там много лет. Лесничий Кучумов рассказал, что проходя раз мимо землянки Демьяна, он слышал, как тот служил, сам только для себя, вечерню пел и читал все, что положено по требнику. Позднее у Демьяна появилась какая – то женщина… Это случилось на самом склоне Демьяновых лет…» [24, с. 57]. Вероятно последним отшельником за Клязьмой следует считать крестьянина села Перово Вязниковского района старообрядца поповского толка Василия Алексеевича Яшина (1904–1969 гг.). Вернувшись инвалидом с Великой Отечественной войны, он, несмотря на то, что у него была семья, выкопал в пустом огороде ныне

исчезнувшей заклязьменской Егорьевской слободы землянку, где постоянно жил, молился и читал священное писание [25].

В годы Великой Отечественной войны правительство СССР значительно пересмотрело свою политику в отношении церкви. Немцы на оккупированных территориях открыли более 10000 храмов, закрытых в 20–30-е гг. большевиками, и позволили священникам вести богослужения, а людям посещать литургию [26, с. 193–194]. В ответ с первых дней войны иерархи Старообрядческой Церкви Белокриницкого согласия обратились к старообрядцам, немалое число которых воевало на фронтах, доблестно служить в Красной Армии и оказывать противодействие врагу на оккупированной территории в рядах партизан: «Возлюбленные чада старообрядческой Христовой Церкви, находящиеся в немецком пленении и оккупации. Из центра старообрядчества – из достославной Москвы, с Рогожской заставы, я, ваш архипастырь и богомолец, обращаюсь к вам со словами утешения и надежды и призывом оказывать всяческое противодействие врагу. Помогайте партизанам, вступайте в их ряды, будьте достойны своих предков, бившихся за свою святую Русь. Вспомните, как наши достославные предки, движимые любовью к Родине, все как один вилами и рогатинами истребляли и гнали со своей земли двунадесять языков гордого завоевателя. И сколько же их ушло из России? Жалкая кучка! Освобождение нашей матери – родины от исконного врага и губителя русского народа – немца – всенародное святое дело. Помогайте нашей армии истреблять и гнать врага с священной земли нашей и тем самым приближать радостный час соединения с вами. Мы же здесь возносим Господу Богу непрестанные молитвы, чтобы он сохранил вас от зла и губительства, и дал вам силы предков наших в борьбе за освобождение нашей отчизны от захватчиков»[27]. Старообрядцы участвовали в сборе средств для фронта. Только в г. Горьком к декабрю 1941 г. религиозные объединения собрали 1, 2 млн. рублей, из которых около половины внесли старообрядцы различных согласий [28, с. 184].

В этот трагический и героический период 1941–1945 гг. по воспоминаниям староверов вновь стало возвращаться в повседневную жизнь молитвенное правило, почти утраченное в период 30-х годов. Большинство старообрядцев вспоминают войну как время, заставившее их вернуться к молитве. Так, согласно воспоминаниям сына потомственных Владимирских старообрядцев Козлова Петра Борисовича «…Когда мужья уходили на войну, им зашивали в пояс молитву «Живый в помощи Выш – няго» (Псалом 90-й). С уходом на фронт отца, в нашей

семье строже, чем в мирное время, соблюдались все посты, снова возродились молитвы, давались обеты Богу, чтобы вымолить своих сыновей, мужей, братьев» (из личной беседы 16 декабря 2016 г.).

В 1945 г. в связи с общей либерализацией религиозной политики старообрядческой архиепископии разрешили выпускать церковный календарь (выходящий с тех пор ежегодно), и до 1949 г. изданием календаря руководил епископ Геронтий. Постановлением Совнаркома СССР от 27 февраля 1945 г. старообрядческим служителям культа (как и представителям ряда других конфессий) предоставили отсрочки от призыва по мобилизации в армию [29, с. 293–294]. Возникла новая проблема – не хватало священников. Одни погибли в лагерях и тюрьмах, другие еще не вернулись из заключения, третьи были рассеяны на различных гражданских работах. Но, несмотря на это, количество официально действующих старообрядческих общин первое время после окончания войны увеличивалось и уже в декабре 1945 г. по данным Совета по делам религиозных культов на всей территории СССР их насчитывалось 308 (всех толков и согласий), в том числе 215 Белокриницкого согласия, а на 1 января 1947 г. в стране насчитывалось 418 старообрядческих общин (численность верующих составляла несколько сот тысяч человек) [30, с. 30.].

Именно в советский период все старообрядческие толки и согласия чрезвычайно сильно пострадали от антирелигиозной политики государства. В это время со старообрядцами произошло то, что не могли сделать ни гонения, ни пытки прошлых веков: многие отошли от веры отцов. Были уничтожены целые социальные слои, традиционно служившие опорой старообрядчества: торговцы, промышленники, кустари, мелкие предприниматели, кооператоры, зажиточное крестьянство, казачество, многие уезжали за границу. При самодержавии, не ставившем своей целью разрушение быта и социальной структуры, являвшейся стержнем старообрядческой религиозной жизни, староверы сравнительно легко переносили дискриминацию и открытые гонения. Полное же разрушение их быта и общественных связей в СССР самым трагическим образом сказалось на состоянии старообрядчества, а радикальная антирелигиозная государственная политика во много раз ускорила и усилила процесс секуляризации в среде староверов [31, с. 112].

В конце 1958 г. Н. С. Хрущев выдвинул задачу «преодоления религии как пережитка капитализма в сознании людей». Это решение отразилось и на идейной борьбе с религиозным мировоззрением старообрядцев. Снова началось массовое закрытие православных храмов, монастырей, духовных учебных заведений, власти стали регулировать

численность епископата и т. п., и как следствие, владимирское старообрядчество вновь ушло в глубокое подполье. Так в 1960-е годы во Владимире под предлогом расширения центральной площади, у Золотых ворот, на углу улиц Дворянской и Летнеперевозинской, местные власти предполагали снести Троицкую церковь, но стараниями общественности и при активном участии писателя В. А. Солоухина здание церкви удалось сохранить. В 1971–1973 годах храм был реставрирован, а в мае 1974 года под его сводами разместилась выставка Владимиро-Суздальского музея «Хрусталь. Лаковая миниатюра. Вышивка».

В годы брежневской стагнации владимирское старообрядчество продолжало исчезать без видимых гонений и кровавых жертв, путем «естественного» умирания приходов. Нередко община прихожан, не имея возможности содержать храм, находившийся в аварийном состоянии, добровольно отдавала его местным властям.

Поместный собор Русской Православной Церкви Московского патриархата в 1971 году признал старые обряды равноблагодатными и снял те клятвы, которые были наложены на них. С этого периода началась тенденция на относительную либерализацию политики по отношению к староверам, но, как показывает история владимирских староверцев, в 1970–1980 годы церковная жизнь согласий характеризовалась застойными тенденциями: новые приходы практически не открывались, отдельные провинциальные храмы были закрыты из-за отсутствия не только священнослужителей, но и способных вести клиросную службу мирян. В 1976 г. Владимирскими властями вновь поднимается вопрос о сносе Троицкой церкви, но потом было принято решение отдать ее под экспозицию Владимиро-Суздальского музея-заповедника. Однако прежние хозяева церкви по сегодняшний день борются за ее возвращение.

До 1992 года Владимирским староверам за неимением собственного прихода, приходилось ездить отправлять свои обряды в село Рытово Вязниковского района, в Нижний Новгород или Орехово-Зуево. Только 15 ноября 1991 года староверческая община РПСЦ была зарегистрирована областным отделом юстиции, ей было разрешено открыть издание регионального «Старообрядческого вестника» (1993–1995 гг.).

Позднее, в 1992 г. местными властями и старообрядцами был найден компромисс: старообрядцам для отправления своих обрядов передали пятиглавую Успенскую (Богородицкую) церковь XVII в., расположенную неподалёку от вокзала [32, с. 3]. За 1955–1981 годы церковь была реставрирована по проекту архитектора А. В. Столетова и приобрела, в основном, первоначальные формы. Богородицкая цер-

ковь имеет статус исторического здания, которое в 1923 г. было принято на учет, и таким образом уцелело. Достопримечательностью церкви являлся колокол 1650 г. с надписью о вкладчиках-строителях храма, но он был утрачен во время уничтожения колоколов в 1928–1929 гг. В этом памятнике архитектуры размещался склад имущества военного училища, а в 70-е годы оно было отдано под музей, в котором устроили хранилище коллекции живописи, графики и скульптуры.

Священником храма с 1992 года являлся протоиерей Иоанн (в миру Думнов Иван Ивлиевич). Открытие этого храма стало важной вехой в возрождении старообрядческой общины [33, с. 4]. Таким образом, после 1985 г. старообрядческая владимирская община стала вновь возрождаться, но их просьба о возвращении Троицкой церкви до сих пор не решена. Протоиерей, настоятель Успенского храма старообрядцев отец Иоанн вспоминал в 2015 году: «Вопрос передачи Троицкого храма длится с 1991 года, когда наша община была официально зарегистрирована в том виде, в каком была до революции. В свое время мы подали заявку на эту церковь, было долгое обсуждение и в итоге нам предложили Успенский храм на Большой Московской, где мы и молимся уже 20 лет» [34].

Библиография

1. О даровании свободы верования // Владимирская Епархиальная Ведомость. Отдел неофициальный. – 1905. – № 11. – 1 июня.

2. *Делягин М.* Влияние глобализации на международный терроризм // Балтийский юридический журнал. – 2004. – № 1. – С. 4–9.

3. Епархиальная хроника // ВЕВ. – 1907. – № 2, Отдел неофиц. – С. 28.

4. Там же. Отдел неофиц. – С 28.

5. Архив отдела ЗАГС округа Вязники Владимирской области (Архив ЗАГС). В молитвенный дом христиан-старообрядцев безпоповщинского поморского брачного согласия семейный список. – 1907. – 2 окт. – № 58.

6. ГАВО. Ф. Р–307. Оп. 2. Д. 195. Л. 1–18; Д. 381. Л. 1–9; Д. 249. Л. 1–13; Д. 208. Л. 1–6; Ф. Р–307. Оп. 3. Д. 110. Л. 1–17.

7. Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь. Новейшее справочное издание / Г. Ф. Кривошеев, В. М. Андроников, П. Д. Буриков, В. В. Гуркин. – М. : Изд-во Вече, 2010. – 384 с.

8. *Апанасенок А. В.* Идеалы и ценности русских староверов в эпоху российской модернизации второй половины XIX-начала XX вв. // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – М. : Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург). – 2008. – № 11(66).

9. *Протоиерей Олег Трофимов*. Старообрядцы убийцы России? Vespa 21.05.2017. История. – URL: matveychev-oleg.livejournal.com›5516513.html (дата обращения 15.02.2018).

10. Троицкая церковь во Владимире. – URL: https://tropki.ru/rossiya/vladimirskaya-oblast/vladimir/troickaya-cerkov (дата обращения 14.01.2018)

11. В Гуслицах // Старообрядец – 1996. – № 3. – С. 12 ; *Рудаков С.* Духовный центр согласия – Ковровский монастырь // Старообрядец – 1998. – июнь (№ 9).

12. *Сергеева Е. В.* Последние из калагуров: Владимирские беспоповцы хранят древнее благочестие, но порой допускают нововведения / Е. Сергеева, И. Мирошников, А. Ефремов // Независимая газета – Религия. – 2006. – 19 апр.

13. Архив ЗАГС. Семейный список. – 1924. – 5 мая. – № 63.

14. *Борисов В. К.* Бурдины // Маяк. – 2006. – 26 окт.

15. Религиозные объединения Владимирской области. Религиозные организации / под ред.: Константинова В. Н., Семеновой О. А., Февралевой Л. А. – Владимир, 2001.

16. *Красников Л.* Русский характер старообрядцев. (Староверческая община во Владимире) // Молва. – 2003. – 25 окт.

17. ГАРФ. Ф. Р–5263. Оп. 1.

18. «Да будет Время с нами вечно!» : сб. краеведческих работ по итогам IX Булыгинских литературно-краеведческих чтений. Вып. 8 / МБУК Межпоселенческая библиотека» Гороховец. р – на Владим. обл. – Гороховец, 2013.

19. Там же.

20. ГАРФ. Ф. Р–5263. Оп. 1 Д. 527, 732;

21. ГАИО. Ф. 2953 Оп. 3 Д. 145, 147, 243

22. *Ершов А.Л.* Церковь на земле Владимирской в 1930-е годы. – Владимир : Калейдоскоп, 2011.

23. Ковровские матушки // Старообрядец. – 2001. – апрель (№ 20).

24. *Зубков Б. А.* В Приклязьменских лесах. Книга о природе и людях приклязьменских лесов Володарского района Горьковской (Нижегородской) области. – Горький : Горьковское книжное издательство, 1961.

25. Там же.

26. *Одинцов М. И.* Религиозные организации в СССР накануне и в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. – М., 1995.

27. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 125. Д. 188. Л.

28. *Алексеев В. А.* «Штурм небес» отменяется? Критические очерки по истории борьбы с религией в СССР. – М., 1992.

29. *Одинцов М. И.* Евангельские церкви в Советском Союзе. 1941–1945 гг. // Свобода совести в России: исторический и современный аспекты : сб. статей. – Вып. 10. – СПб., 2014.

30. Религии России. Календарь-справочник на 2015 год / авт.-сост. М. И. Одинцов. – СПб., 2014.

31. *Шкваровский М. В.* Актуальные проблемы русской церковной эмиграции в XX веке: историографические и источниковедческие аспекты // Христианское чтение. – 2012. – № 1.

32. *Красников Л.* Русский характер старообрядцев. (Староверческая община во Владимире) // Молва. – 2003. – 25 окт.

33. Дорогие братья и сестры во Христе! // Старообрядческий вестник. – 1993. – № 1(3).

34. Алексей Отмышев. Красная церковь во Владимире вернется к старообрядцам? – URL: https://www.vladimir.kp.ru/daily/26389/3266577/ (дата обращения 16.01.2018)

2. Единоверческое старообрядчество, поморцы и калагуры в религиозной традиции Владимирского края

В истории Владимирского края в XX в. первые активные шаги Советской власти против старообрядцев, проживавших на территории Владимирской губернии, напрямую коснулись последователей «единоверия», т.е. тех «приходов», которые в 1800 году воссоединились с Русской Православной Церковью, сохранив при этом особенности богослужебного устава и древнерусского бытового уклада, существовавших до реформ Патриарха Никона. Руководство антирелигиозной пропагандой было возложено на А. Т. Лукачевского [1, с. 272], ставшего позднее первым заместителем Е. М. Ярославского, т.е. вторым лицом в Союзе воинствующих безбожников СССР. Именно события, происшедшие в марте 1922 г. на территории тогдашней Владимирской губернии, в городе Шуе, послужили началом открытой и формально узаконенной фазы антирелигиозной политики Советского государства, вскоре напрямую коснувшейся и старообрядцев, живших здесь же, в окрестностях Шуи, принадлежащих к «единоверию». На территории Владимирской губернии до революционных событий 1917 г. «единоверцы» составляли значительную долю населения, и у них действовали здесь два женских монастыря – Всехсвятский в Шуе и Знаменский в Коврове [2, с. 266]. Важно отметить, что уже в 1919 г., Патриарх Тихон подписал указ, регулировавший порядок подчинения и назначение на кафедры единоверческих епископов Московской Патриархи [3, с. 896–897].

В этот период, в начале 20-х гг. XX в., во Владимирской губернии и произошла история, напрямую касавшаяся старообрядцев единоверческого согласия, хотя местом действия данной истории стал вовсе не единоверческий, а самый обычный православный Воскресенский Федоровский монастырь, расположенный в Шуйском уезде дореволюционной Владимирской губернии, последней настоятельницей которого до его закрытия советской властью была игуменья Арсения (в миру – Анна Гавриловна Добронравова) [4, с. 17], родная сестра известного владимирского краеведа, преподавателя Владимирской Духовной Семинарии, одного из авторов созданного им совместно с В. М. Березиным пятитомного «Историко-статистического описания церквей и приходов Владимирской епархии» [5, с. 14]. Игуменья Арсения в январе 1939 г. скончалась от голодного истощения в тюремной больнице в Иванове, а до этого отбывала заключение во Владимирской тюрьме, а в 2000 г. была причислена к лику святых как новомученица Российская.

Сама она ни к единоверческому, ни к какому-либо другому старообрядческому согласию, казалось бы, никакого отношения не имела, выйдя из семьи православного священника из с. Шегодского Юрьев-Польского уезда, но в молодости ей пришлось столкнуться с ситуацией, когда милосердие по отношению к ней проявили именно старообрядцы, а не сторонники «новых» обрядов. Случилось это, когда двадцатичетырёхлетняя выпускница Владимирского епархиального женского училища, будучи круглой сиротой, оказалась без жилья и без средств к существованию, и ее обращения за помощью к различным влиятельным лицам во Владимирской епархии, увы, остались без ответа. Единственным, кто тогда пришел на помощь девушке, стал старообрядческий епископ Уральский и Прикаспийский Арсений (Швецов) [1, с. 36], уроженец деревни Ильина Гора Вязниковского уезда, выходец из славившегося своей строгостью беспоповского старообрядческого согласия «нетовцев», которые отрицают все важнейшие гражданские обязанности, от паспортов до воинской повинности. Епископ Арсений позднее порвал с ними и, не приняв «новых» церковных обрядов, стал старообрядческим епископом белокриницкой иерархии, приютив в своей резиденции будущую игуменью и дав ей, несомненно, важный урок христианского милосердия.

Позднее, спустя много лет, у матушки Арсении возник хороший повод вспомнить о нем, когда, уже после 1917 г., ей, будучи настоятельницей Воскресенского Федоровского монастыря, довелось приютить в своем монастыре на несколько лет одного из самых авторитетных православных иерархов того времени – будущего священномученика митрополита Серафима (Чичагова) [1, с. 356], который в 1923 г. из-за давления властей не получил назначения в Петроград под формальным предлогом преклонного возраста. Четыре года митрополит прожил в Шуе, в гостях у матушки Арсении, после чего каждого из них ждал свой путь, оказавшийся мученическим. Митрополита Серафима ждали Соловки, Бутырская и Таганская тюрьмы, и в итоге его длительный жизненный путь оборвали морозной декабрьской ночью 1937 г. на полигоне в подмосковном Бутове [3, с. 893]. Игуменью Арсению ждал, на первый взгляд, несколько иной путь, но другим он был лишь в деталях, по сути же своей они, конечно, могут считаться вполне сходными друг с другом.

Помимо «единоверия» важно еще отметить и возникновение во Владимирском крае маленьких уголков русского Севера, принесенных сюда в конце XVIII в. старообрядцами-беспоповцами, жившими в су-

мевшей тогда отстоять свою приверженность «старым» обрядам в Выговской пустыни, расположенной на границе современных Архангельской области и Карелии. Старообрядцам нескольких беспоповских согласий удалось обосноваться в селе Соколово Судогодского района Владимирской области, расположенном буквально в нескольких километрах от оживленной автотрассы, ведущей от Владимира на Муром. Верующие, лишившись храма в 1938 году, стали собираться на свои религиозные собрания по домам, а само село Соколово следует считать поистине уникальным островком межконфессионального согласия во Владимирском крае, поскольку трудно найти еще какой-нибудь населенный пункт, где бы веками жили бок о бок представители весьма разных традиций – приверженцы православной традиции, принявших «никонианские» обряды, а также сторонники нескольких течений старообрядчества – беглопоповцы белокриницкой иерархии, иногда также неточно называемой «австрийской», федосеевцы, [6, с. 447–448], филипповцы [6, с. 420–121] и поморцы [6, с. 384–385], являющиеся потомками когда-то переселившихся сюда обитателей далекой северной Выговской пустыни. Ведь только здесь, наверное, сегодня можно услышать исполняемые традиционным для старообрядцев – беспоповцев унисонным пением духовные стихи, когда-то широко распространенные в Архангельской губернии, но совершенно не характерные ни для одной из центральных губерний России. Образец их записи был сделан в селе Соколово Судогодского района, в частности, в июне 1995 г. в ходе летней фольклорной практики студентов Владимирского областного колледжа культуры и искусства, когда эти древние образцы русского устного народного творчества исполнила собирателям старейшая коренная жительница села Соколово Александра Тимофеевна Фунина 1903 года рождения [7, с.1, 5–7, с.22–24].

Само село Соколово возникло в конце XVII в., когда царский духовник митрополит Суздальский и Юрьевский Иларион (Ананьев) стал основоположником новой политики властей по отношению к старообрядческому расколу [1, с. 196]. Весь смысл новой политики сводился к тому, что власти отказывались от активных репрессивных мер по отношению к старообрядцам и даже разрешали им селиться неподалеку от столичных городов. Благодаря этому старообрядцы постоянно находились в поле зрения недремлющего ока государева, и важнейшим компромиссом в рамках этой политики стало появление на карте России Выговской пустыни, духовные отцы которой Андрей и Семен Денисовы, создав там старообрядческую школу и типографию, были

вполне лояльны даже петровским реформам и никогда не призывали своих последователей уклоняться от гражданских обязанностей. Старообрядцев в регионе стали называть «калагурами» [8, с. 133]. Иногда их могли именовать из-за особенностей местного диалектного произношения и «калагурами» [9].

Главный удар по старообрядчеству в СССР был нанесен во времена правления Н. С. Хрущева, когда в 1950-ые и в 1960-ые гг. были закрыты все старообрядческие монастыри на территории Молдавии, где в действовавшей там еще с середины XIX в. старообрядческой Славско-Измаильской епархии их существовало более трех десятков [10, с. 34].

Важным для старообрядцев этот период был тем, что Поместный Собор Русской Православной Церкви 1971 г., помимо многих других решений, принял решение о действительности и равнозначности всем остальным любых таинств и священнодействий, совершенных старообрядческими священниками-беглопоповцами [11, с. 74]. Они принадлежали к тем течениям старообрядчества, которые имели от «господствующего» вероисповедания исключительно обрядовые отличие и, конечно, сохранили и духовенство и епископат, как особые институты. Ведь в то время можно было, хотя и сделать было это очень трудно, найти такие местности, где все обычные православные храмы Московского Патриархата были ранее закрыты властями, а старообрядческие действовали.

Во Владимирской области старообрядцев оставалось уже не так много – лишь отдельные старообрядческие общины самого крупного в России белокриницкого согласия, сумели пережить бурные перипетии первой трети и середины XX в. Поэтому старообрядцы, жившие во Владимирской области, лишенные возможности посещать свои храмы, закрытые властями, отправлялись туда, где они действовали в соседних областях – например, в Орехово-Зуево, Павловский Посад, Егорьевск и Ногинск (бывший Богородск) Московской области, Нижний Новгород и город Урень Нижегородской области и старообрядческие села Заветлужья, расположенные также в Нижегородской и в соседней Костромской области, а также в поселок Минеево в пригороде города Иваново (в 1993 г. действовавший здесь деревянный старообрядческий храм перешел в подчинение Московской Патриархии вместе со своим настоятелем на началах единоверия, сохранив «старые» обряды) [4, с. 99–105].

Беспоповские же старообрядческие толки, когда-то, еще до революции детально исследованные такими видными историками и краеведами, как А. Г. Вишняков [1, с. 98] и К. Ф. Надеждин [1, с. 304], были вынуждены существовать в 1960–1970-е гг. в различных селах

Владимирской области без всякой официальной регистрации, не имея никакого официально закрепленного за их общинами имущества, и их последователи вплоть до самого юбилея 1000- летия Крещения Руси (1988) собирались для совершения религиозных обрядов в частных деревенских домах.

То усиливавшаяся, то на время затихавшая антирелигиозная политика Советского государства способствовала развитию между старообрядцами и РПЦ, придерживающейся «новых» обрядов, определенного сближения. Символично, что однажды старообрядческий епископ Геннадий (Беляев) [10, с. 72], уже переживший четыре несправедливых ареста, один из которых закончился для него как раз самым длительным сроком заключения в суздальском подземелье, и один из видных представителей «господствующего» вероисповедания архиепископ Аркадий (Федоров) [1, с. 35], бывший близким родственником М. М. Сперанского, протянули друг другу руки для теплого рукопожатия. Среди старообрядцев-единоверцев было немало тех, кто принял мученическую кончину за свою христианскую веру и был причислен к лику святых. К их числу относится, в частности, старообрядческий единоверческий епископ Семион (Шлеев) [3, с. 896], убитый без суда и следствия в 1918 г. А новомученик епископ Дмитровский Серафим (Звездинский), значительный период в жизни которого прошел в 1927–1933 гг. в ссылке в городе Меленки Владимирской области, и вовсе происходил из беспоповского старообрядческого толка [3, с. 894].

Даже с помощью самых радикальных мер атеистическому государству не удалось вытравить старообрядчество во Владимирском крае. На территории нашей области в советское время существовали очаги старообрядчества, не подвергшиеся разгрому. К их числу относится всегда функционировавший старообрядческий храм в селе Рытово Вязниковского района, сумевший пережить те времена, когда была закрыта одна из первых в истории России старообрядческая епархия белокриницкого согласия, учрежденная в 1856 г. и возглавлявшаяся епископом Антонием (Шутовым), ставшим впоследствии старообрядческим архиепископом Московским и всея Руси [10, с. 310]. В селах Чулково и Арефино Гороховецкого района, по-прежнему работают школы, более ста лет назад основанные купцами-старообрядцами.

Старообрядчество оставило глубокий след в истории Владимирского края. Несмотря на все сложности в отношениях с государством старообрядцы и в советское время сохраняли искреннюю любовь и привязанность к родной земле.

Библиография

1. Владимирская энциклопедия. Биобиблиографический словарь / Под ред. С. П. Гордеева – Владимир, 2002.

2. Православные русские обители. Полный иллюстрированный перечень всех православных монастырей во всех губерниях Российской империи и на Афоне. – СПб., 1904.

3. Акты Святейшего Патриарха Тихона и позднейшие документы о преемстве высшей церковной власти (1917–1943). Сост. М. Е. Губонин. – М.,1994.

4. *Федотов А. А.* Из истории Русской Православной Церкви в XX в. – Иваново, 2002.

5. *Березин В.М., Добронравов В.Г.* Историко-Статистическое описание церквей и приходов Владимирской епархии. – Владимир, 1898–1903. – Т. 1–5.

6. *Булгаков С.В.* Православие. Праздники и посты. Богослужебные требы. Расколы, ереси, секты, враждебные христианству и Православию учения, западные вероисповедания. Соборы Восточной, Русской и западной Церквей. – М., 1994.

7. Фольклор Судогодского края. – М.; Владимир, 1998. – Т. 1–2.

8. Старообрядчество. Опыт энциклопедического словаря. Лица, события, предметы и символы / Сост. С. Г. Вургафт, И. А. Ушаков. – М., 1996.

9. *Линдер Н.* Раскольничья секта «калагуры» // Новое время. – 1891. – № 5243 ; *Сергеева Е., Мирошников И., Ефремов А.* Последние из калагуров //Независимая газета – Религии. – 2006. – 19 апр. – URL: http://www.ng.ru/ng_religii/-2006-04-19/5.

10. Старообрядчество. Опыт энциклопедического словаря. Лица, события, предметы и символы / Сост. С. Г. Вургафт, И. А. Ушаков. – М., 1996.

11. Русская Православная Церковь. Очерки истории. 1988–1988 / Под ред. архиепископа Смоленского и Вяземского Кирилла. Вып.2 (1917 – 1988). – М., 1988.

3. Ковровское старообрядчество в советское время

Судьба старообрядчества в городе Коврове и Ковровском уезде, позднее районе, в советское время (1917–1991) не выделяется в целом из общего контекста истории развития этой конфессии в СССР, обладая, вместе с тем, местной спецификой.

Если до революции 1917 года старообрядчеству посвящались отдельные специальные законодательные акты, то во вновь возникшем атеистическом советском государстве оно должно было существовать по общим для всех религиозных конфессий законам. Советская власть разделила все население страны на две составляющие: верующие и атеисты, независимо от принадлежности к конкретной вере. Короткий период с 1905 по 1920 годы свободного существования без притеснений, закончился с приходом к власти большевиков, вернувших старообрядчество в прежнее состояние, когда «импульсом жизни», по определению о. Павла Флоренского, «постепенно стало гонение» [1, с. 44].

Историография вопроса о ковровском старообрядчестве в советский период крайне невелика и насчитывает несколько статей в научных сборниках. Среди них отметим публикацию директора Ковровского историко-мемориального музея О. А. Моняковой «Судьба староверов г. Коврова после установления советской власти» в сборнике материалов международной конференции по старообрядчеству в 2000 году [2, с. 223–227] и статью А. Л. Ершова «Закрытие монастыря старообрядцев Спасова согласия в Коврове в 1929–1930 гг.» в сборнике материалов XXII Рождественских чтений в Коврове [3, с. 173–180]. Названные работы отражают положение ковровского старообрядчества только в 1920–1930-е гг., исследований о состоянии дел в последующие периоды просто не существует. Нашу публикацию можно с полным основанием считать первой попыткой комплексного анализа этого движения в советский период в границах указанной локальной территории.

Основу источниковой базы данной работы составляют документы, хранящиеся в государственных архивах Владимирской и Ивановской областей, т.к. с 1929 по 1944 год город Ковров и Ковровский район находились в составе Ивановской промышленной области. Таким образом, основной корпус документов о положении старообрядчества в Ковровском уезде Владимирской губернии с начала новой власти до 1929–1930 гг. хранится в Государственном архиве Владимирской области (ГАВО). В основном они сосредоточены в четырех фондах: Ковровского уездного исполнительного комитета Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (Ф. 29, 1917–1929 гг.); Владимирского окружного исполкома Совета (Ф. 36, 1929–1930 гг.); а также в фондах 357 и 307, которые соответственно хранят документы отдела управления (1918–1923) и административного отдела Владимирского губисполкома (1923–1929), являющиеся преемниками друг друга. Все материалы касаются устройства религиозной жизни после установления советской власти, регистрации религиозных общин по новым законам. Ценность их заключается в том, что они содержат полные списки таких общин разных конфессий и описи имущества церковных зданий.

Архивные материалы, датируемые концом 1920-х – началом 1930-х гг., содержат уже документы репрессивного характера, касающиеся закрытия церквей и молитвенных домов и запрещения деятельности религиозных общин. К этому же периоду относятся материалы фонда Комиссии по вопросам культа при Ивановском облисполкоме (Ф. 2953) в Государственном архиве Ивановской области.

Отсутствие в архивных фондах документов о старообрядцах за последующие периоды, начиная с конца 1930-х гг. и до конца советского периода, говорит о том, что организованный период их существования завершился и трансформировался в формат индивидуального сохранения и поддержания веры.

Если газеты и другие периодические издания являлись репрезентативным источником для характеристики положения дел в старообрядчестве в дореволюционный период истории, даже, если эти публикации имели критический оттенок, то советские газеты о них молчат совсем. Единственным событием из жизни ковровских староверов, которое было удостоено внимание советской прессы, стал суд над ними в октябре 1929 года. Судебный процесс носил публичный показательный характер, поэтому ему были посвящены разоблачительные статьи в трех номерах периодического владимирского журнала «Наше хозяйство» [4, с. 39–40; 5, с. 4; 6, с. 39].

О том, что в Коврове в 1940–1980-е гг. продолжали проживать и сохранять свою веру единичные представители когда-то известных старообрядческих семей, свидетельствуют уже музейные источники. К примеру, фонды Ковровского историко-мемориального музея в 1980-е гг. активно пополнялись предметами старообрядческой веры и быта, а передавали их музею непосредственно проживавшие в Коврове потомки купеческого рода Першиных.

Таким образом, мы располагаем достаточно представительным корпусом источников о состоянии раскола в Коврове и Ковровском уезде (районе) лишь по довоенным десятилетиям XX века, что позволяет нам сделать вывод о прекращении их организованной деятельности к середине 1930-х годов.

Советское государство определило свое отношение к религии и церковным организациям, и старообрядчество здесь не было исключением, уже в первые месяцы своего существования.

К 1917 году в Коврове и Ковровском уезде проявляли себя исключительно старообрядцы беспоповского течения Спасова согласия. Основными центрами их сосредоточения были д. Ильино во Всегодической волости и сам город Ковров. Старообрядческая прослойка среди верующего населения города и уезда была не многочисленной, но весьма влиятельной. К старой вере принадлежали наиболее богатые, предприимчивые и общественно активные семейства Коврова и уезда, такие уже известные в русском старообрядческом мире фамилии как:

Першины, бывшие купцы Кисловы, Друндины, Носковы, Еркины, Федоровские; торговцы и владельцы мелких ремесленных заведений: Богомоловы, Шалаевы, Евстигнеевы, Ильины, Ромины, Романовы; владелец типографии В. А. Агапов и др. В Коврове ими было организовано две молельни – мужская в доме купцов Першиных и женская на территории Ковровского старообрядческого монастыря. Кроме того моленный дом был выстроен Першиными и в их родной деревне Ильино Всегодической волости Ковровского уезда. После революции 1917 года большинство из них остались в городе и попытались решить вопросы своей веры, исходя из сложившихся условий.

Несмотря на то, что в исследованиях, посвященных судьбе раскола при советской власти, присутствует мнение о том, что новая власть поначалу лояльно относилась к старообрядцам, а весь удар направила на традиционную православную церковь [7, 8], мы не можем подтвердить этих выводов примерами из Ковровского уезда. Местные власти, претворяя в жизнь постановления центральных органов власти, не выделяли старообрядцев из общей массы религиозных деятелей. Например, каменная молельня в д. Ильино уже в 1918 году, в кампанию муниципализации частного недвижимого имущества, была отобрана у верующих для организации в ней школы 1-й ступени [9, л. 44об. – 45]. Коснулся ковровских старообрядцев и Декрет ВЦИК от 23 февраля 1922 г. «Об изъятии церковных ценностей». В Коврове помимо православных храмов, ценности, в основном, серебряные предметы культа, были изъяты из «старообрядческой женской молельни Спасова согласия, старообрядческой мужской молельни Спасова согласия» [10, л. 34об. – 35]. Но справедливости ради отметим, если православная женская Знаменская община была ликвидирована в Коврове в 1920 году [11, л. 139–140], в пору массового закрытия монастырей, то старообрядческий монастырь закрыли только в 1929 году, о чем мы расскажем ниже.

По Постановлению НКЮ и НКВД от 15 апреля 1923 г., утвердившего Инструкцию «О порядке регистрации религиозных обществ и выдачи разрешений на созыв съездов таковых» [12, л. 225–226], все религиозные общества должны были пройти регистрацию местной властью и заключить договора на пользование молитвенными зданиями. 4 июня того же года в местные уисполкомы поступило распоряжение Владимирского губисполкома о начале обязательной регистрации религиозных обществ. Каждая община любой конфессии должна была представить в уисполком пакет необходимых для регистрации документов: заявление, устав, список общины и опись церковного имущества [13, л.

10]. Государственный архив Владимирской области располагает весьма репрезентативным комплексом подобных документов, практически по всем 56 религиозным обществам Коврова и уезда, получившим регистрацию в 1923 году, включая три старообрядческих и одну иудейскую общины в городе [14].

Как уже сказано выше, обязательную регистрацию 1923 года в Коврове прошли три старообрядческих общины беспоповцев Спасова согласия. Отличались они только небольшими нюансами в названии, адресом регистрации и списком своих членов. Их уставы были типовыми, взятыми из приложения к Инструкции 1923 года.

Первым 19 июля 1923 г. заявление на регистрацию подало *Ковровское старообрядческое общество «Спасово согласие»*, находящееся при моленной в 14 квартале города, д .17 по Базарной улице (ныне ул. Першутова). Это бывший родовой дом лидеров ковровских староверов купцов Першиных, на земельном участке которого они в 1890 году выстроили каменную молельню. В общине состояло, согласно документам, 74 человека. В Совет общины входили следующие лица: «1. Кислова Анна Дмитриевна – 65 л., домохозяйка, ул. Базарная, 14 квартал, д. 21; 2. Першин Андрей Николаевич – 42 г., мелкий торговец, ул. Базарная, 14 квартал, д. 17; 3. Евстигнеев Василий Тимофеевич – 30 л., переплетчик, рабочий пульзавода, ул. Мостовая; 4. Першин Константин Николаевич – 32 г., инженер – механик, студент Высшего Московского Технического училища, ул. Базарная, 14 квартал, д. 17» [15, л. 10–10об.].

Уже через два дня 21 июля в Ковровский уисполком направила свои документы община под названием *«Ковровское старообрядческого общество беспоповцев «Спасово согласие».* Как видим, разница состояла только в одном слове «беспоповцев, добавленном в название второй общины. Молитвенный дом этого старообрядческого сообщества находился по адресу: улица Свердлова, квартал 25, д.20. Главными уполномоченными в этой общине были: Дормидонтов Василий Дормидонтович – инвалид, 73 лет, и Колосов Трофим Егорович – инвалид, 62 лет [16].

Мы приведем сохранившийся список этой старообрядческой общины полностью [16] (приложение 16) и, отвлекаясь от темы, отметим одну характерную особенность, замеченную нами в ходе анализа документов о регистрации старообрядческих общин. Названные документы содержат ценную информацию о персональном составе представителей староверия, которая не всегда была доступна в дореволюционный период истории, т.к. они подвергались гонениям при царской власти. По этой причине, даже, несмотря на закон 1905 года, некоторые из них

не демонстрировали свою приверженность старой вере до самого конца. Если до 1917 года мы могли только догадываться о принадлежности той или иной ковровской фамилии к старообрядчеству, то в условиях тотальной регистрации они оказались наяву, тем самым значительно расширив наши знания о ковровских староверах.

Приведенный подробный список членов старообрядческой общины с адресами позволяет нам сделать вывод о том, что перед регистрацией между староверами Коврова состоялось некое соглашение, которое имело целью охватить легитимными религиозными обществами всех приверженцев старой веры в городе. Отсюда мы видим их территориальное разделение: первая община охватывала часть города от улицы Карла Маркса к северу, а другая включила в свой состав старообрядцев, проживавших в южной части города, ближе к железнодорожному вокзалу. Допущенные ими незначительные различия в названиях также служили задаче, зарегистрировать как можно больше старообрядческих общин, тем более что все они были одного течения и толка.

27 июля 1923 г. свои документы для регистрации подала и третья ковровская старообрядческая община, которая была исключительно женской по составу и продолжала находиться в незакрытом советской властью старообрядческом монастыре на ул. Карла Маркса, д. 3 (бывшая ул. Подъяческая). В уставе *«Религиозного общества старообрядцев «Спасово Согласие»*, общинного начала, не имеющего священства, было записано, что оно «имеет целью объединение граждан этого исповедания в районе г. Коврова при выше помянутом молитвенном доме по древним уставам своей веры на основах доброй жизни, общего труда и взаимной помощи, не имея ввиду извлечение прибылей…» [17, л. 3]. Уполномоченными здесь выступали: «Шалаева Мария Максимовна – мещанка, 60 лет., ул. К. Маркса, д. 5; Першина Мария Федоровна, 60 лет, ул. К. Маркса, д. 4, до революции почетная гражданка, имеет совместно с сестрой дом и флигель по ул. К. Маркса» [17, л. 13–14].

5 августа 1923 г. ковровским уисполком были зарегистрированы две первые старообрядческие общины. Позднее других, уже в октябре зарегистрировали и третью общину. Вероятно, представителей местной власти насторожило содержание их устава, в котором указывалось, что они объединяются не только на принципах общей веры, но и совместного труда. Была создана своего рода старообрядческая трудовая артель, тем более что существовавшие тогда законы подобное допускали [17].

В Ковровском историко-мемориальном музее сохранились воспоминания старожилов города об этом старообрядческом женском монастыре: «Женский монастырь располагался в центре старообрядческого квартала в Коврове на улице Подъяческой (ул. К. Маркса). Дома-кельи тянулись вдоль улицы, а за ними, в глубине, стояла каменная моленная-храм (сохранилась до сих пор)». Старожилы помнят чудесный сад, ровные дорожки вдоль зданий, деревянный мостик к моленной, клумбы с анютиными глазками, чистоту и запах свежего хлеба [18, с. 29].

Таким образом, согласно архивным источникам, на 26 ноября 1923 года в Коврове и уезде числилось 4 старообрядческих общины: три из них существовали легитимно, а четвертая была не зарегистрирована, хотя и учитывалась властями [19, л. 42]. Думается, что это была старообрядческая община в деревне Ильино Всегодической волости Ковровского уезда.

Эти четыре общины существовали до 1929 года. Этот год стал точкой отсчета нового периода церковной политики советского государства. В январе этого года Политбюро ЦК ВКП /б/ приняло секретное постановление «О мерах по усилению антирелигиозной работы», которое развязало руки местным работникам, санкционируя, по сути, силовое давление на религиозные организации. В таких условиях жесткого административного давления, усиленного некомпетентностью и произволом местной власти, в Коврове 1 – 3 октября 1929 года состоялся открытый судебный процесс по делу Ковровского старообрядческого женского монастыря, фактически поставившего финальную точку в существовании и всех других старообрядческих организаций в городе.

Процесс был организован в доме культуры имени В. П. Ногина, обвиняемыми выступали «игуменья мать Магдония (М. Ф. Першина), замещающая игуменью М. М. Шалаеву, юрисконсульт общины мать Цермония (Е. Ф. Першина, родная сестра игуменьи). Руководство общины обвинялось в эксплуатации членов общества, мошенничестве, неуплате налогов. Приговор суда был таков: конфискация имущества (пять домов); М. Ф. Першина и М. М. Шалаева – к 2 годам лишения свободы; Е. Ф. Першина – к одному году; община была распущена [4, с. 39–40].

Буквально сразу же обвиняемые подали жалобу во Владимирский окрисполком, но, рассмотрев ее 28 октября 1929 г. президиум окружного суда оставил приговор нарсуда г. Коврова в силе. Договор с общиной на пользование имуществом подлежал расторжению [20, л. 99]. Но члены общины не смирились и направили жалобу во ВЦИК: «Молитвенный

дом запечатан местной властью 5 октября 1929 г., но окончательная ликвидация еще не закончена. Иконы вывезены, но не переданы старообрядцам этого же спасова согласия беспоповцам. А посему общества старообрядцев – беспопопвцев в Коврове слились в одно целое общество и обратились к местной власти 13 апреля 1930 г. с просьбой передать это пустующее, имеющее молитвенное назначение, здание для удовлетворения религиозных потребностей. Местная власть отказала» [21, л. 10]. ВЦИК посчитал закрытие церкви незаконным, и член Президиума ВЦИКа, председатель Комиссии по культовым вопросам П. Г. Смидович направил уже тогда Ивановскому облисполкому 25 августа 1930 г. распоряжение разобраться в этом вопросе и выслать ему постановление. В результате проведенного дознания были установлены неправомочные действия Ковровского горсовета, который поторопился своим постановлением от 25 июля 1930 г. без согласования с областной властью закрыть старообрядческую церковь и разместить в ее помещении Дом просвещения, имущество распродать с торгов [21, л. 1, 20, 31].В силу невозможности вернуть все назад, Ивановский облисполком не стал менять решение горсовета, и оставили его в силе.

Данный громкий процесс, как уже говорилось выше, фактически поставил точку в существовании в Коврове организованных старообрядческих объединений. В Ковровском районе на 1 июня 1932 г. оставалась одна старообрядческая община в д. Ильино [22, л. 31–42], в городе их уже не было. На 20 декабря 1934 г. архивные документы уже показывают полное отсутствие общин старообрядцев и в городе и в районе [23, л. 45]. Но приверженцы старообрядчества продолжали жить и сохранять свою веру до лучших времен.

Впервые в этой работе мы коснемся такого вопроса как политические репрессии и старообрядцы. Известный исследователь истории старообрядчества Е. А. Агеева в одной из своих публикаций сетует на то, что, «как правило, и научные общего характера и популярные историко-краеведческие работы, посвящённые преследованиям православных, практически не касаются старообрядчества, даже в связи с изучением регионов, где последователи Старой Веры и их потомки были преобладающими» [24]. Ковровский край не был местом почти повсеместного проживания представителей этой традиции благочестия, и, наверное, поэтому в Книге памяти жертв политических репрессий Владимирской области мы встретили только две фамилии из среды старообрядцев: это Зверев Иван Георгиевич, техник, осужден в 1940 году на

8 лет лишения свободы [25, с. 422], и Носков Антон Федорович, крестьянин с. Клязьминский городок Ковровского района, осужден в 1930 году на два года высылки [25, с. 442]. Лидеры ковровского старообрядчества Першины в этих списках не значатся, хотя продолжали жить и трудиться в Коврове. Следовательно, на примере Ковровского района мы можем говорить о том, что у правительства не было особой политики в отношении представителей староверия, они рассматривали их наравне с верующими других конфессий.

Особая тема – староверы и Великая Отечественная война 1941–1945 гг. К сожалению, мы не располагаем достаточным материалом, чтобы полноценно осветить ее. Но знаем, что среди церквей, разрешенных вновь к открытию в годы войны в пределах Коврова и Ковровского района, старообрядческих не было. Старообрядцы наравне с другими жителями города и района были призваны в армию и сражались за свободу своей Родины. Некоторые из них не вернулись с полей сражений и занесены в Книгу памяти Владимирской области. Если среди репрессированных мы не встретили представителей известной старообрядческой семьи Першиных, то среди погибших в Великой Отечественной войне названы пять человек [26, с. 163].

Послевоенные и последующие годы существования советского государства старообрядцы никоим образом не проявляли себя ни в городе, ни в районе. По имеющимся фрагментарным данным отдельные представители старой веры продолжали жить в городе, но тщательно скрывали свою приверженность старообрядчеству, разве что внешний вид несколько выделял их из общей массы людей.

Подводя итог, мы можем сказать, что история старообрядчества в советское время в Коврове и Ковровском районе, не относящимся к местам их густого расселения, мало чем отличается от общей их судьбы в условиях атеистического советского государства. Советская власть направила свою репрессивную машину на уничтожение религии вообще, не выделяя старообрядцев как особую группу, специальных законов и действий против них не было. Вместе с тем, с учетом местной специфики, прослеживается два самостоятельных этапа в их истории в советское время, которые можно охарактеризовать так: этап существования в организованном формате (1918 – конец 1930-х гг.) и этап неорганизованный в лице отдельных представителей, сохраняющих по домам старую веру.

Библиография

1. *Рахманова М. П.* Старообрядчество и отец Павел Флоренский: точки пересечения // Старообрядчество: История. Культура. Современность. Материалы. – М., 1998.

2. *Монякова О. А.* Судьба староверов г. Коврова после установления советской власти // Старообрядчество: История. Культура. Современность. Материалы. – М., 2000.

3. *Ершов А.Л.* Закрытие монастыря старообрядцев Спасова согласия в Коврове в 1929 – 1930 гг. // Рождественский сборник. Вып. XXII : Провинциальный город в истории России : материалы конф., посвящ. 100-летию Российской революции 1917 года. – Ковров–Шуя : «ПолиЦентр», 2017.

4. Наше хозяйство (Владимир). – 1929. – № 2.

5. Наше хозяйство (Владимир). – 1929. – № 3.

6. Наше хозяйство (Владимир). – 1929. – № 4.

7. *Трофимов О.* Старообрядцы – убийцы России? – URL: http://04ea-daily.com/ru/news/2017/26/o-roli-staroobryadcev-v-russkih-revolyuciyah-mnenie (Дата обращения: 13.02.2018).

8. *Логинов А.В.* Власть и вера: государство и религиозные институты в истории и современности. – М. : Большая Российская энциклопедия, 2005.

9. ГАВО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 212.

10. ГАВО. Ф. 357. Оп. 2. Д. 177.

11. ГАВО. Ф. 357. Оп. 1. Д. 1001.

12. ГАВО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1051.

13. ГАВО. Ф. 357. Оп. 2. Д. 223.

14. ГАВО. Ф. 307. Оп. 2. Д. 238.

15. ГАВО. Ф. 307. Оп. 2. Д. 235.

16. ГАВО. Ф. 307. Оп. 2. Д. 234.

17. ГАВО. Ф. 307. Оп. 2. Д. 236.

18. *Монякова О.А.* О заведениях, угодных Богу / Монякова О.А. Исторические заметки о Коврове. – Ковров : ООО НПО «Маштекс», 2003.

19. ГАВО. Ф. 357. Оп. 1. Д. 1055.

20. ГАВО. Ф. 36. Оп. 1. Д. 93.

21. ГАИО. Ф. 2953. Оп. 3. Д. 89.

22. ГАИО. Ф. 2953. Оп. 1. Д. 9.

23. ГАИО. Ф. 2953. Оп. 1. Д. 8.

24. *Агеева Е.А.* Репрессии 1920–1930-х годов против старообрядцев Боровского края (по материалам следственных дел ГАРФа). – URL: http://www.borovskold.ru. Дата обращения: 14.02.2018 г.

25. Боль и память. Книга памяти жертв политических репрессий Владимирской области. – Владимир : Фолиант, 2001. – Т. 1.

26. Книга памяти. Владимирская область. – Владимир : Золотые ворота, 1994. – Т. 5.

Глава 4

РЕЛИГИОЗНЫЕ МЕНЬШИНСТВА ВЛАДИМИРСКОГО КРАЯ

1. Католики на Владимирской земле после 1917 года

Ко времени отречения императора и Февральской революции владимирский католический приход был самым обычным провинциальным приходом Могилевской архиепархии. От других он отличался разве что наличием 3 временных часовен для беженцев в уездных городах губернии. Окормлял его один священник. Был также особый капеллан и для беженцев в качестве которого 30.09.1917 г. суффраган Могилевской архиепархии еп. Иоанн Цепляк назначил свящ. Антония Бурдулиса [1, с. 46–52].

Октябрьскую революцию 1917 года владимирский римско-католический приход встретил спокойно: в его канцелярии, как и в канцелярии Могилевской архиепархии (дело «Владимирского костела»), к которой до 1926 г. принадлежал местный приход, нет упоминаний о каких-либо эксцессах, о преследованиях местного духовенства. Сведений о протестах прихожан (как это было, например, в Петроградской, а также в Псковской губерниях в 1918–1923 гг.) мы не находим.

При новом установлении деканатских и приходских границ архиепископ Эдуард барон фон дер Ропп 08.03.1918 г. кратким рескриптом отнес Владимирский приход к Московскому деканату: «К существующим уже приходам Московского деканата присоединяются костелы Владимирский на Клязьме (…)» [2, л. 1].

Следующий документ – отчет членов приходского комитета (это все те же приходские синдики, что и до революции)**,** в котором те сообщали епископу суффрагану Иоанну Цепляку о принятии «движимого и недвижимого имущества, метрических книг, документов и планов» прихода от настоятеля Амвросия Паштукаса (1921 г., документ без ближней даты, однако записи в приходских метрических книгах до 6.05.1921 г. сделаны им же). В письме вице-канцлера архиепархиальной курии, свящ. Доминика Иванова Московскому декану канонику Петру Зелинскому от 10.06.1921 г. сообщается, что хранителем приходского имущества на общем собрании прихожан 2.01.1920 г. был избран В. В. Шабун, а свящ. Паштукас не позднее 18.01. того же года отбыл на Родину, в Литву (в действительности священник оставался в приходе по меньшей мере до начала мая 1921 г.). Личное дело римско-католического священника Юстина Юркуна содержит предписание курии от 9.12.1921 г. «возвратиться

на свою должность» во Владимирский приход (было ли оно исполнено – неизвестно). 21.06.1923 г. и.д. настоятеля Нижегородского прихода, заведующим Казанским и Владимирским приходами был назначен свящ. Антоний Дземешкевич, уроженец фермы неподалеку от Орши. О нем прихожане прежнего места служения священника, г. Борисов отзывались как о пастыре, который «заботился не кто сколько даст, а есть ли у дающего на собственное пропитание») [3, л. 58], [4, л. .137, 141, 143], [5, л. 141], [6, л. 27, 33–34 об.].

Строго говоря, цитировавшиеся выше документы – обычная канцелярская переписка, из которой можно косвенным образом увидеть один очень важный для российского католичества 1920-х гг. момент: это т.н. оптация и репатриация, во время которой выходцы из бывшего Царства Польского и Западных губерний, а также Лифляндии и Курляндии, принимали гражданство восстановивших независимость или вновь образованных государств, чьи территории ранее входили в состав Российской империи – Польши, Литвы, Латвии. Нам известно, что во Владимирской губернии до революции было некоторое число французов, бельгийцев и итальянцев, но среди них отъезд в свои родные страны начался еще раньше, и закончился быстрее. Именно этот «исход», происходивший к тому же на фоне почти двукратного сокращения населения г. Владимира из-за тяжелых материальных условий послереволюционной жизни, и определил радикальное уменьшение числа владимирских католиков примерно с 1500 человек в 1917 г. до 500 в 1925 г. [7, л. 1–7], [8, с. 1033], [9, с. 63–68].

Что касается формального выхода из прихода, публичного отречения от веры – подобные случаи нам пока не известны (хотя более чем вероятно, что они были). Возможно, что-то подобное сделал В. А. Брюзати, преподаватель французского языка в бывшей Владимирской мужской гимназии. Этот итальянец, родившийся во французской Ницце[2], после революции работал в 1 и 2 советских школах, в 1923 г. вышел на пенсию, с 1925 г. преподавал английский язык рабочим стекольного завода при ст. Неклюдово. 17.08.1925 г. он просил принять его РКП (б), но вскоре – в том же году – умер [10, с. 135–136].

Мы очень плохо знаем персональный состав дореволюционной католической общины Владимирской губернии, поэтому сейчас сложно сказать, кто конкретно из ее членов после революции пострадал и каким образом. Многие из тех, кого мы – по косвенным данным (например, ономастики, сведениям о местах выхода или приезда в губернию) – могли бы отнести к католическому (в первую очередь польскому)

населению губернии, при тщательной проверке личной документации вполне могут оказаться православными или лютеранами (особенно если вспомнить записку свящ. Франциска Трасуна, депутата Государственной Думы, высланного во Владимирскую губернию в 1896 г. – в ней он прямо говорит о размывании католической общины за счет смешанных браков, при этом сложно представить себе, что ситуация коренным образов изменилась до 1915 г., когда в губернии появились беженцы, а затем и военнопленные времен Первой мировой войны).

Что касается известных во Владимире лиц, предположительно к числу католиков можно отнести известного фотографа В. В. Йодко, автора «Альбомов фотографических снимков с древних церковных зданий в гг. Владимире и Суздале», пожизненного члена Владимирской губернской археологической комиссии, в свое время активного кадета. Известно, что он скончался в начале 1922 г. в концентрационном лагере, куда был отправлен «на время гражданской войны» (причина смерти – сыпной тиф). Другие примеры бесспорно или предположительно «католических» биографий этих лет пока неизвестны [11, с. 33–37], [12, с. 107–113], [13, с. 76–78].

Эпизодический, хотя весьма необычный след оставил в послереволюционной истории палехской миниатюры заведующий художественно-кустарным отделом Нижегородской конторы «Госторга» Ф. Ю. Жоховский, который в 1927 г. рекомендовал местным мастерам сохранить церковную и библейскую тематику «хотя бы и для заграницы» [14, с. 81–88].

О жизни прихода между 1923 и 1928 гг. нам, в целом, практически ничего не известно. Однако архивные материалы указывают на то, что в ходе национализации культовых зданий передача католического храма властям и последующее принятие его во временное пользование по договору прошло совершенно спокойно, как и регистрация общины (31.10.1923 г) [15, л. 45,47]. Это не удивительно: так было практически во всех малых провинциальных приходах, совершенно оторванных от центра Могилевской архиепархии. К тому же их социальная база была очень слаба.

Массовое закрытие храмов во Владимирской губернии прошло в 1927 г., но не затронуло католической общины. В связи с тем, что циркуляры НКВД и НКЮ от 15.04.1927 г. ввели дополнительные требования в договорные нормы по аренде общинами храмов (все работы по содержанию, ремонту, страхованию, налогообложению ложились на сами приходы), становилось понятно, что даже при полной лояльности

советской власти общины с трудом смогут содержать храмы. В 1928–1929 гг. только во Владимире было закрыто 9 культовых зданий, в т.ч. лютеранская церковь [16, с. 24–28]. Однако католический храм по-прежнему продолжал действовать [17, л. 120–123, 126, 196, 197, 201, 202, 209], [18, л. 150], хотя и над ним сгустились тучи.

Комиссия Владимирского Горсовета 08.04.1929 г. в результате технического осмотра здания Римско-Католической церкви составила акт и заключение о закрытии церкви, однако по какой-то причине не передала вопрос выше, о чем Президиуму горсовета 15.05.1930 г. напомнили из Владимирского окружного Административного отдела Ивановской Промышленной области с требованием срочно прислать решение Президиума, в связи с происходившей перерегистрацией религиозных объединений [19, л. 75], [20, л. 74,77], [21, л. 73], [22, л. 77].

25.12.1930 г. Президиум Владимирского горсовета, «имея в виду согласие верующих на передачу молитвенного здания», возбудил ходатайство перед Облисполкомом об утверждении постановления о закрытии храма (Выписка из Протокола № 9 заседания Президиума Владимирского горсовета от 25.12.1930 г., §33, п. 1), изъятии и передаче в Госфонд его имущества (п. 3). Было принято решение «поручить Горкомхозу, ОНО проработать вопрос о переходе в данное здание центральной библиотеки» (п. 2) [23, л. 43]. Однако до сих пор не обнаружено никаких сведений об исполнении решения в части п. 3. 08.01.1931 г. президиум Ивановского облисполкома вынес решение о ликвидации римско-католической общины во Владимире [24, л. 33]. С 1939 г. в здании церкви находился радиоузел [8, с. 1033].

К огромному сожалению, ничего не известно о жизни католиков Владимира после закрытия храма. Есть некоторые сведения об иностранцах, проживавших и работавших в то время в городе. Например, иностранных специалистах завода «Автоприбор», где в 1932–1937 гг. одновременно работало около 20 чел. Всего же за 5 лет – 60 специалистов. Среди них были американцы, австрийцы, немцы, швейцарцы, поляки, итальянцы и эстонцы. Многие из них придерживались коммунистических или левых взглядов и вряд ли отождествляли себя с Католической Церковью. Из 60 инспецов завода «Авиаприбор» в ВКП(б) вступили 15 человек, 14 приняли гражданство СССР, Б. Шафранский сохранил гражданство Австрии, при этом стал депутатом горсовета. В 1937 г. те иностранцы, кому не было дано разрешение вернуться в свои страны, подверглись репрессиям, погибшие в этот период были похоронены на ивановском кладбище «Балино» [25, с. 95–106].

Местных католиков также коснулись репрессии, тем не менее, веру сохраняли во многих семьях. Однако точных сведений не имеется даже в отношении таких известных людей, как заслуженный врач РСФСР И.К.Богуцкая, хирург Ю. Л. Рутковский, кавалер ордена Ленина [26, с. 71] или Л. И. Фаянс, инженер, по проектам которого были произведены работы на Шатурской ГЭС, в Ленинградском торговом порту (арестован во Владимире 25.08.1937 г.), и даже отважного летчика Героя СССР Петра Викентьевича Тарапаты, вся семья которого, кроме 2 репрессированных братьев, похоронена в Владимире. Сам Петр Викентьевич еще в 1930- х гг. уехал из города [27, с. 152–154], [28, с. 33–68], [29, с. 52–56].

О том, что после войны во Владимире все еще оставалось население, исторически, как минимум по семейной традиции связанное с католичеством, свидетельствуют немногочисленные захоронения 1950-х–1960-х гг. [30], [31, с. 35–39].

При весьма специфическом стечении обстоятельств во Владимирском крае оказались католики не россияне. Так, после заключения договора между Германией и СССР от 23.08.1939 г. военнослужащие Чехословакии, оказавшиеся на советской территории, были интернированы и помещены в особые лагеря. Одним из таких лагерей был Суздальский, устроенный в закрытом Спасо-Евфимиевом монастыре. Сюда 20.06.1940 г. из Оранского лагеря были переведены 683 чехословацких военнослужащих. Они вошли в монастырь в национальной военной форме с развернутыми знаменами. 15.07.1940 г. был подписан официальный приказ о создании лагеря интернированных. При том, что чехословаки пользовались в городе достаточной свободой, они часто высказывали недовольство советской антирелигиозной пропагандой и далеко не все симпатизировали советскому строю. В 1941 г. лагерная администрация разрешила им празднование Рождества Христова, при этом из Управления НКВД по делам военнопленных и интернированных пришло распоряжение не устраивать антирелигиозные доклады. В Суздале находился также первый иностранец – герой СССР надпоручик Отакар Ярош, а также герои СССР Антонин Сухор и Рихард Тесаржик.

К 30.06.1941 г. все чехословаки были переведены в г. Бузулук Оренбургской области, где формировался легион под командованием Л.Свободы. В том же году, вскоре после их перевода, в лагере оказались интернированные поляки (1967 человек). 03.09.1941 г. они выбыли во Владимир, оттуда в Татищево, к месту формирования армии генерала В. Андерса .[32, с. 141], [33, с. 136–141], [34, с. 169–173].

После войны лагерей военнопленных, разумеется, стало больше и в них находились уже отнюдь не интреннированные. В Суздальском лагере пленные праздновали Пасху еще в 1948 г., хотя католическая церковь действовала, по всей вероятности, до 1945 г. (в лагере был и временный лютеранский храм: по одним сведениям – в клубе, по другим – в трапезной Успенского храма). Здесь в разное время служили капелланы итальянской армии: свящ. Джованни Бреви, решительно противостоявший антирелигиозной пропаганде и потому оставшийся в лагерях до 1954 г., а также свящ. Агостино Бонадео, Джузеппе Фьоре, Энелио Франдзони, Коррадо Бертольди, армяно – католический священник – иезуит Петрос Аладжанян, капеллан итальянской армии, который 28.06.1943 г. был вывезен из лагеря и 3.08.1947 г. заключен во Владимирскую тюрьму. Из немецких капелланов известен свящ. Юстин Вильберг. Капелланов довольно скоро приравняли к военнопленным офицерам и содержали вместе с ними, поэтому религиозное окормление было доступно только офицерскому корпусу. Прямых антирелигиозных нападок лагерная администрация старалась избегать. Первые богослужения совершались тайно, начались они не позже августа 1943 г., в октябре того же года было получено формальное разрешение служить каждое воскресенье. В суздальском лагере 4 капелланам было разрешено открыто совершать торжество Рождества Христова. Возвращение итальянцев домой произошло в основном в 1946–1950 гг.

После закрытия лагерей постепенно, в 1949–1959 гг., были ликвидированы и кладбища военнопленных (всего 27, 3151 захоронение, многие были похоронены в общих могилах; к настоящему времени сохранилось лишь одно кладбище в г. Камешково) [35, с. 54–55], [36, с. 25,27], [37, с. 105–108], [38, с. 96–99].

В 1940-х–1950-х гг. во Владимирской тюрьме содержались католики – известные политические деятели. Среди них: бывший премьер-министр Литвы А. Меркис с супругой и сыном, министр иностранных дел Литвы Ю. Урбшис с супругой; первый президент Литвы А. Стульгинскис, министр просвещения Литвы И. Тонкунас, министр юстиции Литвы С. Шилингас, супруга эстонского главнокомандующего И. Я. Лайдонера, а также 3 «венгерских шпиона» (Клемент Тибор, Пап Ласло Ене, Шандель Кал, освобождены в 1955 г.) Здесь же содержался «мексиканский шпион» Вадильо Мартинас Эвелио и бывший премьер-министр Польши Я.-С. Янковский. Все они относились к категории т.н. «номерных заключенных», которым разрешалось в любое время спать, читать, иметь собственные книги, гулять дважды в день, но строжайше

запрещалось сообщать кому-либо свое имя (только номер) [39, с. 234–235], [40, с. 70–77], [41, с. 153–156].

18.02.1953 г. в этой тюрьме умер католический священник, главный военный капеллан, премьер министр Литвы Владас Миронас. Здесь же с 16.06.1948 г. находился архиеп. Мечисловас Рейнис, бывший министр иностранных дел Литвы, первый секретарь Литовской академии наук (умер 8.11.1953 г., похоронен вблизи тюремной стены на Князь-Владимирском кладбище). С 1947 по 1954 гг. во Владимире содержался также армяно-католический священник – иезуит Петрос Аладжанян, служивший в Краснодарском крае в 1919–1930 гг., затем эмигрировавший в Италию и взятый в плен в качестве капеллана под Ростовом-на-Дону в 1942 г. [42, с. 56, 101].

В 1948 г. в тюрьму прибыл блаж. архим. Климент Шептицкий, фактический глава (после ареста епископата) Греко-католической Церкви на Украине и экзарх греко-католков России и Сибири (умер 01.05.1951 г. в тюремной больнице, посмертно провозглашен «праведником среди народов мира» за спасение евреев, причислен к лику блаженных 27.06.2001 г.) [43, с. 214].

В послевоенное время храм был переоборудован. Были сделаны перекрытия и в верхнем этаже располагались комнаты коммунальных квартир на 9 семей. Радиоузел размещался в нижней части здания (помещение в 3 окна), а его архив – в колокольне. В 1959–1962 гг. «первая волна» послевоенных жителей здания была расселена почти полностью, на место получивших квартиры вселялись новые жильцы.

В конце 1970-х гг. закрытые храм и приходский дом предполагалось приспособить под выставочный зал. Перед открытием комплекса оставшихся жильцов окончательно расселили. В доме священника открылся «Музей одной картины» с мини-кинотеатром на 50 мест в верхнем этаже. Бывшие приходские службы к этому моменту практически развалились. Радиоузел оставался в церковном здании, в 1991 г. ремонт остановился из-за отсутствия средств [44, с. 253].

Возрождение прихода началось в 1991 г. с В.А.Сириной (польского происхождения) и ее сына Э. В. Сирина. Сначала они установили контакты с городом-побратимом Владимира, Эрлангеном (ФРГ). Тамошний католик Петер Штейгер, женатый на владимирской католичке, оказал первую, хотя и скромную, финансовую помощь и способствовал установлению контакта в городской администрацией. Среди самых первых прихожан были сестры Юлия и Валерия Моспан.

Библиография

1. *Балдин К. К.* Немецкие и австро-венгерские военнопленные в Иваново-Вознесенске в годы первой мировой войны // Рождественский сборник. – Ковров, 2005. – С. 46–52.

2. Национальный исторический архив Беларуси (далее – НИАБ). Ф. 1781, оп. 5, д. 797.

3. Государственный архив Владимирской области (далее – ГАВО). Ф. 590, оп. 8, д. 2.

4. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 826, оп.1, д. 990.

5. РГИА. Ф. 826, оп.1, д. 1568.

6. РГИА. Ф. 826, оп.1, д.2337.

7. ГАВО. Ф. 357, оп. 2, д. 2.

8. Католическая энциклопедия. – М. : Издательство Францисканцев, 2002. – Т. 1.

9. *Морозов Н.А.* Владимир и владимирцы в 1918–1920-е годы (по материалам местной печати и воспоминаниям) // Владимиро-Суздальский музей-заповедник : материалы исследований / Сост. А. А. Тенеткина. – Владимир, 2005. – № 11.

10. Потомок гарибальдийца попросился в большевики // Рождественский сборник. – 2004. – Вып. XI.

11. *Маркова Т. Е.* Издатели открыток с видами Владимира конца XIX-начала XX вв. // Владимиро-Суздальский музей-заповедник : материалы исследований / Сост. А. А. Тенеткина. – Владимир, 2000. – № 6.

12. *Мозгова Т. И.* О роли фотографии в изучении местного края (по материалам 2-й пол. XIX в.) // Материалы областной краеведческой конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Н.Н.Воронина (19.04.2004 г.). – Владимир. 2004.

13. *Мозгова Г. Г.* «Тяжело видеть уничтожение своих трудов…» // Старая столица. Краеведческий альманах. – Вып. 2. – Владимир, 2007.

14. Индустриальный город в палехской лаковой миниатюре 1920–30-х годов // Проект «Манчестер»: прошлое, настоящее и будущее индустриального города : сборник науч. статей. – Иваново : Ивановский гос. ун-т, 2012.

15. ГАВО. Ф. Р–19, оп. 1, д. 232.

16. *Самаркина Ю.Ю.* Закрытие храмов на территории Владимирской губернии в 1927–1929 гг. // Материалы XVIII Межрегиональной краеведческой конференции. – Владимир, 2013. – Т. 2.

17. ГАВО. Ф. Р–24, оп. 1, д. 13, ч. 2.

18. ГАВО. Ф. Р–357, оп. 2, д. 223.

19. ГАВО. Ф. Р–19, оп. 1, д. 428.

20. ГАВО. Ф. Р–19, оп. 1, д. 440.

21. ГАВО. Ф. Р–19, оп. 1, д. 568.

22. ГАВО. Ф. Р–357, оп. 2, д. 223.

23. ГАВО. Ф. Р–19, оп. 1, д. 560.

24. ГАВО. Ф. Р–19, оп. 1, д. 422.

25. Трагедия иностранных специалистов завода «Автоприбор» в 1930-е годы // Владимиро-Суздальский музей-заповедник : материалы исследований / Сост. А. А. Тенеткина. – Владимир, 2003. – № 9.

26. Владимирская энциклопедия: Биобиблиографический словарь / Администрация Владимирской области, Владимирский Фонд культуры. – Владимир, 2002.

27. *Жигулев И., Староверова А., Северьянова А.* Из истории семьи «огненного пилота» П. В. Тарапаты (Материалы поиска учащихся школы № 34).

28. *Миронов И.В.* Записки врача // Исторические очерки переславской медицины: Сборник. – Переславль-Залесский : Переславский совет ВООПИиК, 2007.

29. *Мухина В.А.* Стук захлопнувшейся двери // Записки владимирских краеведов. – Владимир, 2004. – Вып. 6.

30. Алфавитные списки захороненных на Князь – Владимирском кладбище. МБУК Центральная городская библиотека г. Владимира. – URL: http://kraeved33.ru/articles/necropol/guide – book/alphabetical_list_(a – k)/

31. Владимирский некрополь: воинские захоронения / Владимирский Фонд культуры; МУ «Владимирский некрополь»; ред.-сост. В. И. Титова. – Вып. 2. – Владимир, 1999.

32. *Белов Ю.* Эхо Второй мировой войны // Владимир. Литературно – художественный и краеведческий сборник. кн.18. – Владимир, 2005.

33. *Гордеев С. П., Аксенова А. И.* Узники Суздальской Бастилии. – Владимир : Государственный Владимиро-Суздальский музей-заповедник, 2012.

34. *Маркова О. И.* «Чешская страница» в истории Спасо-Евфимиева монастыря (1940–1941 гг.) // Владимиро-Суздальский музей-заповедник : материалы исследований ; сост. А. А. Тенеткина. – Владимир, 1998. – № 4.

35. *Горбунова Н.И.* Итальянские военнопленные Суздальского лагеря № 160. 1943–1946 гг. // Материалы исследований. Сборник № 1. 1996 ; Сост. А. А. Тенеткина. – Владимир, 1996.

36. *Либерман М.* Лагерь военнопленных в городе Владимире // Старая столица. Краеведческий альманах. Вып. 3. – Владимир, 2008.

37. *Маркова О.И.* Лагерь для военнопленных в Суздальском Спасо-Евфимиевом монастыре (1943–1946) // Материалы исследований. Сборник № 1. 1996 Сост. А.А. Тенеткина. – Владимир, 1996 .

38. *Ясашнова Н. А.* Захоронения иностранных военнопленных второй мировой войны на территории Владимирской области // Материалы Межрегиональной краеведческой конференции (28 апреля 2008 г.). – Владимир, 2009.

39. *Гуринович В.* Владимирская тюрьма и политические репрессии. // Боль и память. Книга памяти жертв политических репрессий Владимирской области. – Том 1. – Владимир, 2001.

40. *Гуринович В.Э.* Номерные заключенные Владимирской особой тюрьмы МВД (1944–1955 гг.) // Материалы исследований. Сборник № 3. 1997. Сост. А. А. Тенеткина. – Владимир, 1997.

41. *Закурдаев И.В.* Владимирский централ. История Владимирской тюрьмы. – М. : РИПОЛ классик, 2013.

42. *Джусти М.Т.* Итальянские военнопленные в СССР, 1941–1954 / Под ред. М. Талалая, пер. М. Талалая. – СПб. : Алетейя, 2010.

43. *Ярема Р.* Львовский Церковный Собор 1946 года в свете торжества Православия в Западной Украине. – Киев : КИТ, 2012.

44. *Тихонов А. К.* К вопросу о строительстве и судьбе католического костела во Владимире // Древняя столица история и современность. Владимирские чтения. Материалы международной научно-практической конференции. – Владимир : Издательство Владимирского гос. пед. ун-та, 2006.

2. «Время тяжелых испытаний или печать разорения» (владимирские лютеране и их потомки в годы Советской власти)

Трудно представить себе историю России без значительного вклада в её развитие многих одаренных и известных лютеран. До революции лютеранство было в Российской империи наиболее крупной официально признанной и поддерживаемой государством протестантской конфессией [1].

Количество лютеранских церквей и молитвенных домов в России с 1914 года по 1917 год [2, с. 18]:

Таблица 1

Консисториальный округ	1914 г.	1917 г.		
	церкви	церкви	молитвенные дома	всего
Петербургский	145	167	683	850
Московский	142	150	173	323
Всего	287	317	856	1 173

Среди российских лютеран были представители кадрового офицерского состава, купечества, технической интеллигенции, зажиточного фермерства и даже члены высшей аристократии, состоявшие в родстве с императорской фамилией [1]. Национальный состав лютеран в России в 1917 году (без Финляндии, Прибалтики и Царства Польского) был таким [2, с. 18]:

Таблица 2

Национальность	Петербургский округ	Московский округ	Всего
немцы	415000	490000	905 000
финны	145000	3000	148 000
эстонцы	96000	23000	119 000
латыши	40000	27000	67000
шведы	6000	1000	7 000
армяне	нет	1000	1 000
армяне	1000	1000	2 000

После революции 1917 года многие из лютеран подверглись репрессиям или были вынуждены покинуть Россию. Прекратилась финансовая поддержка со стороны государства. Россия потеряла многих представителей интеллектуальной элиты, не принявших нового режима или не вы-

несших тягот гражданской войны. На 1924 год в Евангелическо-лютеранской церкви России насчитывалось 190 приходов (905 тыс. прихожан), организованных в 17 синодальных округа (пробства).

1926–1928 годы остались в истории русского лютеранства как период репрессий. Последствия репрессий: в 1927 году в СССР было 114 лютеранских пасторов, в 1934 – 45, в 1936 – 8. Для конфессионального самоопределения русских лютеран огромную роль сыграло то, что к середине 1930 годов их церковные институты были полностью разрушены: уже не было лютеранского епископа, ни в одной церкви не проводились богослужения, все церковные приходы были ликвидированы, оставшиеся в живых и не успевшие покинуть страну пасторы – арестованы. К 1937 году в СССР не осталось ни одного лютеранского пастора. В 1938–39 годах были закрыты последние приходы, в которых уже не было пасторов. В ходе национализации имущество всех лютеранских церквей округа было конфисковано. Лютеране утратили какие-либо внешние отличия, утратили те места, где бы они могли собираться вместе именно как лютеране. Им оставалась только тайная молитва и узкий уединенный семейный круг. После революции 1917 года большинству из них пришлось отказаться от своей веры в результате атеистической политики государства. Ситуацию усугубляло то, что информация о репрессиях активно использовалась в антикоммунистической пропаганде в Германии и Финляндии, что в свою очередь позволяло советским властям считать немцев и финнов неблагонадёжными [1].

Как и всем другим, Владимирскому округу пришлось подчиниться политическим требованиям Советов. Община лютеран потеряла свои банковские активы. Капитал кассы церковного округа, предназначенный для его поддержки, перешёл в собственность государства. Церковное здание больше не принадлежало общине, построенное с любовью и на деньги членов общины и их предков, оно теперь стало собственностью государства. Члены общины могли только пользоваться зданием столько и таким образом, насколько это позволял регламентированный договор. Согласно декрету от 16 декабря 1917 года «О гражданском браке, детях и ЗАГСе» церковные венчания и крещения были упразднены. Общинам больше не разрешалось проводить церковные обряды, посвящённые рождению, заключению брака и смерти. Общинам и пасторам нельзя было больше выдавать свидетельств на немецком языке. 21 января 1918 года был принят декрет «Об отделении государства от церкви и школы». 23 февраля 1922 года был обнародован декрет советской власти «О национализации церковного имущества». Лютеранская община была лишена

всех богослужебных принадлежностей, в том числе чаши для причастия. В начале 20-х годов лютеранскую кирху во Владимире закрыли. Об этом свидетельствует небольшая заметка в газете «Призыв» от 22 июля 1925 года «Забытое здание» [3]. 27 марта 1929 года в газете была опубликована заметка «Кирха под клуб печатников» [4]. Корреспондент сообщал, что печатниками возбуждено ходатайство о предоставлении в их ведение здания бывшей кирхи, и президиум горсовета это ходатайство удовлетворил и постановил передать кирху союзу печатников под клуб «для культурных целей». Позднее в помещении бывшей кирхи в 30–40-е годы находилась владимирская контора Кинотреста [5].

С 1957 года во Владимире живет Людмила Генриховна Заславская (Шеффер). Родители её отца Магдалина Михайловна и Петр Адамович Шефер [6] были потомками немецких колонистов, приехавших в Россию в Новгородскую губернию из Тюрингии при императрице Елизавете Петровне. В конце 30-х годов XX века они были репрессированы. Петр Адамович погиб в застенках НКВД, а Магдалина Михайловна провела 2 года в лагере под Киевом. Ее отец Генрих Петрович Шефер был учителем, воевал, но потом был сослан в Челябинск-40. Людмила Генриховна рассказа в интервью, опубликованном в газете «Аргументы и факты» в 2002 году, как образовалась нынешняя община владимирских лютеран: «В свое время существовал клуб при кафедре немецкого языка ВГПУ. Когда он распался, его члены в основном составили общину. После регистрации общины у нас появился штатный пастор Владимир фон Кюнтцель, одновременно исполняющий обязанности пробста – руководителя церковного округа, в котором около 15 лютеранских общин» [7].

Во 2-й половине 80-х гг. в СССР произошли существенные изменения во взаимоотношениях Церкви и государства. Начался период воссоздания церковных структур, возрождения религиозных общин и обретения веры в Бога большинством населения страны. Общее число лютеран в СССР в 80-х годах, по данным Всемирной лютеранской федерации, составляло 250 тыс. чел. В 1980 – 1981 гг. в стране насчитывалось 150 зарегистрированных общин, в 1983–1984 гг. их было уже 180 [8].

Библиография

1. Лютеранство // Религия и духовенство в годы советской власти. – URL: htt://pslavyanskaya – kultura.ru/sssr/religija – i – duhovenstvo – v – gody – sovetskoi – vlasti.html

2. Протестантизм в Оренбургском крае: история и современность. (к 245 – летию образования первой протестантской общины в регионе). Материалы Международной и Всероссийской научно-практических конференций. – Оренбург : ИПК «Университет», 2013.

3. Призыв. – 1925. – 22 июля.
4. Призыв. – 1929. – 27 марта.
5. Призыв. – 1926. – 19 авг.
6. *Шефер Генрих Петрович*. Бессмертный барак. – URL: //bessmertnybarak.ru/books/search/?search=Шефер%20Генрих%20Петрович
7. АИФ. – Владимир–Иваново. – 2002 . – № 52.
8. История Евангелическо-Лютеранской Церкви в России. – URL: http://baznica.info/article/evangelichesko-lyuteranskaya-cerkov-v-rossii/.

3. Евангельские христиане-баптисты во Владимире и области

История возникновения общин евангельских христиан-баптистов во Владимирском регионе берет свое начало от самоорганизующихся российских общин («братств»), духовно связанных с такими традициями «апостольского служения», возникшими 400 лет назад в эпоху Реформации в Нидерландах (1609), распространившись как «духовное пробуждение» в Германию, Великобританию и США. В Российской империи их называли «штундисты», «пашковцы», «Союз русских баптистов Южной России и Кавказа» (1884), «Союз русских баптистов» (1885) и «Союз евангельских христиан-баптистов» (1905).

Во Владимир, согласно воспоминаниям членов общины, в 1906 году из Санкт-Петербурга прибыл Ефим Семёнович Андрианов, член евангелической общины в столице, в доме которого проходили молитвенные собрания верующих, а первое документированное упоминание о христианах-баптистах относится к 1911 году [1]. Владимирские евангелические братства формировались из приезжих немецких фабрикантов, рабочих и служащих, обосновавшихся в регионе, собиравшихся на богослужения с лютеранами в их храме («кирхе»). [2, с. 164–168]. Согласно данным А. В. Даведьянова, основанным на материалах Государственного архива Владимирской области (ГАВО), документированное время появления евангельских общин и баптистов во Владимирском регионе относится к 1911–1913 годам [2, с. 182–183]. Из «Дела о доставлении сведений в Департамент духовных дел иностранных вероисповеданий о старообрядцах и сектантах по Владимирской Губернии за 1909–1910 годы», находящегося в областном архиве, известно, что общая численность евангельских христиан и баптистов в одном только в Меленковском уезде составляла 2469 душ. Первая мировая война, затем революция и приход советской власти способствовали тому, что немцы стали уезжать из России и в целом община протестантов во Владимире стала уменьшаться. По сведе-

ниям А. Мухина, количество евангелистов и баптистов на 1925 год составило 1179 человек (20 церквей) (Владимирский, Ковровский, Муромский, Меленковский, Судогодский, Александровский, Юрьев-Польский уезды), снизившись к 1966 году до 450 человек (9 церквей) [3, с. 29].

Исследователи отмечают, что эти братства, еще начиная с 1884 года, стали квалифицироваться властями как опасные для империи социалистические и коммунистические «секты» [4, с. 217–218]. Такая риторика и формулировки позднее перешли в советские документы, сохраняясь там вплоть до «перестройки» и распада СССР (1991), отразив изменения в практике государственно-конфессиональных отношений, когда властями было осознано, что «сектантство», которое в первые годы советской власти считалось ее лояльным «попутчиком», пострадавшим от «деспотизма самодержавия», на практике оказалось влиятельной социальной силой, способной уводить существенную часть «несознательного» населения страны от «строительства коммунизма» в «религиозный фанатизм» [5, с. 126–127].

Характерные особенности советского отношения к баптистам были представлены в изданной региональным обществом «Знание» во Владимире книге «О состоянии религиозных организаций и религиозности населения Владимирской области». Ее автор А. Н. Мухин относит сообщество евангельских христиан-баптистов к обширной рубрике «сектанты». Он отмечал, что этот термин был изобретен «церковниками», обозначая им «различные религиозные группы, образовавшиеся в результате откола от господствующей в их стране церкви» для того, чтобы «принизить указанные группы, представить их как еретические, отошедшие от истинной религии» [3, с. 26]. Вместе с тем, он сам фактически солидаризуется с упомянутыми «церковниками», включая в таблицу не только «бактистов» (лексика оригинала сохранена), «старообрядцев» или «адвентистов седьмого дня», но «еврейскую» и «римско-католическую» общины, которые в дореволюционных документах никогда не относились к «сектам», но именно к признаваемым властями «вероисповеданиям» и «религиям» [6]. Такое обобщение было возможно только с позиций норм советской идеологии, для которой все, что проявляло самоорганизацию считалось опасным инакомыслием.

Тем не менее, в первые годы советской власти были сформированы «Союз баптистов СССР» (1924) и «Федеративный союз баптистов СССР» (1926), возникли не только дистанцирующиеся от комсомола «бапсомол», «христомол», «трезвомол», но даже проекты «религиозного города» в Сибири («Евангельска», «города Солнца») и практика создания

сельскохозяйственных религиозных трудовых коллективов, коммун, товариществ и колхозов, свернутые уже в начале 30-х годов [7, с. 3–4].

Начиная с 1922 года власть потребовала регистрации общин в горсовете и заключения договора на пользование собственным же храмом, ставшим собственностью государства и Евангелическо-лютеранская община была зарегистрирована 24 сентября 1923 г. Просуществовала она после этого чуть более пяти лет, до 2 ноября 1928 г., когда горсовет ходатайствовал перед губисполкомом о расторжении договора с группой верующих евангелистов-лютеран на пользование зданием лютеранской кирхи. Главным аргументом было не только стандартное «невыполнение обязанностей по ремонту здания и неудовлетворительное техническое состояние», но и обвинение в передаче здания группе евангельских христиан. Законодательство требовало строгого дистанцирования одних общин от других, тогда как сама природа «евангелических братств», исторически возникающих как самоорганизующиеся «конфессии», «конгрегации» и «деноминации», свободно меняющие свое название и организационные союзы, предполагала не столько приверженность «строгой догматике» и обрядовым традициям, сколько практическую деятельность по «апостольскому служению» и проповеди Евангелия.

Лишившись здания, община ушла в «подполье», собираясь по домам верующих. Трудные годы советских репрессий не прекратили существование братства, а в 1944 году, когда произошло общее улучшение отношения власти к ряду религиозных объединений, евангельские христиане соединились с баптистами, образовав «Общину евангельских христиан-баптистов» (ЕХБ). Вместе с тем, термин «секта» по отношению к ним продолжал употребляться в официальных документах, например, в «Справочнике об отдельных религиях в СССР» [8, с. 289–290]. Там сообщалось, что «секта евангельских христиан-баптистов (ЕХБ) образовалась в 1944 году в результате объединения евангельских христиан с бывшим союзом баптистов в один общий союз. К ВСЕХБ в 1945 году присоединились часть пятидесятников, а в 1960 году ряд обществ братских меннонитов. Некоторые, наиболее консервативные и фанатичные верующие среди баптистов, вошедших в союз, не признают этого объединения и устава ВСЕХБ. Так, в 1961 году несколько групп и обществ евангельских христиан-баптистов отделились от ВСЕХБ и выдвинули требования об образовании религиозных объединений без их официальной регистрации... На состоявшихся в октябре 1963 года, а затем в декабре 1969 года Всесоюзных съездах евангельских христиан-баптистов отколовшиеся ЕХБ никакой поддержки не получили».

Примечателен тот факт, что одним из пресвитеров в годы гонений церкви был Алексей Александрович Русаков. По его воспоминаниям, многократно членами общины ЕХБ подавались документы на регистрацию, но всякий раз община, получала отказ по причине своего «сектантского происхождения». Только 18 марта 1967 года Совет по делам религий выдал документ на официальную регистрацию группы ЕХБ.

В 1973 году церковь смогла приобрести здание во Владимире в доме 12 на улице Гражданская, сохранявшееся до 5 ноября 1993 года, когда по ходатайству пресвитера Анатолия Михайловича Коргаленкова горисполком г. Владимира передал Владимирской церкви ЕХБ в бессрочное пользование 2-х этажное деревянное здание по адресу ул. Гражданская, дом 1а. На 1991 год численность общин ЕХБ во Владимирском регионе составляла около 300 человек (12 церквей). По полу община делилась примерно одинаково во всех городах области: 1/3 составляли мужчины, 2/3 – женщины. По возрастным признакам отмечались следующие показатели: дети до 14-ти лет 15%, молодёжь от 14-ти до 25-ти лет – 15%, средний возраст от 30-ти до 50-ти лет 35%, от 50-ти до 70-ти лет 20%, от 70-ти и старше 15%.

Пресвитеры церкви ЕХБ города Владимира (1961–1991):

Русаков Алексей Александрович (1961–1975)

Фёдоров Николай Михайлович (1975–1988)

Каргаленков Анатолий Михайлович (1988–1994)

Библиография

1. *Соколов Ю. В.* Евангельские христиане-баптисты Владимирского края // Гуманитарные научные исследования. – 2017. – № 9. [Электронный ресурс]. – URL: http://human.snauka.ru/2017/09/24363 (дата обращения: 12.01.2018).

2. История религий во Владимирском крае (досоветский период) / науч. ред. Е. А. Плеханов. – Владимир : Изд-во «Шерлок-Пресс», 2017.

3. *Мухин А. Н.* О состоянии религиозных организаций и религиозности населения Владимирской области. – Владимир : Знание, 1966.

4. *Митрохин Л. Н.* Баптизм: история и современность (философско-социологические очерки). – СПб. : РХГИ, 1997.

5. *Потапова Н. В.* Эволюция политики советской власти по отношению к «сектантам» (евангельским христианам и баптистам) в начале 1920-х гг. // Теория и практика общественного развития. – 2014. – № 19.

6. Сведения к форме 26 о иноверцах по городам и уездам Владимирской губернии за 1843 год // ГАВО. Ф. 14. Оп. 1. Т. 5. Д. 5867.

7. *Редькина О. Ю.* Сельскохозяйственные религиозные трудовые коллективы в 1917–1930-е гг.: на материалах европейской части РСФСР : дис. … д-ра ист. наук : 07.00.02. – Волгоград, 2004.

8. Законодательство о религиозных культах : сб. материалов и документов. – М., 1971.

4. Владимирские ассирийцы

С 1920-х гг. во Владимире и ряде городов Владимирской области проживает небольшая диаспора ассирийцев, иногда этот народ неправильно именуют этнонимом «айсоры» [1, с. 64–70]. В старой русской традиции также использовались термины «сирийцы» (не путать с современным определением этого слова, которое применяется к арабскому населению Сирии или жителям этой страны в целом), «сиро-халдеи», «несториане» [2, с. 42–43; 3, с. 2–29].

Исторически ассирийцы, вернее, восточная часть этого древнего народа принадлежали к одному из древних направлений Восточного Христианства – Церкви Востока, официально именуемой ныне Святая Соборная Апостольская Ассирийская Церковь Востока. Иногда она называется «несторианской». Возникла еще в первые века христианства сред арамеоязычного населения Месопотамии. К началу XX в. ассирийцы (восточные сирийцы), жившие в Ванском вилайете Турции и в районе Урмия соседнего северо-западного Ирана, разделялись на два десятка локальных субэтносов, проживавших в горных и равнинных местностях, часто именуемых в разговоре «племенами» («миллет» на ассирийском), различавшихся по своему положению относительно мусульманских властей (зависимые – «райя» и независимые «би-ашират» или по-русски «аширетные») [4, с. 51–57].

Семьи ассирийцев, составившие начиная с 1920-х гг. владимирскую диаспору, попали в Россию в составе беженцев, покидавших христианские области Ванского вилайета Турции спасаясь от чудовищной резни, развязанной в 1914–1918 гг. [5, с. 67–77]. После ухода русских войск из северо-западного Ирана, когда растаяли надежды на присоединение ассирийских районов к христианской России, беженцы стали расселяться по городам в поисках нового жилья и работы. Процесс миграции по городам страны и постепенного оседания происходил все 1920-е и значительную часть 1930-х гг. К этому периоду восходит большая часть ассирийских диаспор городов России, в том числе и Владимирского края.

Возможно, первые ассирийцы приезжали во Владимир еще в начале XX в., и даже ранее в качестве отходников. К сожалению, мы пока не обнаружили никаких свидетельств по этому поводу. Тем не менее, есть сведения, что уже 1901 годом отмечен факт перехода в православие этнического ассирийца из Ирана, прежнего адепта халдео-католического исповедания в соседнем регионе – Рязанской губернии, причем даже не в самой Рязани или каком-либо крупном городе, а в глубинке, в Николо-Бавыкинском монастыре, в Сапожковском уезде [6].

Нам известно, что наиболее ранними ассирийскими поселенцами на территории Владимирской и ряда соседних областей были выходцы из области Джилу (племя джильвая), которые, возможно, могли появиться во Владимире и ряде других городов уже в 1918 – самом начале 1920-х гг. В столице области джильвая было относительно много на раннем этапе местной ассирийской истории, но потом, приблизительно на рубеже 1920–1930-х гг., все они выехали из Владимира. Однако, семьи джильвая, в основном из сел: Алсан – локальная группа аласная, – а также Серпер (Сарпар) – группа серперная, – оставались в регионе и после этого. Первые, включая прежнего главу селения малик-раиса Зайя Нази [7, с. 551], жили в городах Муром, Ковров и Гусь-Хрустальный (до репрессий 1938 г.), вторые – в Александрове.

Существующая доныне ассирийская диаспора Владимира ведет свое начало от приезда в город уроженца села Кочанис, бывшего до весны 1915 г. местом резиденции патриархов Ассирийской Церкви Востока Мар-Шимунов, которого звали Даниил Ишо. Во владимирской ассирийской общине сохранилось предание, что он был еще до Первой Мировой войны направлен патриархом Мар-Шимуном Беньямином в Санкт-Петербург, в Духовную Академию. После трагических событий, обрушившихся на его народ в 1914–1918 г. Даниил Ишо со своей супругой Марьям поселился во Владимире, возле Золотых ворот. К нему, приблизительно в 1925 г. из Москвы переселилась младшая сестра Шмуни со своим мужем Баделем Бит-Ишо, уроженцем с. Севине района Барвар. Ассирийцы последнего представляли собой племя барварная, а жители с. Севине – локальную группу севиная в него входившую. Бит-Ишо поселились в доме на ул. Батурина, в не сохранившемся ныне доме почти напротив нынешнего Государственного Архива Владимирской Области.

Прекрасный знаток истории своих соплеменников в России, заведующий библиотекой Санкт-Петербургской Духовной Академии, архимандрит Стефан (Садо) считает, что во Владимире какое-то время проживал и малик-раис (нечто среднее между князьком и наследственным сельским старостой) с. Севине, которого в ассирийской Среде звали Шавель, а по официальным документам он проходил как Камбар Георгиевич Мирзаев [7, с. 428]. По нашим же данным, он просто приезжал в город, где жили односельчане и какое-то время находился у них. Шавель и в России оказывал настолько сильное влияние на севиная, что последние, жившие после 1925 г. в ряде городов нынешних Владимирской, Ивановской, Ярославской областей, все собирали 200 золотых царских червонцев на калым за новую жену малика, когда в

России он создавал новую семью. В 1925 г. К. Мирзаев избирался от Владимира (по сведениям, полученным автором от представителей ассирийской общины – также и от г. Иваново) на Ассирийский съезд, который проходил в Москве [8, с. 93].

Также в 1920-х гг. во Владимире поселилась семья выходцев из с. Перзален района Гявар, где до 1915 г. проживали ассирийцы племени гяварная, носивших фамилию Гиваргизовы (от имени Гиваргиз = Георгий). Судя по тому, что они поселились также как семья Даниила Ишо, у Золотых ворот, в одном из несохранившихся ныне домиков, они могли перебраться в город ранее уроженцев Барвара – когда в центре города были еще свободные дома, стоявшие пустыми после событий Революции и Гражданской войны и поэтому легко предоставляемые беженцам городскими властями. В 1932 г. из Майкопа,во Владимир переселилась семья Юхановых, уроженцев горной ассирийской местности Хананис (группа ханса). В 1938 г. тайно из Ирана, куда они на какое-то время уезжали из России, во Владимир приехали ассирийцы Лазаревы.

Мы полагаем, учитывая тот момент, что поначалу беженцы старались держаться компактно, группами семей родственников и односельчан, что ранее, в 1920 – х, семей, принадлежавших к группам барварная (из с. Севин) и гяварная было значительно больше, но основная их масса на каком – то этапе покинула город и остались лишь единичные семьи, упомянутые нами выше.

В 1938 г. многие ассирийцы Советского Союза, включая и проживавших во Владимире и нынешней Владимирской области, подверглись политическим репрессиям [9, с. 92, 179, 188, 193, 249, 252, 326, 550–551, 559]. Стандартными обвинениями по отношению к людям, большинство из которых являлись официального гражданами Ирана, который претендуя на сопредельные турецкие земли активно раздавал христианским беженцам, происходящим из них, свои паспорта, были шпионаж, антисоветская деятельность и агитация. Часто аресты проходили по следующей схеме: арестовывался глава семьи, старший совершеннолетний сын и, иногда, супруга главы семейства.

После Великой Отечественной войны формирование небольшой ассирийской диаспоры во Владимире продолжилось, хотя город покинули дети Даниила Ишо, уехавшие во Львов. В 1950 г. приехал Беньямин Даведьянов, женившийся на представительнице одной из прежде осевших в городе ассирийских семей. После 1967 г. в город приехали из Казахстана, куда их в 1930 – х гг. отправили в ссылку из Краснодарского края, семьи двух братьев Хаушаба, сначала Семен, а уже в начале

1970-х – его брат Слыву, принадлежавшие к локальной ассирийской группе нудызная. Также из казахстанской сталинской ссылки во Владимир приехали в начале 1970-х гг. Павлос Хамму и Завзан Бархо. Так, в целом, оформилась владимирская городская ассирийская диаспора, существующая до настоящего времени.

Помимо Владимира, на территории области в 1920-х гг. ассирийцы поселились в городах: Муром [9, с. 550–551], Александров [9, с. 92], Ковров [9, с. 179], Юрьев-Польский [9, с. 559], Кольчугино, Гусь-Хрустальный, Собинка [9, с. 193], Киржач [9, с. 326]. Возможно, в этот список можно было бы включить и еще ряд городов, но пока никакой информации об ассирийцах – беженцах волны 1914–1918 гг. более не обнаружено. Относительно крупные сообщества, по несколько семей каждое, проживали в Муроме и Александрове, в других же случаях диаспоры могли состоять из одной – двух семей. Большая часть этих обществ быстро прекратила свое существование после ареста глав семейств и выезда к родственникам в другие регионы их жен и детей.

Вместе с ассирийскими беженцами в Россию прибыло и духовенство церквей некоторых сел, откуда те происходили: священники (каша) и диаконы (шамаша). Нам на данный момент не известен ни один представитель духовенства Церкви Востока, кто с 1920-х гг. поселился бы во Владимире или каком-то еще городе Владимирского края. Однако, таковые лица, принадлежавшие к тем же сообществам, что и представители владимирских областных диаспор, проживали в соседних регионах. Среди группы выходцев из с. Севине в России оказался и диакон церкви Мар-Курьякус – Яку Хенно. Он поселился среди группы прежних односельчан в Москве, в Уланском переулке, прожил достаточно долгую жизнь и умер уже в 1960-х гг. Этот шамаша являлся родственником владимирских севиная и поддерживал с ними тесные отношения до самой своей смерти.

Также не так уж и далеко от Владимира, в городе Кинешма Ивановской области, с момента возвращения из Ирана в 1960-м и до своей смерти в 1984 г. жил шамаша с. Алсан, входившего в область Джилу, Матвей (Мамат) Ишо. До своего ареста в 1938 г. и последовавшей за ним высылки в Иран, этот шамаша также жил с 1925 г. не так далеко от территории современной Владимирской области (в то время – часть Ивановской) в Костроме [9, с. 364].

В отсутствии церкви и священника шамаша мог совершать моления по книгам или по памяти для своих единоверцев, а также разъяснять мирянам вопросы, связанные с верой, разрешать споры и прочие

вопросы. Диаконы Яку и Мамат также могли играть такую роль не только в городских диаспорах, в которых проживали, но и для представителей своих кланово – племенных сообществ, разбросанных по разным городам, включая и находящиеся на Владимирской территории. Информации об ассирийских священниках (каша), принадлежавших к локальным группам ассирийцев, представленным на территории рассматриваемой области, оказавшихся в России, у нас нет.

Из прежних религиозных праздников, идущих из сел в местах традиционного проживания, владимирские ассирийцы наиболее почитали Светлое Христово Воскресение – Пасха (ассир. – Айда Гора), Мар – Гиваргиз (Святой Георгий, у ассирийцев – 6 мая и первый понедельник после 14 ноября) и Мат-Марьям (Святая Мария, 28 августа, соответствует православному Успению Пресвятыя Богородицы). Помимо этих общих почитаемых дней, у каждой группы ассирийцев был свой, называвшийся в России уже на русский манер «престольным», праздник. которому в исходном селении был посвящен храм. Как мы упомянули выше, в с. Севине, в Барваре, был храм Мар-Курьякус (Святого Кирика) и севиная отмечали этот день. Жившие, по крайней мере в 1920–1930- х гг., в Муроме, Гусе-Хрустальном, Коврове и ряде других городов выходцы из с. Алсан наиболее чтили праздник Мат-Марьям и Марезе (Мар – Зая = Святой Исайя, 26 сентября).

На религиозные праздники всегда готовилась, как обычная ассирийская кухня, так обязательно и особые блюда, из которых можно назвать мертоха и гяриса. Последнюю всю ночь варили уважаемые мужчины из пшенной крупы и петуха, перемешивая во время этой варки приготавливаемое блюдо всю ночь. Петух разваривался почти полностью, до небольших костей. Мертоха считалась священным блюдом, которое варили из муки и масла изначально также наиболее уважаемые члены ассирийских семей. В России перед тем как варить мертоха, мужчины, работавшие на грязных работах (чистильщики обуви и др.), специально шли в парикмахерские, чтобы при помощи маникюра полностью очистить от въевшейся грязи ногти и вообще руки. В более позднее время, прежде всего для угощения на праздник детей, мертоха делали сладкой.

Даже в годы наиболее страшных гонений на веру, ассирийцы старались в обязательном порядке крестить всех детей, венчать молодых и отпевать усопших. Для этого обращались к священникам, в храмы Русской Православной Церкви. Постепенно значительная часть рос-

сийских ассирийцев, включая и некоторых из живущих во Владимирском регионе, стали считать себя православными. Старожилы рассказывают, что, когда еще были живы последние пришедшие из мест традиционного проживания священники и диаконы, они, не имея особо возможности открыто осуществлять в условиях безбожного государства свою духовную деятельность, сами поощряли свою паству к обращению за таинствами в православные церкви.

После официальной регистрации религиозного общества и построения в 1990-х гг. в Москве храма Мат-Марьям Ассирийской Церкви Востока, часть владимирских ассирийцев стала ориентироваться на этот приход традиционной для своего народа ветви христианства.

У ассирийцев до настоящего момента сохранилась тенденция, в случае вступления молодых в смешанный брак, выбирать именно партнеров, принадлежащих к христианским народам, чаще всего – именно к восточно – христианскому миру.

Библиография

1. *Скоробогатов В*. Айсоры в СССР // Просвещение национальностей. – М., 1931. – № 1.

2. *Шелковников В.* Происхождение и современный быт сиро-халдейской народности // Известия Штаба Кавказского военного округа. – Тифлис, 1904. – № 3–4.

3. *Маевский В. Т.* Несториане Ванского вилайета (поездка 1898 года) // Известия Штаба Кавказского военного округа. – Тифлис, 1913. – № 35.

4. *Шедд У. А.* Айсоры // Известия Кавказского Отдела Императорского русского географического Общества. – Тифлис, 1903. – Т. 16.

5. *Думбис.* Айсоры // Новый Восток. – М., 1923. – № 3.

6. Присоединения к православию // Рязанские епархиальные ведомости. – Рязань, 1901. Часть официальная.

7. *Садо С.* Мартиролог ассири1цев СССР (1920–1950-е годы). – СПб., 2017.

8. *Садо С.* Материалы к биографическому словарю ассирийцев в России (XIX – середина XX века). Изд. 2-е. – СПб., 2006. – С. 93.

9. *Садо С.* Мартиролог ассирийцев СССР… С. 92, 179, 188, 193, 249, 252, 326, 550–551, 559.

5. Езиды во Владимирском крае в советское время

До 1981 года свидетельств о присутствии езидов («видящих Божий путь») во Владимирской области нет. Их религия, называемая «Шарфадин», считается одной из древнейших монотеистических традиций мира, восходящей к духовным культурам Месопотамии, зороастризма и Авесты [1]. У этого народа очень сильны родственно-общинные связи, уважение к традициям, желание держаться – жить и работать –

вместе и сохранять свою национальную идентичность. Так что они знают друг о друге практически все. И, по их данным, езидская община, сейчас насчитывающая порядка 700 с лишним человек, в регионе начиналась со строительной бригады Качаха Фарамазовича Абасяна. Будучи жителем Армянской ССР, Абасян организовал строительно-ремонтную бригаду преимущественно из родственников – езидов (например, с ним работал двоюродный племянник Халиль Усубович Гасоян), искал для нее заказы по всей стране – в том числе в центральной части РСФСР – и так в итоге оказался сначала в Иванове, а потом и во Владимире.

К 1988 году Самвел Мстоян решил окончательно осесть во Владимире и организовал уже собственную строительную бригаду – тоже из приехавших из Армении родственников: отца Саида Ахмедовича, родного дяди по отцу Ширина Ахмедовича, брата Гаго. Репутация у бригады была хорошей, заказы поступали, и заработки позволили Самвелу Мстояну в 1990 году купить свое первое собственное жилье во Владимире, куда он перевез из Армении семью – жену Кудрат Кадоевну и, к тому времени, уже четверых детей. Все они – Зине, Эвелина, Нина, Азиз – учились в средней школе № 8, трое из четверых уже обзавелись супругами и детьми и до сих пор живут сплоченной семьей во Владимире. Трудностей в адаптации во Владимирской области езиды в советское время не испытывали, утверждает Мстоян, чтя свои традиции, но уважая чужие и работая на совесть и, возможно, именно поэтому отмечая неизменно доброжелательное к себе отношение. Однако владимирская община езидов оставалась крохотной по размерам (буквально пара десятков человек – все родственники) вплоть до распада СССР. Это уже потом во Владимирскую область – к уже обжившимся там своим – потянулись езиды из бывших республик СССР, в основном из Грузии и Армении. Кстати, практически все они состоят в той или иной степени родства. Около 300 езидов в итоге выбрали для места жительства город Владимир, остальные расселились по разным районам Владимирской области.

Главное в жизни любого езида – это семья. В культуре и традициях езидов брак – это на всю жизнь, женщины играют значительную роль и почитаются, хотя безусловно должны подчиняться отцу и затем – мужу, а родственные связи – нечто святое. Семьи в езидском обществе стараются как можно чаще собираться все вместе за накрытым столом (хотя у езидов в принципе в традициях гостеприимства заложено приветливо и хлебосольно принимать гостей любого этноса и вероисповедания). Для езида норма – быть в курсе жизни всех – как близких, так

и дальних родственников, обязательно помогать друг другу, если это требуется. Заботиться о своих близких – это вообще национальная черта: если езид не сможет обеспечивать семью всем необходимым, он сам себя уважать не будет.

Главный праздник в жизни езидов – Пасха, по – другому айд. На айд помимо других традиционных блюд езиды готовят клоч – вариант христианского кулича. В году несколько айдов, но два особенно важны – в декабре и феврале. Перед ними обязателен строгий трехдневный пост: когда с восходом солнца нельзя ни есть, ни пить, ни, разумеется, курить. Примечательно, что смотреть в зеркало в пост тоже категорически нельзя.

Долгое время езидов называли обособленной группой курдов [2, с. 594]. В последние годы езидов на международном уровне признали представителями отдельной этноконфессиональной группы [3]. Причем, значительную роль в этом сыграли усилия востоковедов Армении – страны, откуда и приехало большинство владимирских езидов.

Библиография

1. *Роман Авдоян* Издана первая книга о религии езидов. – URL: http://www.newsru.com/religy/20may2016/yazidi_religion.html).

2. *Усоян Х. Р.* Йезидизм // Энциклопедия религий. – М. : Академический проект, 2008.

3. Кто такой езид? Национальность езиды: корни, вера. – URL: http://fb.ru/article/203030/kto-takoy-ezid-natsionalnost-ezidyi-korni-vera).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Осуществленное исследование позволило на конкретном историческом и краеведческом материале показать содержание, способы и результаты проводимой советским государством политики в отношении религии и церкви. Классовый подход к оценке социальных явлений вылился в отрицание права религии на существование в качестве легитимной формы духовной жизни. Конституционный принцип отделения церкви от государства, предполагающий светский характер политических и гражданских отношений, на практике реализовался разрушением церкви как социального института. Декларируемые гарантии прав советских граждан часто оборачивались массовыми нарушениями их права на свободу вероисповедания. Идеологическая враждебность к религии нередко трансформировалась в политические преследования священнослужителей и верующих. Право граждан на свободу собраний и объединений, как правило, не касалось конфессиональных сообществ и организаций. Большая их часть была вынуждена существовать полулегально на положении «сектантских» образований, к которым официальная наука относила общины баптистов, старообрядцев, адвентистов седьмого дня, иудеев, католиков, представителей других вероисповеданий. Все это определяло тот негативный социальный фон, который окрашивал государственно-конфессиональные отношения в советский период истории нашей страны.

Вместе с тем исторический материал свидетельствует об определенной эволюции в отношениях советского государства с религиозными конфессиями и, прежде всего, с Русской православной церковью. Период религиозных свобод первых послереволюционных лет быстро уступил место воинствующему атеизму и «пятилеткам безбожия», отмеченным массовым закрытием храмов и политическим репрессиями в отношении священнослужителей и верующих. Только трагические испытания Великой Отечественной войны, показав социальную значимость церкви и мощный патриотический потенциал религиозной веры, на время изменили характер государственной политики. Политическая «оттепель» конца 50-х–начала 60-х годов не только не коснулась церкви, но, напротив, оказалась новым этапом непримиримой борьбы с религией. Последующий период научно-технической модернизации страны, разрядки международной напряженности, демократизации политической системы характеризовался более терпимым отношением к религии. Для укрепления позиций страны на внешнеполитической

арене советские власти стремились использовать международные связи и высокий авторитет РПЦ. Это потребовало признания церкви автономным социальным институтом, придания государственно-конфессиональным отношениям правового характера, либерализации сферы религиозной жизни.

На «излете» советской эпохи тенденции правовой и социальной легитимации религии не могли реализоваться в последовательной и завершенной форме. Лишь в начале 90-х годов в связи с радикальными экономическими и политическими трансформациями советского общества начинается возвращение церкви в активную социальную жизнь, открываются возможности для свободного религиозного самоопределения и вероисповедания людей.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

**Религиозные организации,
действующие во Владимирской губернии в 1925 году**

Уезды	Населенные пункты	Кол-во групп	Кол-во человек
	Старообрядцы		
Владимирский	г. Владимир	2	146
	с. Перники	1	62
	с. Соколово	1	98
	с. Борисово	1	76
	с. Князино	1	188
Итого:		6	570
Вязниковский	г. Вязники	1	67
	д. Ларионово	1	410
	д. Микшево	1	94
	д. Злобаево	1	74
	д. Рытово	1	112
	д. Дубки	1	97
	д. М. Быковка	1	58
	с. Мстера	1	290
	д. Выезд	1	82
	д. Красново	1	101
Итого:		10	1380
Ковровский	г. Ковров	3	1790
Итого:		3	1790
Меленковский	г. Меленки	1	73
	д. Илькино	1	103
	с. Войново	1	143
	с. Дубцы	1	60
	с. Тащилово	1	50
	с. Прудня	1	24
	с. Конаново	1	65
Итого:		7	715
Всего по губернии старообрядцев		36	4530
	Евангелисты		
Меленковский	г. Меленки	1	60
	с. Синжаны	1	138
	с. Мордвины	1	72
	с. Словцово	1	50

Уезды	Населенные пункты	Кол-во групп	Кол-во человек
	с. Злобино	1	56
	с. Левино	1	57
	д. Савково	1	89
	д. Толстиково	1	85
Итого:		8	588
Муромский	г. Муром	1	30
Юрьев-Польский	г. Юрьев-Польский	1	35
Александровский	г. Александров	1	35
Итого:		4	123
Всего по губернии евангелистов		14	793
	Баптисты		
Владимирский	г. Владимир	1	45
Муромский	г. Муром	1	30
Меленковский	д. Коровино	1	92
	с. Дмитриевы Горы	1	71
Судогодский	г. Судогда	1	40
Александровский	г. Александров	1	35
Всего по губернии баптистов		6	313
	Еврейская		
Владимирский	г. Владимир	1	51
Ковровский	г. Ковров	2	103
Муромский	г. Муром	1	75
Всего по губернии еврейских		4	229
	Римско-католическая		
Владимирский	г. Владимир	1	50
Всего по губернии римско-католических		1	50

Приложение 2

Комментарий к принятой 18.5.1929 года XIV Съездом Советов новой редакции 4-й статьи Конституции РСФСР

Принятая Съездом Советов новая редакция 4-й статьи Конституции гласит:

«В целях обеспечения за трудящимися действительной свободы совести, церковь отделяется от государства и школа от церкви, а свобода религиозных исповеданий и антирелигиозной пропаганды признается за всеми гражданами».

Таким образом, слова «свобода религиозной пропаганды» заменяются словами: «свобода религиозных исповеданий».

Как и по прежнему закону, каждый гражданин может исповедовать любую из существующих религий или не исповедовать никакой. Это его личное дело.

Однако новая редакция статьи 4-й уточняет объем и характер той деятельности, которая до сих пор толковалась религиозниками и церковниками различных толков как право под видом религиозной пропаганды вести антисоветскую агитацию и борьбу с любыми мероприятиями советской власти, прикрывая эту пропаганду текстами из своих церковных книг и ссылками на церковные обычаи и христианскую мораль.

Замена в законе понятия свободы религиозной пропаганды словами «свобода религиозных исповеданий» указывает на то, что деятельность верующих по исповеданию своих религиозных догматов ограничена средою самих верующих и рассматривается как тесно связанная с отправлением религиозного культа той или иной терпимой в нашем государстве религии. Привлечение же новых кадров трудящихся, особенно детей, в число сторонников религии (чего, конечно, можно достигать лишь спекулируя на их экономической зависимости, на недостаточной классовой сознательности или на отсутствии у них элементарного научного образования), каковая деятельность несомненно вредна с точки зрения интересов пролетариата и сознательного крестьянства, конечно, никоим образом не может находиться под защитой закона и охватываться понятием «свобода религиозных исповеданий».

Всякая, следовательно, пропагандистская и агитационная деятельность церковников и религиозников (и тем более «миссионерская») не может рассматриваться как деятельность, разрешенная им законом о религиозных объединениях, а напротив, рассматривается как выходящая за пределы охраняемой законом свободы вероисповедания и подпадающая под действие уголовных и гражданских законов, поскольку она им противоречит.

Ограничивается и самый район и объем деятельности религиозных проповедников и служителей культа той территорией, на которой проживают члены обслуживаемого этими проповедниками религиозного объединения и местонахождением молитвенного здания.

Самое культовое имущество также используется лишь на территории проживания членов религиозного объединения и не может быть использовано для обслуживания граждан других территорий.

Все религиозные объединения каких бы то ни было культов в правовом отношении стоят в одинаковом отношении перед законом.

Приложение 3

Четверг, 30 января 1930 г., № 24 (190) ГОЛОС ТРУДА 5

ЦЕРКОВЬ—ПОМОЩНИК КУЛАКА

Переходя в решительное наступление на кулака вырвем из-под влияния церкви бедняков и середняков

ЭНЕРГИЧНО ВЕСТИ АНТИРЕЛИГИОЗНУЮ РАБОТУ

Раскулаченные покупатели еще верят в бога

Колоссальный трезвон в рождество

Как на старом, в переходном районе нашего округа—в Гавайском районе сплошной коллективизации, в этом форпосте социалистической передачи деревни, еще живет вера в бога. Правда, это сохранился и отсталой части крестьян. Но все же переходных покупателей следовало бы быть в этом непосредственно.

Так, где строятся новые деревни—поселение нет вести, они должны быть богаты. Церкви в районе сплошной коллективизации должны быть закрыты.

Гунёвец.

Всей командой—в союз безбожников

Пожарная команда фабрики „5-й Октябрь" вступила в ячейку безбожников и написала газету „Безбожник" на шесть мес. Их примеру последовала команда военизированной охраны. Последняя выписала 35 экземпляров „Безбожника", 30 из которых отдала для раздачи по деревням.

Отрадными явились разоблачения остающихся и отрадных на это мг.

КАЗАНОВ

Последний хлеб продадим, а церковь поддержим

В сплошной деревне (Харьковский район) проходило общее собрание верующих. Собрание созвано было для перевыборов старосты и церковного совета. С речью выступил инвал. И. С. Бушуев (по дер. Жердевка).

— Православные! С вас требуют 1.500 рублей страховых, но у вас таких денег нет. Посчитайте, кто чем может. Если у вас таких денег не осталось, церковь — „мать ваша"—Бирюков...

Церковный совет единогласно вступил.

Собравшиеся рассорились (присутствовало около 150 человек). Первая закричала Ефимова Д. С. (продукты), как только узнала о коллективизации деревни, продал корову, куп. со с сыном работают на стороне — зажиточная, работницу держать.

— Надо собрать!..

— Во что бы то ни стало!

Другая Хромова — тоже зажиточная.

— Срок дать до крещения.

— Сдавать деньги старосте. Сколько кто может.

— Помним последний хлеб на базар, в деньги внесем...

И все за деньги Богородица и Христа-спаса пришлось тянуться бедноте.

Если бы крестьяне так решительно относились к коллективизации, как дело работы, а наших задачах, и пятилетке, мы сумели бы пятилетку выполнить в 4—3 года. Крестьяне, подумайте, кому вы помогаете! Собрали эти деньги на вашу культурную кружку.

Ретеев

Удовлетворить требование учеников

500 УЧАЩИХСЯ КОЛОМЕЙЦЕВСКОЙ ШКОЛЫ 1-й СТУПЕНИ ЕДИНОГЛАСНО ТРЕБУЮТ ЗАКРЫТЬ ЦЕРКОВЬ И СЕЛЬСКИЙ КЛУБ И СДАТЬ ИХ ПОД КУЛЬТУРНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ. КОЛОКОЛА УЧЕНИКИ ПРЕДЛАГАЮТ СДАТЬ В ПРОИЗВОДСТВО.

Строителям религия не нужна

Члены союза строителей в Юрьево-Полесском выразили об окончательном разрыве с религией и прекращении прежними религиозных предрассудков.

Одновременно строители постановили закрыть городские церкви, передав их под культурные учреждения, а колокола—в фонд индустриализации.

На племя...

Чудное дело творится в селе Старая Слобода. Крестьяне постановили закрыть церковь. Закрыли. Но... иконы оставили для выполнения церковных треб.

Не знаем кто как—то, какой же смысл закрывать церковь, продолжая выполнять религиозные обряды?

А. Наваров.

Разрушим гнездо „анитовщины"

Сектанты устраивают нелегальные собрания.— Попавские подпевалы и подпучайники срывают коллективизацию

В селении Бегунки и Скобе, Переделкинского района, возникло крупное кулацкое движение. Под руководством приезжего из Сызрани Островской волости попа организовалась секта „анитовщина". Эта секта сама разрушительную пропаганду распространяет не только выполнения сыгравшего, но и добровольного сельхозналога.

По почам в Бегунках устраивались нелегальные собрания, где выпускали этой секты и местные кулаки. „Проповедник" эти собирались у благочестивой старушки Шкуриной. Что на этих собраниях было—доходили интуитивно. Это известно научным попечением кружка.

И нужно сказать, что попы работают успешно. Под верным руководством „верных" организуется собрания по вопросу коллективизации в деревнях багряновского и добровольского сельсоветов стреляется.

Сижу эту надо немедленно запрещать. Иначе она может нанести большую контр-революционную силу.

Крестьянин.

Антисектантские крестьяне порывают с религией

Крестьяне деревни Дексеновки (Александровского района) провели собрание, на котором выступили докладчик о происхождении „рождества". Хотя каждую религиозную они по-своему поняли.

„Настоящие доклад о происхождении „рождества", мы считаем как рождество, так и все религиозные праздники пустой потерей, которые нам крестьянам причиняют много. Мы считаем необходимым с нашей работе закрыть все церкви, как контрреволюционные очаги, передав их под культурные учреждения. Выступили в члены союза безбожников для лучшей борьбы с религией".

Вместо бабушки

Гони попа в дверь...

Он на порога пять будет

Антисектантская агитация бакинского „пруда"

В селе Ганжа, Александровского района, в день „крещенья" местный поп со своим причтом обходил село. Со „святой" водой он, ходя из дома в дом, собирал советские рубли. Некоторые из крестьян, главным образом колхозники, поили прилать не желали. Но бестыжему батю это не смутило. Он, не спросив разрешения хозяев дома, заходил на дворе.

После нескольких слов, путаных проповедей, самая которых понять невозможно, батя обращался к хозяевам дома.

— Постоим за бога и церковь... Если мы верующие, нарвем, можем не пожелаем, то нравственно сделать нашего не может.

„Постоять за церковь" он просит в каждом доме.

Благодаря антисектантскому совету, как попу по дворам было нарушено.

Школы попенской агитации вполне оказываются.

Крестьяне закрыть церковь сначали, но безрезультатно. Теперь, сельская часть села помощь брать верх.

Существующую из бунте бакинскую хиббу безбожники необходимо встряхнуть и сказать: у нас, что называется, под носом поп хулиганит остальных крестьян.

Бакинский.

Безбожная работа просвещенцев хромает на обе ноги

Стало заведомо то, что безбожная пропаганда для бюджетной работы только перед праздниками рождества и пасхи.

Однако, никакие организационные меры осветительную безбожную особенно вывести нельзя. Руководство как со стороны окружного союза сейчас нет. Нет его и со стороны райОНО и райОНО.

Школы очень плохо снабжены антирелигиозной литературой, нет никаких по антирелигиозной работе у учителей. Президиум союза рабпрос, обсуждал вопрос участия просвещенцев в безбожной работе, отметил ряд вопиющих безобразий.

Нужна, например, сейчас литература о движении среди батистов, свидетелей Иеговы и т. д., нужна литература о ремесле волшебного „бога" среди безбожников. Ни того, ни другого нет и безбожники совершенно не имеют представления, какими силами расколоть религиозные различных толков. Многие школы вступили в соревнование, но почти нигде в решении не включены пункты об антирелигиозной работе. Родители к антирелигиозной работе через школы не привлечены. Курсы, которые организуются для безбожников, дают немного. Недавно в Коллективно возвратился с областных курсов товарищ, который формально получил звание безбожного инструктора, а на деле оказался совершенно безбожником. Нет обмена опытом по безбожию, между школами.

Союз рабпроса обратился во все местности с предложением работать в безбожной работе решительного перелома и сделать ее массовой. Предложено в школах выделить и создать новые безбожные кружки, вовлечь в них родителей.

Строителям религия не нужна

Члены союза строителей в Юрьево-Полесском выразили об окончательном разрыве с религией и прекращении прежними религиозных предрассудков. Одновременно строители постановили закрыть городские церкви, передав их под культурные учреждения, а колокола—в фонд индустриализации.

ТРЕВОЖНЫЕ ВЕСТИ

О ПОДГОТОВКЕ К ВЕСЕННЕМУ СЕВУ

СОРТИРОВКИ ЕЩЕ НЕ ПРИВЕДЕНЫ В БОЕВУЮ ГОТОВНОСТЬ!

ТОЛЬКО ДЕСЯТЬ ПРОЦЕНТОВ СЕМЯН ОТСОРТИРОВАНО

Краснознаменские сортировки еще не „разворачивались" | **Быстрее двигать ремонт машин в колхозах**

189.386 и 18.687...

Сухие, но в то же время очень яркие убедительные цифры. Они жалкий укор нашему округу. Они показывают тем, что на местах не могут в столь ежевой обстановке, какую мы переживаем сейчас, в обстановке сплошной коллективизации — не могут перестроить свою работу по-боевому.

Нужно в весне отсортировать

— 189.386 центнеров семян.

А на двадцать первое отсортировано

— 18.687 центнеров.

Поверьте цифры! Для вертолетов осталось не больше 2 месяцев. А отсортировано всего 10—12 процентов! Эти поверьте цифры должны сорвать наши ряды, как величайшие быстро мобилизовать все силы на самое боевые, на самые важные участки весеннего сева.

И все-таки нам не хочется огорчать. Предоставим слово председателю колхоза-поздравителя работников.

— „Нам некогда, все время занято колхозниками" (?).

— „Еще успеем"...

— „Зачем сейчас сортировать, можно семена испортить"...

Устная парадно-поздравительная работников говорит большую все неприятную работников округа.

Еще в Гавриловом-Ямском районе отсортировано более или менее приличная часть семян: из 24 тысяч почти 3 тысяч центнеров семян, почти 30 проц.

Есть районы, где положение еще более плачевное.

Нагорье. Нужно отсортировать 12.203 центнеров сева, из 21-е сортировано 602 центнера (только 5 процентов). Нужно отсортировать 3.285 центнеров льна, отсортировано 325 центнеров. (Опять менее 10 процентов).

Александров. Здесь уже совсем неприятный процент. Должно пройти через сортировки 30.814 центнеров. Очищено всего 130 центнеров.

Дурные дела в Переславском районе. Здесь из 27.616 центнеров семян, которые будут брошены весной в землю, через сортировки пропущено уже 7.200. Это уже около 25 процентов!

И вот-таки даже в наиболее благополучных районах. Гаврилово-Посадском и Переславском, в то процентовка все среди. Даже председатели для очистки семян полностью освобождаются еще и тем, что вместо сортировки. И завтра будут расчитывать на зерно в ближайшие же часы.

Пора на решает нужно время!

У нас сортировки сосредоточены в трех руках: у колхозов, в посевных товариществах и у единоличников.

О сознании хранения сортировок свидетельствует „Голос Труда" уже писал.

— Хлынет колхозов в силу.

Конечно этого сказать про посевные товарищества, про единоличников, нельзя. Но и здесь еще не приступали к ремонту. О ремонтных мастерских нечего еще и не слышно.

В ближайшие время в деревню должны поехать ремонтные бригады рабочих. Из 45 бригад посланных в деревню, 14 будет ремонтные. Они помогут быстрее двигать дело сортировки.

Но надежда на рабочую помощь — нельзя бездействовать. Пора колхозникам все местные возможности.

Дело сортировки не ждет. Надо сейчас же начать проводить в бочку готовность сортировок в колхозах и сортировки посевных товариществ.

Наши „разворачивать" и мобилизовать, самодеятельность в земельных обществ!

Время не ждет.

Разрушим гнездо „анитовщины"

Сектанты устраивают нелегальные собрания.— Попавские подпевалы и подпучайники срывают коллективизацию

В селении Бегунки и Скобе, Переделкинского района, возникло крупное кулацкое движение. Под руководством приезжего из Сызрани Островской волости попа организовалась секта „анитовщина". Эта секта сама разрушительную пропаганду распространяет не только выполнения сыгравшего, но и добровольного сельхозналога.

По почам в Бегунках устраивались нелегальные собрания, где выпускали этой секты и местные кулаки. „Проповедник" эти собирались у благочестивой старушки Шкуриной. Что на этих собраниях было—доходили интуитивно. Это известно научным попечением кружка.

И нужно сказать, что попы работают успешно. Под верным руководством „верных" организуется собрания по вопросу коллективизации в деревнях багряновского и добровольского сельсоветов стреляется.

Сижу эту надо немедленно запрещать. Иначе она может нанести большую контр-революционную силу.

Крестьянин.

Недопустимая медлительность!

В СТРУНИНЕ И КАРАКАШЕВЕ НЕ ТОРОПЯТСЯ С ОРГАНИЗАЦИЕЙ РАБОЧИХ БРИГАД. | *ПОДГОТОВКА БУДУЩИХ В ДЕРЕВНЮ ЕЩЕ НЕ НАЧАТА НИГДЕ.*

ТОВАРИЩИ ИЗ ОКРПРОФБЮРО, ПОЧЕМУ ВЫ НЕ ПРОВЕРИЛИ ВЫПОЛНЕНИЯ СВОИХ УКАЗАНИЙ

16 декабря на предприятиях и во местностях округа было дано директивное об организации бригад по посевной кампании. Было указано, что с 20 декабря необходимо организовать курсы для них по специальной программе.

Во время не было более и 17 декабря. Особенно еще ничего не сделали в отношении подготовки кадров в деревню. Во рабочими „III Интернационала" и „5-й Октябрь" даже еще не создано ни бригады.

Подобное отношение к посевной кампании нужно немедленно прекратить.

Строители делают почин

Создано пять ремонтных бригад.—К торможущим дело коллективизации применять жестокие меры, вплоть до исключения из союза.

→ Союз строителей предложил своим рабочкомам не позднее 15-го февраля ВЫСЛАТЬ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ В ПОДШЕФНЫЕ ДЕРЕВНИ для ознакомления с состоянием подготовки к весеннему севу.

→ Созданы ПЯТЬ РАБОЧИХ БРИГАД (по пять рабочих) для поездки в деревню на ремонт сельскохозяйственного инвентаря колхозников и бедняков.

→ Союз строителей ставит на обсуждение рабочих собраний вопросы непосредственной материальной помощи колхозникам округа. В основу [illegible] будут положены [illegible] ЧИСЛЯЩИЙ ОТ ЗАРАБОТКА строителей.

→ На 30 рабочих поселках организуются ВЕЧЕРНИЕ КУРСЫ для строительных рабочих по повышению весенней выполнимости и коллективизации. Работа курсов будет проведена при помощи союза рабпрос и сельхозработников.

→ Союз строителей остро ставит вопрос об участии своих рабочих в колхозном движении. К инициаторам организации колхозов будут применены репрессивные меры, вплоть до [illegible] ИЗ СОЮЗА.

Приложение 4

Анализ тематики антирелигиозной пропаганды газеты «Призыв» 1930–1940 гг., №3022–6025

Тематика	Количество статей
Победоносное шествие безбожия, январь-февраль 1930 года (33 номера)	
	78
требования или констатация факта переплавки колоколов	10
сообщение или рубрика о требованиях или фактах сноса, закрытия или передачи под какие-либо нужды церквей или часовен	21
сообщения о призывах с Запада в защиту прав верующих в СССР и ответная публикация интервью с митрополитом Сергием «О положении Православной Церкви в СССР»	5
сообщения о прорывах на антирелигиозном фронте (пропаганда против колхозов, случаи крещения детей, снижение деятельности безбожников)	
несколько статей, посвященных сожжению икон	
Антирелигиозный кризис, вызванный статьей И. В. Сталина «Головокружение от успехов», **март 1930 года**	
главная тема - послание проклятий в адрес Папы Римского и Католической Церкви	14
сообщения о прорывах на антирелигиозном фронте	3
Год подъема народной борьбы с религией, антипасхальная кампания а**прeля 1930 г. - мая 1931 г**.	
	139 статей и рубрик
статьи о необходимости вести антирелигиозную борьбу, статьи просветительского характера, достижения безбожников и их недоработки, отмечание религиозных праздников (с драками, убийствами, пожарами) и прогулы в эти дни	15
осведомление читателей об антирелигиозных выставках, лекциях, новинках литературы	
об антирелигиозной работе с детьми	
статьи в адрес Церквей Запада	4
статьи, посвященные выселению священников из квартир как лишенцев, о случаях наличия священников в колхозах и на заводах	
статьи, посвященные злоключениям священника Казанской церкви Ямской слободы Флоринского, не имеющего возможности уплатить непомерные налоги	2
Союз воинствующих безбожников, с **июня 1931 г.** начинается резкий спад количества антирелигиозных статей	
за вторую половину 1931 г. в 20 выпусках	**27**
о недостатках работы ячеек СВБ («Союз воинственных безбожников») и о достижениях	14
об отмечании религиозных праздников	3

просветительская статья	1
о сносе Ильинской церкви во Владимире	2
о книжных новинках по антирелигиозной тематике	2
о сборе средств на подводную лодку «Воинствующий Безбожник»	4
В **1932 г**. **антирелигиозные статьи сходят на нет**	
за 1932 г.	**16**
о случаях отмечания религиозных праздников	6
о недостатках работы ячеек СВБ	1
о классово-чуждой деятельности попов	4
о сборе средств на подводную лодку «Воинствующий Безбожник»	2
о введении единого нагрудного значка «Воинствующий Безбожник»	1
статья про Владимир «От города попов и дворян – к индустриальному центру»	1
В **1933 г.** на страницах «Призыва» отношение к антирелигиозной работе находится на уровне 1931 г.	
общепрограммные установки о необходимости вести антирелигиозную работу, сообщения о городских антирелигиозных лекциях и выставках, о трудовых успехах в дни религиозных праздников, и о прогулах в эти же дни, о классово-чуждой деятельности членов семей врагов народа — попов	
статьи, сравнивающие пропитанное религиозным духом прошлое и светлое настоящее	
статья М. Дусеева (14.04.1933) о религиозной ситуации в крае, в которой отмечались признаки ухода Церкви в подполье, появление т.н. «попов-передвижек», усиление деятельности сектантов	
На «религиозном фронте без перемен» - 1934 г.	
за 1934 г.	**18**
статьи о необходимости вести антирелигиозную работу, о деятельности ячеек СВБ, об отмечании религиозных праздников	
борьба административными средствами с классовыми врагами: «Дьячиха под крылышком Нестерковского сельсовета», «Очистить медтехникум от классово-чуждых элементов», «Чужим нет места в РККА», «У чужих людей – лучшие квартиры»	4
На «религиозном фронте без перемен» - 1935-1936 гг.	
работа безбожников, трудовые достижения и прогулы в дни религиозных праздников, статьи просветительского характера, статьи, посвященные сравнению темного религиозного прошлого и светлого настоящего	
Долой церковные праздники - 1937 г	
за 59 дней	**62**
статьи просветительского характера	11
о темном религиозном прошлом	14
цикл антирелигиозных статей-лекций по астрономии и смежным наукам	11
об антирелигиозных выставках, новинках литературы и (!) антирелигиозных консультациях, отрывки из художественной литературы	6
об отмечании религиозных праздников	1

об успехах ячеек СВБ и недоработках	
о контрреволюционной деятельности духовенства	2
Резкий спад антирелигиозной борьбы - 1938 г.	
за 1938 г.	**29**
статьи имели просветительский характер либо были посвящены городским антирелигиозным выставкам, лекциям, консультациям и книжным новинкам	02.03.18
Рост антирелигиозной проблематики - 1939 г.	
за 1939 г.	**44**
статьи просветительского характера	9
об успехах ячеек СВБ и недоработках	10
о недоработках ячеек СВБ и недоработках	11
о городских антирелигиозных лекциях	9
о темном религиозном прошлом	5
15-летие деятельности Союза воинствующих безбожников — 1940 г.	
за 1940 г.	**57**
статьи просветительского характера	19
об антирелигиозных лекциях, выставках и вечерах	16
о деятельности ячеек СВБ	13
о темном религиозном прошлом	4
о недоработках ячеек СВБ, о контрреволюционной деятельности попов и об отмечании религиозных праздников	

Приложение 5

Сведения о количестве действующих церквей, молитвенных домов и монастырей по Владимирской области с 1947 по 1952 г.*

Отчетный квартал	Всего церквей, молитвенных домов и монастырей на начало отчетного квартала				Всего церквей, молитвенных домов и монастырей на конец отчетного квартала				Из общего количества церквей и молитвенных домов открыто по решению Совета на начало текущего года		Количество церквей, молитвенных домов, монастырей, закрытых по разным причинам с начала текущего года		
	всего церквей	типовых церквей, в т.ч.	молитвенных домов	монастырей	всего церквей	в т. ч. типовых церквей	молитвенных домов	монастырей	церквей	Молитвенных домов	церквей	молитвенных домов	монастырей
За I кв. 1947 г.	72	72	–	–	75	75	–	–	3	–	–	–	–
За II кв. 1947 г.	75	75	–	–	75	75	–	–	3	–	–	–	–
За III кв. 1947 г.	75	75	–	–	75	75	–	–	3	–	–	–	–
За IV кв. 1947 г.	75	75	–	–	75	75	–	–	3	–	–	–	–
За I–II кв. 1948г.	75	75	–	–	75	75	–	–	–	–	–	–	–
За II кв. 1949 г.	74	74	–	–	74	74	–	–	–	–	–	–	–
За IV кв. 1950 г.	72	72	–	–	72	72	–	–	–	–	–	–	–
За IV кв. 1952 г.	72	72	–	–	72	72	–	–	–	–	–	–	–

***** Таблица составлена на основании источников: ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 174. Л. 47, 81, 120, 134; Д. 319. Л. 58; Д. 478. Л. 12; Д. 760. Л. 56; Оп. 2. Д. 96. Л. 2.

Приложение 6

Сведения о поступивших в 1944-1952 годах ходатайствах об открытии церквей и молитвенных домов во Владимирской области*

№ п/п	Район	Местонахождение церкви или молитвенного дома	Поступило заявлений, по годам										Наибольшее количество подписей под заявлением	Количество посещений уполномоченного по открытию церквей	Результат рассмотрения ходатайства
			1944	1945	1946	1947	1948	1949	1950	1951	1952	Итого			
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
1	Александровский район	с. Покров	–	1	1	2	8	5	–	–	–	17	21	25	Отклонено 30.07.1948 г.
2		г. Александров, Троицкий собор	–	3	–	–	–	–	–	–	–	3	30	4	Разрешено Советом по делам РПЦ 13.07.1946 г.
3		с. Самарино	–	3	5	–	–	–	–	–	–	8	30	8	На рассмотрении
4	Владимирский район	с. Ославское	–	5	1	–	–	–	–	–	–	6	65	14	Отклонено 27.04.1945 г.
5		с. Доброе	–	2	1	2	–	–	–	–	–	5	20	24	Отклонено 15.08.1945 г.
6		с. Ущер-Коверино	–	1	2	4	1	1	1	–	–	10	74	24	Отклонено
7		с. Мосино	–	1	1	3	–	–	1	–	–	6	85	14	Отклонено
8		с. Боголюбово, Богородицкая церковь	–	3	–	–	–	–	–	–	–	3	25	5	Отклонено решением облисполкома от 31.08.1945 г. за № 986

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
9		с. Порецкое	–	1	–	–	–	–	–	–	–	1	20	9	Разрешено Советом по делам РПЦ 27.07.1945 г.
10	Вязниковский район	г. Вязники, Воздвиженская церковь	–	2	–	–	–	–	–	–	–	2	20	12	Разрешено Советом по делам РПЦ 29.10.1945 г.
11		г. Вязники, Покровская церковь	–	–	–	–	1	–	–	–	–	1	20	3	–
12		г. Вязники, Благовещенская церковь	–	–	–	–	–	–	–	1	1	2	–	–	–
13		с. Николо-Дебри	2	–	4	1	–	–	–	–	–	7	94	5	Отклонено в 1945 г.
14		погост Николо-Кинешемский	1	1	–	–	–	–	–	–	–	2	20	–	Отклонено 27.08.1945 г.
15		с. Акиншино	–	2	6	2	–	–	–	–	–	10	22	8	Снято с рассмотрения
16		с. Меркутино	–	–	–	–	2	2	1	–	–	5	25	4	На рассмотрении
17		с. Пировы Городищи	3	2	3	13	–	–	–	–	–	21	103	18	Отклонено
18		раб. пос. Мстера	–	3	–	–	–	–	–	–	–	3	20	7	Разрешено 29.10.1945 г.
19	Гороховецкий район	с. Кожино	–	–	2	–	3	3	–	–	–	8	20	1	Снято с рассмотрения в 1946 г.
20		г. Гороховец, Благовещенский собор	–	–	–	1	–	–	–	–	3	4	2	–	Отклонено
21		погост Михаило-Архангельский	–	2	2	4	–	–	–	–	–	8	20	9	Отклонено от 15.08.1945 г.
22		погост Тимирязевский	–	2	2	3	–	–	–	–	–	7	20	7	Снято с рассмотрения

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
23		с. Красное	–	5	2	–	–	–	–	–	–	7	20	4	Разрешено 13.07.1946 г.
24	Гусь-Хрустальный район	г. Гусь-Хрустальный	–	1	1	–	1	2	–	–	–	5	20	9	Отклонено
25		с. Вешки	–	2	1	1	1	2	–	–	–	7	20	19	Отклонено 01.06.1949 г.
26		с. Покров-Башево	–	1	6	4	7	4	–	–	–	22	155	33	На рассмотрении
27		с. Тихоново	1	1	1	1	3	1	–	–	–	8	21	5	Снято с рассмотрения
28		с. Ерлекс	1	1	–	–	–	–	–	–	–	2	20	5	Разрешено 14.04.1945 г.
29	Камешковский район	погост Троицкий	1	5	2	6	–	1	–	–	–	15	459	17	Отклонено 27.08.1945 г.
30		с. Великово	1	5	2	3	1	1	–	1	–	14	27	8	Отклонено 22.08.1945 г.
31		погост Веретево	–	–	–	–	–	–	1	–	–	1	–	–	На рассмотрении
32		с. Тынцы	–	–	–	–	–	–	1	–	1	2	–	–	На рассмотрении
33	Камешковский район	с. Мостцы	2	1	1	–	1	1	–	–	1	7	33	7	На рассмотрении
34		с. Воскресенское-Терехово	3	8	11	12	4	2	1	2	2	45	261	22	Отклонено 15.08.1945 г.
35		с. Каменево	–	–	–	–	–	–	–	–	1	1	–	–	–
36		погост Семенова Гора	–	1	1	–	–	–	–	–	–	2	7	2	Отклонено 15.08.1945 г.
37		с. Патакино	–	–	1	–	–	–	–	–	–	1	20	–	Снято с рассмотрения
38		с. Машково	–	–	1	–	–	–	–	–	–	1	20	–	Снято с рассмотрения
39		с. Горки	2	1	1	–	–	–	–	–	–	4	20	6	На рассмотрении
40		с. Давыдово	–	1	–	–	–	–	–	–	–	1	20	5	Разрешено 23.05.1945 г.

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
41		с. Усолье	–	4	2	–	–	–	–	–	–	6	20	8	Разрешено 13.07.1946 г.
42		с. Коверино	–	–	–	–	1	–	–	–	–	1	20	2	
43	Киржачский район	с. Филипповское	–	–	1	1	–	2	–	–	–	4	20	8	Снято с рассмотрения
44		с. Смольнево	–	3	–	1	–	–	–	–	–	4	127	5	Отклонено 19.09.1945 г.
45		с. Богородское	–	–	–	1	–	–	–	–	–	1	20	–	Снято с рассмотрения
46		с. Ельцы	–	2	–	–	–	–	–	–	–	2	71	–	Снято с рассмотрения
47		с. Кумошь	–	2	2	1	–	–	–	–	–	5	20	1	Снято с рассмотрения
48	Киржачский район	погост Архангельский	–	–	–	1	–	–	–	–	–	1	20	1	Снято с рассмотрения
49		с. Кашино	–	–	1	1	–	–	–	–	–	2	20	1	Снято с рассмотрения
50		погост Заболотье	–	1	1	–	–	–	–	–	–	2	20	10	Разрешено 29.10.1945 г.
51		погост Андреевский	–	1	1	–	–	–	–	–	–	2	20	9	Разрешено 13.07.1946 г.
52	Ковровский район	с. Малые Всегодичи	2	3	2	1	–	–	1	–	–	9	20	10	Отклонено
53		с. Осипово	1	1	–	–	1	1	–	–	–	4	56	5	Отклонено 15.08.1945 г.
54		с. Новое	–	1	–	–	–	–	–	–	–	1	53	–	Отклонено 05.06.1945 г.
55		с. Большие Всегодичи	–	4	–	–	–	–	–	–	–	4	20	5	Разрешено 29.10.1945 г.
56		с. Смолино	–	2	–	–	–	–	–	–	–	2	20	–	Отклонено 15.08.1945 г.

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
57	Кольчугинский район	г. Кольчугино, Покровская церковь	–	–	5	4	3	2	–	–	–	14	544	21	Отклонено вторично 02.04.1949 г.
58		г. Кольчугино, Васильевская церковь	–	–	5	7	–	–	–	–	–	12	544	19	На рассмотрении
59		с. Зиновьево	–	–	2	1	1	2	–	–	–	6	53	6	На рассмотрении
60		с. Алексино	4	3	6	1	–	1	1	–	–	16	33	3	Отклонено
61		с. Бавлены	3	2	3	3	–	–	–	–	1	12	25	5	Отклонено 20.03.1944 г.
62	Кольчугинский район	погост Благовещенский	–	1	–	2	–	–	–	–	–	3	20	4	Отклонено 15.03.1945 г.
63		погост Дмитриевский	–	–	–	7	1	2	–	–	–	10	20	14	На рассмотрении
64		с. Ельцино	2	–	–	–	–	–	–	–	–	2	108	–	Снята с учета
65		с. Козлятьево	1	1	2	1	–	–	–	–	1	6	136	8	На рассмотрении
66		с. Флорищи	–	3	3	–	–	–	–	–	–	6	20	1	Разрешено Советом 17.09.1946 г.
67		с. Давыдовское	–	–	1	–	–	–	–	–	–	1	20	1	Разрешено 06.11.1946 г.
68		с. Покров-Пенья	–	–	–	–	1	–	–	–	–	1	20	2	–
69	Курловский район	с. Уляхино	–	–	2	4	2	1	–	–	1	10	20	33	Снято с рассмотрения
70		с. Георгиевское	–	–	–	–	2	–	–	–	–	2	20	5	–
71		с. Верхозерье	–	–	1	–	–	–	–	–	–	1	-	-	Снято с рассмотрения
72		с. Воютино	–	–	1	3	–	–	–	–	–	4	20	5	Снято с рассмотрения
73		с. Черсево	–	–	–	–	–	–	–	3	2	5	–	–	–
74		с. Степаньково	–	1	2	–	–	–	–	–	–	3	20	4	Разрешено 01.04.1946 г.
75	Ляховский район	с. Окшово	–	–	2	5	7	7	–	–	–	21	20	26	Отклонено 30.03.1949 г.

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
76	Меленковский район	с. Бутылицы	–	2	5	2	–	–	–	–	–	9	20	11	На рассмотрении
77		с. Двойново	6	5	2	1	8	4	–	2	1	29	20	29	Отклонено 01.06.1949 г.
78		с. Пьянгус	–	1	–	–	–	–	–	–	–	1	15	-	Снято с рассмотрения
79		с. Коровино	–	1	–	1	–	1	–	–	1	4	20	2	Снято с рассмотрения
80		с. Денятино	–		3	–	–	–	–	–	–	3	20	2	Снято с рассмотрения
81		с. Приклон	–	2	–	–	–	–	–	–	–	2	20	7	На рассмотрении
82		с. Красново	–	2	–	–	–	–	–	–	–	2	20	7	Разрешено 14.04.1945 г.
83		погост Кузем-ский	1	1	1	5	–	1	–	–	–	9	20	35	На рассмотрении
84	Муромский район	г. Муром, церковь Николы Набережного	–	1	3	–	–	–	–	–	–	4	28	1	Отклонено 21.10.1946 г.
85		с. Стригино	1	2	–	–	–	–	–	–	–	3	62	–	Снято с рассмотрения
86		с. Карачарово	1	–	–	–	–	–	–	–	–	1	335	–	Снято с рассмотрения
87		г. Муром, церковь Козьмы и Дамиана	–	1	–	–	–	–	–	–	–	1	20	–	Отклонено 15.08.1945 г.
88		с. Борисо-Глебское	9	–	3	–	–	–	–	–	–	12	179	3	Снято с рассмотрения
89		с. Панфилово	–	–	2	–	–	–	–	–	–	2	–	–	Снято с рассмотрения
90	Муромский район	с. Старые Котлицы	–	–	3	–	–	–	–	–	–	3	20	8	Разрешено 24.12.1946 г.
91	Никологорский район	д. Усады (молитвенный дом)	–	–	–	3	4	1	–	1	–	9	20	9	На рассмотрении
92		рабочий посе-	–	9	–	–	–	–	–	–	–	9	20	6	Разрешено 29.10.1945 г.

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
		лок Николо-горы													
93		с. Городищи	–	1	–	–	–	–	–	–	–	1	45	–	Отклонено в 1945 г.
94		с. Галкино	–	–	–	1	–	–	–	–	–	1	20	2	Отклонено
95		д. Коровино (молитвенный дом)	–	–	–	1	–	–	–	–	–	1	90	5	На рассмотрении
96	Петушинский район	погост Багаево	–	2	–	4	6	4	–	–	–	16	20	17	Отклонено в 1947 г.
97		п. Багаево	–	2	–	4	6	–	–	–	–	12	20	16	–
98	Покровский район	с. Иваново	1	–	5	–	1	3	–	1	–	11	20	3	Отклонено
99		г. Покров, Покровская церковь	–	3	1	–	–	–	–	–	–	4	20	4	Разрешено 27.05.1946 г.
100		с. Головино	–	3	–	–	–	–	–	–	–	3	20	4	Разрешено 29.10.1945 г.
101		с. Воскресенское	–	3	1	–	–	–	–	–	–	4	20	1	Разрешено 27.07.1945 г.
102		с. Ново-Спас	–	1	2	4	–	–	–	–	–	7	26	4	Отклонено
103		с. Марково	–	–	1	1	–	–	–	–	–	2	21	1	Снято с рассмотрения
104		с. Аргуново	–	–	6	2	–	–	–	–	–	8	22	32	Отклонено
105	Селивановский район	с. Копнино	–	5	2	1	–	4	–	–	–	12	88	11	Отклонено 01.04.1949 г.
106		с. Ильинское Глинищи	–		2	–	–	–	–	–	–	2	81	1	Снято с рассмотрения
107		с. Талызино	–	3	–	–	–	–	–	–	–	3	23		Снято с рассмотрения
108		с. Захарово	–	3	2	–	–	–	–	–	–	5	121	10	Отклонено 14.11.1945 г.
109		погост Старо-Замотрино	–	5	5	4	–	–	–	–	–	14	20	10	Отклонено 27.08.1945 г.
110		с. Никулино	2	2	–	–	–	–	–	–	–	4	650	6	Разрешено 29.10.1945 г.

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
111	Собинский район	с. Дуброво	–	3	9	4	2	4	–	–	–	22	20	32	На рассмотрении
112		с. Ундол	–	2	1	–	–	–	–	–	–	3	20	2	Отклонено облис-полкомом 22.08.1946 г.
113		г. Собинка	–	1	–	1	–	–	–	–	–	2	20	2	Отклонено 24.08.1946 г.
114		с. Николо-Осо-вец	2	3	2	7	3	1	–	–	–	18	800	28	Отклонено в 1945 г.
115		с. Копнино	–	–	1	–	–	–	–	–	–	1	26	-	Снято с рассмотрения
116		с. Ворша	–	1	3	6	1	–	–	–	–	11	20	45	Отклонено 06.09.1945 г.
117	Ставровский район	с. Черкутино	–	3	3	2	–	–	–	–	–	8	20	2	Отклонено 29.06.1945 г.
118		с. Петраково	–	1	–	–	–	–	–	–	–	1	20	8	Разрешено 29.10.1945 г.
119	Ставровский район	с. Клементьево	–	1	–	–	–	–	–	–	–	1	20		Отклонено
120		с. Ставрово	–	–	–	–	1	1	–	–	–	2	20	5	–
121	Струнинский район	с. Волохово	–	3	8	3	–	–	–	–	–	14	288	6	Отклонено 15.08.1945 г.
122		с. Снятиново	–	–	–	–	1	–	–	–	–	1	20	2	–
123	Судогодский район	с. Замаричье	–	–	1	4	–	–	–	–	–	5	20	9	Снято с рассмотрения
124		погост Тимо-феевский	–	1	3	1	–	–	–	–	–	5	20	3	Снято по причине пожара
125		с. Заястребье	–	1	1	–	–	–	–	–	–	2	363	7	Разрешено 01.04.1946 г.
126		с. Спас-Беседы	–	2	–	–	–	–	–	–	–	2	20	14	Разрешено 24.12.1946 г.
127		с. Картмазово	–	–	–	1	–	–	–	–	1	2	20	1	На рассмотрении
128		с. Языково	–	–	–	–	1	–	–	–	–	1	–	–	–
129		с. Спас-Купа-лищи	–	–	1	1	–	–	–	–	–	2	20	11	Снято с рассмотрения

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
130	Суздальский район	с. Мордыш	–		1	1	1	1	1	3	2	10	20	9	Снято с рассмотрения
131		с. Абакумлево	–	–	–	1	–	–	–	–	–	1	1	–	Снято с рассмотрения
132		г. Суздаль, Богородицкий собор	–	1	–	–	–	–	–	–	–	1	23	–	Отклонено в 1945 г.
133		с. Ляховицы	–	1	1	4	–	–	–	–	–	6	45	12	Снято с рассмотрения
134	Суздальский район	с. Михайлова Сторона	1	–	–	–	–	–	–	–	–	1	20	–	Разрешено 14.04.1945 г.
135		с. Большое Борисово	–	2	–	–	–	–	–	–	–	2	55	3	Разрешено 29.10.1945 г.
136		с. Санино	–	1	–	–	–	–	–	–	–	1	23	8	Разрешено Советом 27.07.1945 г.
137		г. Суздаль, Казанская церковь	–	–	1	1	–	–	–	–	–	2	25	8	Удовлетворено
138	Фоминский район	с. Гришино	2	1	2	1	–	–	–	–	–	6	20	4	Отклонено
139		с. Растригино	–	1	–	–	–	–	–	–	–	1	38	–	Отклонено 03.01.1946 г.
140	Юрьев-Польский район	с. Беляницыно	2	2	2	2	–	–	–	1	1	10	54	13	На рассмотрении
141		г. Юрьев-Польский, церковь Козьмы и Дамиана	–	–	2	–	–	–	–	–	1	3	20	1	Отклонено 21.10.1946 г.
142		с. Больше-Лучинское	–	1	1	1	–	–	–	–	–	3	21	1	Снято с рассмотрения
143		с. Иворово	–	2	–	–	–	–	–	–	–	2	181	1	Отклонено 26.02.1946 г.
144		с. Радованье	–	1	1	–	–	–	–	–	–	2	20	2	Отклонено 29.06.1945 г.
145		с. Большое Петровское	–	1	–	–	–	–	–	–	–	1	53	–	Отклонено 29.06.1945 г.

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
146		с. Волетвиново	–	3	1	–	–	–	–	–	–	4	20	–	Отклонено 29.06.1945 г.
147	Юрьев-Польский район	с. Некоморна	–	2	1	3	–	–	–	–	–	6	204	–	Отклонено 29.06.1945 г.
148		с. Кучки	2	3	1	1	–	–	–	–	–	7	76	2	Отклонено 23.08.1945 г.
149		г. Юрьев-Польский, церковь Рождественская	–	–	1		–	–	–	–	–	1	20	1	Отклонено
150		с. Черкасово	–	–	–	–	1	–	–	–	–	1	20	–	–
Всего:			60	206	203	186	88	68	9	15	21	856	8951	1054	

***** Таблица составлена на основании источников: ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 174. Л. 49-50, 83-84, 107-113, 122-124, 136-137; Д. 319. Л. 12-14; Д. 478. Л. 14-15, 29-30, 45-46; Д. 881. Л. 38.

Приложение 7

Сводные данные единовременного статистического учета действующих церквей по Владимирской области по состоянию на 01.01.1962 г.[1]

Наименование городов и районов	Типовых церквей	Место нахождения			Наибольшее кол-во верующих в храмах в большие праздники	Характер зданий		Общая площадь в кв. м	Служителей культа			Обслуживающий персонал		Памятников архитектуры
		города	раб. пос.	села		каменных	деревянных		Священников	Дьяконов	Псаломщиков	кол-во	получают вознаграждение	
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15
г. Александров	1	1	–	–	1900	1	–	450	2	1	1	27	27	1
г. Владимир	2	2	–	–	3000	2	–	1790	6	2	4	76	76	1
г. Ковров	1	1	–	–	1500	1	–	443	2	1	1	32	32	1
г. Вязники	1	1	–	–	500	1	–	118	2	1	1	15	15	–
г. Муром	1	1	–	–	1000	1	–	250	3	1	2	31	31	1
г. Гусь-Хрустальный	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
г. Кольчугино	3	–	–	3	610	3	–	876	4	–	–	30	12	2
Владимирский р-н	3	–	–	3	1020	3	–	1516	3	–	–	43	15	–
Гороховецкий р-н	2	1	–	1	2500	2	–	894	2	1	2	36	35	1
Камешковский р-н	4	–	–	4	1950	4	–	1542	4	2	2	60	36	2
Киржачский р-н	2	1	–	1	1200	2	–	682	3	1	–	24	13	–
Курловский р-н	4	–	–	4	4780	2	2	1388	4	1	1	49	30	–
Ляховский р-н	1	–	–	1	500	1	–	285	1	–	1	6	5	–
Меленковский р-н	3	–	–	3	800	1	2	670	3	–	2	30	21	–
Небыловский р-н	1	–	–	1	200	1	–	273	1	–	–	4	4	–
Никологорский р-н	2	1	–	1	1350	2	–	474	2	1	1	17	9	–
Петушинский р-н	5	1	1	3	2310	5	–	2530	5	–	3	40	31	2

[1] Дело № 1 «Сведения о единовременном учете религиозных объединений» (июль 1961 – январь 1962 гг.). С. 3 // Архив уполномоченного Совета по делам религий Владимирского облисполкома.

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15
Селивановский р-н	3	–	–	3	750	3	–	900	3	–	3	15	9	1
Собинский р-н	4	–	–	4	900	4	–	1691	4	–	3	43	25	–
Ставровский р-н	3	–	–	3	220	3	–	800	2	–	1	9	9	–
Струнинский р-н	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Судогодский р-н	4	–	–	4	1700	4	–	800	4	–	–	92	17	–
Суздальский р-н	2	1	–	1	900	2	–	975	3	–	2	40	26	1
Юрьев-Польский р-н	2	–	–	2	860	2	–	556	2	–	–	12	3	–
Ковровский р-н	1	–	–	1	250	1	–	100	1	–	–	5	5	1
Вязниковский р-н	1	–	1	–	300	1	–	330	1	1	–	18	11	1
Муромский р-н	1	–	–	1	800	1	–	260	1	–	–	14	4	–
Гусь-Хрустальный р-н	4	–	–	4	1245	4	–	1606	4	–	2	45	16	–
ИТОГО по области	**61**	**11**	**2**	**48**	**33045**	**57**	**4**	**22199**	**72**	**13**	**32**	**813**	**517**	**15**

Приложение 8

Единовременный учет незарегистрированных религиозных групп евангельских христиан баптистов по Владимирской области по состоянию на 01.01.1962 г.[1]

Место нахождения	Число членов	Максим. число верующих в дни больших праздников	В каком помещении проводятся молитвенные собрания		Число служителей культа	Получают вознаграждение от религиозной группы
			культовые здания	дома и квартиры верующих		
г. Владимир, ул. Добросельская, д. 59	23	23	–	+	1	–
Александровский р-н, Домопольский с/совет, д. Куликовка	5	5	–	+	–	–
Гусь-Хрустальный р-н, пос. Уршель	25	30	–	+	2	2
Вязниковский р-н,Коурковский с/совет, д. Большие Липки	29	30	–	+	–	–
Владимирский р-н, Бараковский с/совет, д. Соколово	24	24	–	+	–	–
Ляховский р-н, д. Савково	25	20	–	+	–	–
Ляховский р-н, с. Дмитриевы Горы	20	20	–	+	–	–

[1] Дело №1 «Сведения о единовременном учете религиозных объединений» (июль 1961 — январь 1962 гг.). с.65-71 // Архив уполномоченного Совета по делам религий Владимирского облисполкома.

Приложение 9

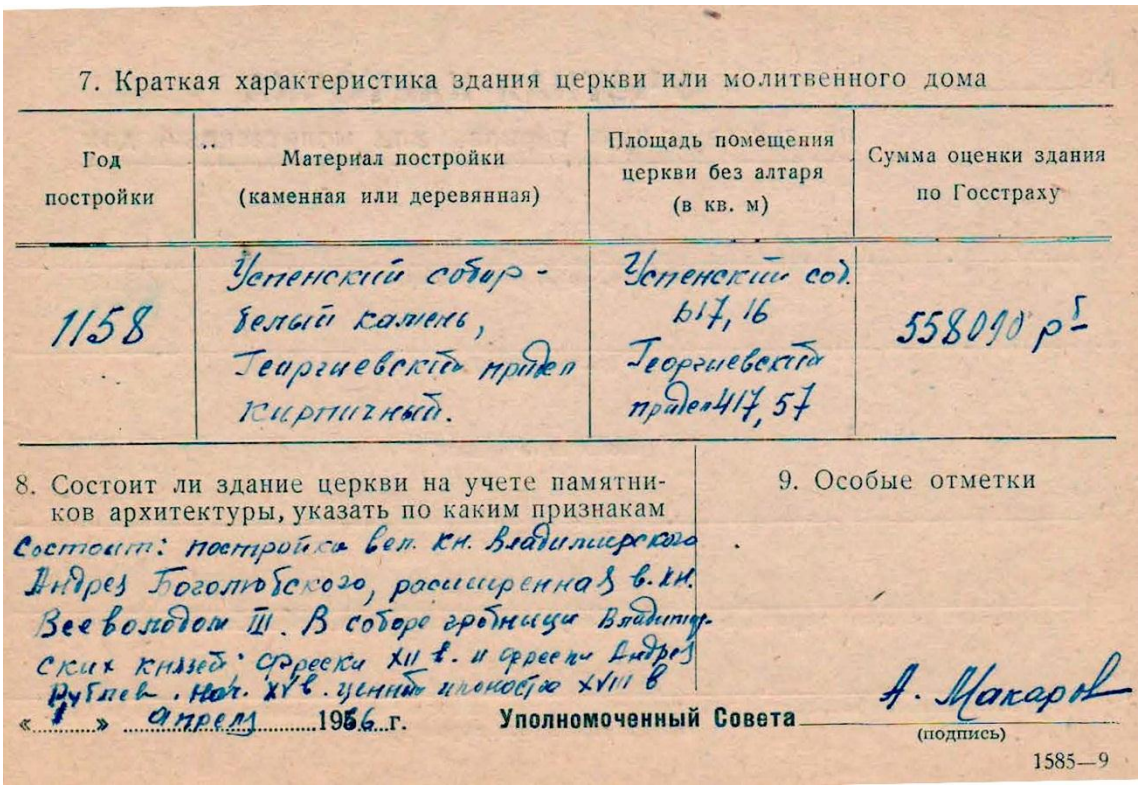
Образец учетной карточки религиозной организации зарегистрированной в 1966 году

№ 1

УЧЕТНАЯ КАРТОЧКА

на действующую церковь ~~или молитвенный дом~~

1. Владимирская область
(область, край, республика)
2. Гор. Владимир - областного подчинения
(район, уезд)
3. Гор. Владимир -
(населенный пункт)
4. Успенский собор
(название церкви)
5. Решение Совета по делам РПЦ от 15/III-УУ №522
(год начала действия церкви, а на вновь открытую — дата и № решения Совета об открытии)
6. 2 клм. до Князе-Владимирской церкви г. Владимира
(расстояние до ближайшей действующей церкви, название населенного пункта и района, где находится эта церковь)



7. Краткая характеристика здания церкви или молитвенного дома

Год постройки	Материал постройки (каменная или деревянная)	Площадь помещения церкви без алтаря (в кв. м)	Сумма оценки здания по Госстраху
1158	Успенский собор - белый камень, Георгиевский придел кирпичный.	Успенский соб. 417,16 Георгиевский придел 417,57	558090 р-

8. Состоит ли здание церкви на учете памятников архитектуры, указать по каким признакам
Состоит: постройка вел. кн. Владимирского Андрея Боголюбского, расширенная в. кн. Всеволодом III. В соборе гробницы Владимирских князей: фрески XII в. и фрески Андрея Рублева. Нач. XVв. ценный иконостас XVIII в

9. Особые отметки

«1» апреля 1956 г. Уполномоченный Совета А. Макаров
(подпись)

1585—9

Приложение 10

Список Архиереев Владимирской епархии с 1917 по 1990 гг. [1]
(Титул управляющего епархией: Владимирский и Суздальский;
в 1917–1922 гг. – Владимирский и Шуйский)

№ п/п	Архиереи Владимирской епархии	Время пребывания на кафедре	Примечания
1	Алексий (Дородницын), Архиепископ Владимирский и Суздальский	30.07.(12.08) 1914 – 1917	+1919 г.
2	Евгений (Мерцалов), Епископ Юрьевский (с 1912г.)	1917	Временно управляющий, + ок. 1920 г.
3	Сергий (Страгородский), Митрополит Владимирский и Шуйский	10(23).08.1917 – 3(16).06.1922	3(16).06.1922 – 15(28).08.1923 был в обновленческом расколе
4	Корнилий (Соболев) Епископ Вязниковский		Временно-управляющий; Был в 1921–1926 гг. епископом Вязниковским; + 1933г.
5	Николай (Добронравов), Архиепископ Владимирский и Суздальский	1923 – 10.12.1925	+1937г., расстрелян в Бутово, канонизован
6	Дамиан (Воскресенский) Епископ Переславский	11.1925 – 22.12.1925	Временно-управляющий, Был в 1925 г. в григ. расколе
7	Корнилий (Соболев), Епископ Владимирский и Суздальский	1926	Был на кафедре в течение месяца; + 1933 г.
8	Дамиан (Воскресенский), Епископ Переславский	02.02.1926 – 05.1927	Временно-управляющий;

[1] Список составлен на основании данных М. Е. Губонина (См.: Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея Руси, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти. 1917–1943 гг. / сост. М. Е. Губонин. – М., 1994. – С. 918 ; *Федотов А.А.* Из истории Русской Православной Церкви в XX веке. – Иваново, 2002. – С. 225.

№ п/п	Архиереи Владимирской епархии	Время пребывания на кафедре	Примечания
			Был в 1918–1927 гг. епископом Переславским; + кон.40-хгг. в лагере
9	Нифонт (Фомин), Епископ Вязниковский	05.1927 – 09.1927	Временно-управляющий
10	Макарий (Звездов), Архиепископ Муромский	1928	Временно-управляющий, С 15.09.1927г. – епископ Муромский, викарий Владимирской епархии, с 1928г. – в сане архиепископа.; С 1935г. – в заключении.
11	Павел (Гальковский), Епископ	31.12.1928	Временно-Управляющий; Был в 31.03.1929 – 01.1936гг. Управляющим Иваново-Вознесенской епархией: Архиепископ с 1930г. +1937 г., расстрелян
12	Гурий (Степанов), Архиепископ Суздальский	13.08.1930 – 8.05.1931	Временно-управляющий, + 1937 г., расстрелян
13	Павел (Борисовский), Архиепископ Ярославский и Ростовский	1931	Временно-управляющий; В 1916–1918 гг. епископ Суздальский, викарий Владимирской епархии; 1938г., расстрелян
14	Иннокентий (Летяев), Епископ Владимирский и Суздальский	18.05.1932 – 05.02.1935	Хирот. в 1921 г. во еп. Клинского, С 1935 г. в заключении, где и скончался
15	Сергий (Гришин), Архиепископ Владимирский и Суздальский	31.05.1935 – 05.1936	+ 4.10.1943 г.

№ п/п	Архиереи Владимирской епархии	Время пребывания на кафедре	Примечания
16	Филипп (Гумилевский), Епископ Звенигородский, викарий Московской епархии	1936 – 09.09.1936	+ 1936 г.
17	Феодор (Яцковский), Архиепископ Владимирский и Суздальский	11.08.1936 – 03.02.1937	С 3.03.1937 г. сведений нет
18	Хрисогон (Ивановский), Епископ Владимирский и Суздальский	30.03.1937 – 1938	12.01.1931г. – хирот. во еп. Юрьево-Польского, викария Владимирской еп.; + 1938г.
19	Алексий (Сергеев), Епископ Ивановский	1938	Временно-управляющий; Был в 14.09.1937 – 1938 гг. Управляющим Иваново-Вознесенской епархией; С 1938 г. до 1940 г. в расколе, + 6.04.1968 г.
20	Онисим (Фестинатов) Архиепископ Владимирский и Суздальский	27.08.1944 – 31.10.1970	В 1944–46 гг. был временно-управляющим Ивановской епархией; В 1956 г. возведен в сан архиепископа
22	Митрополит Иоанн (Вендланд)	С 1 по 30.11.1970	Временно-управляющий Владимирской епархией
23	Архиепископ Николай (Кутепов)	1970 – 1975	
24	Архиепископ Владимир (Котляров)	1975 – 1980	
25	Архиепископ Серапион (Фадеев)	1980 – 1987	
26	Архиепископ Валентин (Мищук)	1987 – 1990	
27	Митрополит Евлогий (Смирнов)	С 1990 г. по настоящее время	

Приложение 11

Список викариатств Владимирской епархии в 1917–1947 гг.[1]

№ п/п	Название викариатства	Дата	Примечание
1	Вязниковское	1921–1928 гг.	
2	Иваново-Вознесенское	1923–1933 гг.	преобразовано в епархию: Иваново-Кинешемскую – 1929–1933 гг.; Ивановскую – 1933–1946 гг.; Ивановскую и Шуйскую – 1946–1947 гг.
3	Ковровское	1920–1925 гг.	
4	Мстерское	1917–1933 гг.	
5	Муромское	до 1933 г.	Викариатство Муромское (1933–1937 гг.) входило в состав Нижегородской епархии
6	Переславское	до 1935 г.	
7	Суздальское	до1932 г.	
8	Юрьево-Польское	до 1932 г.	

Приложение 12

Сведения о приходах Владимирской епархии за 1952–1959 гг.[2]

№ п/п	Год	Общее количество приходов	в т.ч. городских	в т.ч. сельских	Примечание
1	1952	72	нет данных	нет данных	нет данных
2	1953	72	8	64	1 храм требует ремонта
3	1954	72	8	64	2 храма требуют ремонта
4	1955	65	7	58	Кол-во приходов уменьшено из-за нехватки духовенства
5	1956	65	7	58	
6	1957	65	нет данных	нет данных	
7	1958	65	нет данных	нет данных	В 34 приходах меются церковные дома
8	1959	65	нет данных	нет данных	

[1] Список викариатств составлен по данным ЦНЦ «Православная энциклопедия». (См.: *Цыпин В., протоиерей.* История Русской Церкви. 1917–1997 гг. // История Русской Церкви. – Кн. 9. – М., 1997. – С. 706.)

[2] АВЕ. Ф. 6. Годовые отчеты епархии, дд. Годовые отчеты Владимирской епархии за 1953–1959.

Приложение 13

Сведения о приходах Владимирской епархии за 1960-1969 гг.[1]

№ п/п	Год	Общее количество приходов	В т.ч. городских	В т.ч. сельских	Примечания
1	1960	63	Нет данных	Нет данных	
2	1961	61	Нет данных	Нет данных	
3	1962	57	Нет данных	Нет данных	Епархия поделена на 5 благочиний; 4 храма закрыты
4	1963	52	Нет данных	Нет данных	5храмов закрыты
5	1964	51	Нет данных	Нет данных	Закрыт 1 храм
6	1965	52	Нет данных	Нет данных	
7	1966	52	Нет данных	Нет данных	
8	1967	52	Нет данных	Нет данных	
9	1968	52	Нет данных	Нет данных	
10	1969	52	Нет данных	Нет данных	Нет данных

Приложение 14

Сведения о приходах Владимирской епархии за 1970–1979 гг. [2]

№ п/п	Год	Общее количество приходов	В т.ч. городских	В т.ч. сельских	Примечание
1	1970	51			В.е. разделена на 4 благочиния: Владимирское, Эдемское, Киржачское, Муромское
2	1971	51	11	40	То же
3	1972	51	11	40	То же
4	1973	51	11	40	То же
5	1974	51	11	40	То же
6	1975	51	11	40	В.е. разделена на 4 благочиния и Успенский собор г.Владимира как самостоятельная единица
7	1976	51	11	40	То же
8	1977	51	11	40	То же
9	1978	51	11	40	То же
10	1979	51	11	40	То же

[1] АВЕ. Ф. 6. Годовые отчеты епархии, дд. Годовые отчеты Владимирской епархии за 1960–1968 гг.

[2] АВЕ. Ф. 6. Годовые отчеты епархии, дд. Годовые отчеты Владимирской епархии за 1970–1979 гг.

Приложение 15

Сведения о приходах Владимирской епархии за 1980–1989 гг.[1]

№ п/п	Год	Общее количество приходов	В т.ч. город-ских	В т.ч. сельских	Примечание
1	1980	51	11	40	В.е. разделена на 4 благочиния: Владимирское (12 приходов), Эдемское (13 прих.), Киржачское (10 прих.), Муромское (15 прих.), Успенский собор г. Владимира как самостоятельная единица
2	1981	Нет данных	Нет данных	Нет данных	Нет данных
3	1982	51	12	39	То же
4	1983	51	12	39	То же
5	1984	Нет данных	Нет данных	Нет данных	Нет данных
6	1985	Нет данных	Нет данных	Нет данных	Нет данных
7	1986	51	12	39	То же
8	1987	Нет данных	Нет данных	Нет данных	Нет данных
9	1988	Нет данных	Нет данных	Нет данных	Нет данных
10	1989	57	17	40	В.е. разделена на 4 благочиния: Владимирское (15 приходов), Эдемское (13 прих.), Киржачское (12 прих.), Муромское (16 прих.), Успенский собор г. Владимира как самостоятельная единица В 1989 г. было открыто 3 новых прихода

[1] АВЕ. Ф. 6. Годовые отчеты епархии, дд. Годовые отчеты Владимирской епархии за 1980–1989 гг.

Приложение 16

Список Ковровского старообрядческого общества беспоповцев «Спасово согласие»

п/п	ФИО	Адрес	Социальное происхождение	Время присоединения
1.	Валяев Василий Иванович	Ул. Свердлова, д. 20	крестьянин	1848
2.	Евплов Иван Евплович	Ул. Свердлова, д. 20	крестьянин	1853
3.	Кожевников Иван Семенович	Ул. Свердлова, д. 20	крестьянин	1913
4.	Бандорин Александр Васильевич	Ул. Свердлова, д. 20	чернорабочий	1920
5.	Самойлов Алексей Петрович	Ул. Свердлова, д. 20	слепой	1893
6.	Агапов Василий Алексеевич	Ул. 1-я Ленинская, д. 19, кв. 32	слепой	1893
7.	Агапова Александра Давыдовна	Ул. 1-я Ленинская, д. 19, кв. 32	слепая	1886
8.	Маслова Прасковья Андреевна	Ул. 1-я Ленинская, д. 19, кв. 32	Вдова рабочего	1890
9.	Агапов Вениамин Васильевич	Ул. 1-я Ленинская, д. 19, кв. 32	Крестьянин, ученик	1904
10.	Агапов Иван Васильевич	Ул. 1-я Ленинская, д. 19, кв. 32	Крестьянин, ученик	1905
11.	Пискунова Татьяна Кировна	Ул. Октябрьская, квартал 32, д. 20	Крестьянка, вдова рабочего	1887
12.	Пискунов Степан Петрович	Ул. Октябрьская, квартал 32, д. 20	Сын рабочего	1904
13.	Колесов Трофим Егорович	Ул. Октябрьская, квартал 32, д. 20	крестьянин	1846
14.	Колесова Екатерина Борисовна	Ул. Октябрьская, квартал 32, д. 20	крестьянка	1875
15.	Закутин Иван Борисович	Ул. Октябрьская, квартал 32, д. 20	В армии	1893
16.	Закутина Пелагея Якимовна	Ул. Октябрьская, квартал 32, д. 25	–	1898
17.	Пискунов Иван Андрианович	Ул. Октябрьская, квартал 32, д. 26	рабочий	1893
18.	Пискунова Анастасия Дорофеевна	Ул. Октябрьская, квартал 32, д. 26	жена	1895
19.	Еркина Александра Степановна	Ул. Абельмана, 6	мещанка	1858
20.	Еркина Любовь Матвеевна	Ул. Абельмана, д. 6	служащая	1894
21.	Еркин Петр Матвеевич	Ул. Артемовская, квартал 29, д. 16	рабочий	1880
22.	Еркина Елена Павловна	Ул. Артемовская, квартал 29, д. 16	жена	1888
23.	Кокурина Клавдия Исаевна	Ул. Артемовская, квартал 34, д. 30	мещанка	1903
24.	Дормидонтов Василий Дормидонтович	Ул. Свердлова, квартал 27, д. 7	рабочий	1887
25.	Дормидонтова Евдокия Никифоровна	Ул. Свердлова, квартал 27, д. 7	жена	1880
26.	Поярков Павел Иванович	Ул. Свердлова, квартал 27, д. 7	портной	1922

п/п	ФИО	Адрес	Социальное происхождение	Время присоединения
27.	Пояркова Лидия Васильевна	Ул. Свердлова, квартал 27, д. 7	жена	1902
28.	Лазарев Василий Терентьевич	Ул. Свердлова, квартал 27, д. 7	мещанин	1918
29.	Лазарева Зинаида Васильевна	Ул. Свердлова, квартал 27, д. 7	мещанка	1897
30.	Пономарева Домна Яковлевна	Ул. Свердлова, квартал 27, д. 4	крестьянка	1922
31.	Кожевникова Матрена Егоровна	Ул. Свердлова, квартал 27, д. 4	мещанка	1897
32.	Гонохин Николай Петрович	Ул. Свердлова, квартал 27, д. 3	Служащий и армия	1884
33.	Гонохин Иван Петрович	Ул. Свердлова, квартал 27, д. 3	служащий	1887
34.	Гонохина Вера Якимовна	Ул. Свердлова, квартал 27, д. 3	домохозяйка	1888
35.	Гонохина Анна Николаевна	Ул. Свердлова, квартал 27, д. 3	учащаяся	1905
36.	Бурова Елена Александровна	Ул. Свердлова, квартал 6, д. 26	–	1859
37.	Стрижов Иван Алексеевич	Ул. Свердлова, квартал 7, д. ?	крестьянин	1908
38.	Стрижова Мария Алексеевна	Ул. Свердлова, квартал 7, д. ?	домохозяйка	1908
39.	Романов Павел Кирьянович	Ул. Урицкого, квартал 5, д. 17	крестьянин	1890
40.	Романова Мария Васильевна	Ул. Урицкого, квартал 5, д. 17	крестьянка	1862
41.	Ильин Иван Васильевич	Ул. 1-я Ленинская, кв. 32, д. 11	–	1903
42.	Ильина Мария Николаевна	Ул. 1-я Ленинская, кв. 32, д. 11	домохозяйка	1868
43.	Ильина Вера Ивановна	Ул. 1-я Ленинская, кв. 32, д. 11	–	1903
44.	Ильина Екатерина Ивановна	Ул. 1-я Ленинская, кв. 32, д. 11	–	1905
45.	Ильин Василий Иванович	Ул. 1-я Ленинская, кв. 32, д. 11	учащийся	1904
46.	Ромин Михаил Яковлевич	Ул. Большая, квартал 21, д. 20	торговец	1891
47.	Ромина Феоктиста Яковлевна	Ул. Большая, квартал 21, д. 20	домохозяйка	1893
48.	Кротова Маремьяна Михайловна	Ул. Большая, квартал 21, д. 20	крестьянка	1899
49.	Безхлебнова Федосья Васильевна	Ул. Троцкого, квартал 29, д. 5	домохозяйка	1908
50.	Зверева Мария Ивановна	Ул. Урицкого, квартал 23, д. 26	домохозяйка	1900

Научное издание

ИСТОРИЯ РЕЛИГИЙ ВО ВЛАДИМИРСКОМ КРАЕ (советский период)

Подписано в печать 10.05.18. Формат 60х84 1/16. Усл. печ. л. 11,63. Тираж 300 экз. Заказ 61.

Отпечатано с готового оригинала-макета
ООО «Издательство «Шерлок-пресс»
г. Владимир, ул. Девическая, д. 11